В. И. СМЫСЛОВ

СВИДЕТЕЛЬ

В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В. И. СМЫСЛОВ

СВИДЕТЕЛЬ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов юридических институтов и факультетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА 1973

34С5
С52

Смыслов В. И.

С52 Свидетель в советском уголовном процессе. Учебное пособие. «Высшая школа» 1973.

160 стр.

В пособии дается комплексное процессуально-криминалистическое и психологическое исследование проблемы свидетеля в уголовном процессе, анализируется место свидетельских показаний среди других источников доказательств, рассматривается процессуальное положение свидетеля, освещаются психологические основы формирования показаний свидетеля и тактика его допроса.

Предназначается для студентов юридических институтов и факультетов. Может быть использовано аспирантами, преподавателями, работниками суда, прокуратуры, адвокатами.

34С5

Рецензенты:
кандидат юридических наук А. Б. Соловьев,
кандидат юридических наук В. И. Шевцов

С $\frac{1\ 102-120}{001(01)-73}$ 42—73

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Иванович СМЫСЛОВ
Свидетель в советском уголовном процессе

Редактор Н. И. Соловьев
Художественный редактор Н. Е. Ильенко
Технический редактор Г. Г. Киселева
Корректор В. В. Краснов

А-08622 Сдано в набор 20/X—72 г. Подп. к печати 9/II—73 г.
Формат 84×108 1/32. Объем 5 печ. л. Усл. п. л. 8,40 Уч.-изд. л. 8,97
Изд. № УМО-5520 Тираж 29 000 экз. Зак. 1677. Цена 31 коп.
План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1973 г. Позиция № 42

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 32 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-51, Цветной бульвар, д. 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой попытку комплексного изложения — процессуально-криминалистического и психологического — некоторых основных положений института свидетельских показаний в советском уголовном процессе.

До недавнего времени указанная проблема разрабатывалась преимущественно в процессуальном или же криминалистическом аспекте. При этом сравнительно редко процессуальные и криминалистические моменты соединялись в единое целое. Вопросы же психологии свидетельских показаний освещались, как правило, в самых кратких очертаниях применительно к общей направленности того или иного процессуального или криминалистического исследования. Между тем такие психологические компоненты, как механизм формирования свидетельских показаний, участие в нем неосознанного отражения, влияние личности свидетеля на облик даваемых им показаний, стоят в прямой связи с подготовкой и организацией допроса свидетеля, проверкой и оценкой исходящей от него информации, органически вплетаются в общую ткань проблемы и, следовательно, не могут быть выведены за ее рамки. Только комплексное рассмотрение этой проблемы способно дать ощутимый научный и практический результат.

Настоящая работа не претендует на всесторонний охват темы о свидетеле и свидетельских показаниях. В ней преднамеренно опущены многие принципиальные в процессуальном и криминалистическом отношении вопросы, в частности такие, как оценка свидетельских показаний, проведение очной ставки, опознания и некоторых других следственных действий с участием свидетелей, особенности допроса свидетелей с физическими и

психическими недостатками, участие специалистов в допросе свидетелей и т. д. Схематически сказано о показаниях несовершеннолетних и малолетних свидетелей и о своеобразии их допроса. Более того, почти все вопросы темы освещаются применительно к условиям стадии предварительного расследования.

При отборе атрибутов предмета исследования и определении степени полноты изложения материала учитывались объем работы, ее характер и непосредственное целевое назначение. Основное внимание уделено психологическим основам свидетельских показаний в широком значении слова, а также тем процессуальным и криминалистическим вопросам, которые, по мнению автора, не нашли достаточно полного освещения в специальной литературе, либо, ввиду их спорности, нуждаются в дальнейшей теоретической разработке.

В процессе подготовки рукописи к печати автор стремился полнее отразить богатый опыт применения действующего уголовно-процессуального законодательства, судебно-следственную практику последних лет, показать в сравнительном плане некоторые особенности УПК союзных республик, касающиеся рассматриваемых проблем. В соответствующих разделах приведены, кроме того, наиболее характерные законодательные инновации братских социалистических государств, отражающие интересные тенденции развития института свидетельских показаний и дающие ему оригинальную процессуальную обрисовку.

Пособие рассчитано на студентов высших юридических учебных заведений и молодых следственно-прокурорских работников.

Глава I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СВИДЕТЕЛЕ И СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЯХ

§ 1. СВИДЕТЕЛЬ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Перед органами государства, ведущими уголовный процесс, стоит задача установления объективной истины по каждому уголовному делу. Только при выполнении этого условия органы расследования, прокуратуры и суда могут успешно разрешить более широкие задачи уголовного процесса, определенные ст. 2 Основ уголовного судопроизводства.

Установить по делу истину — значит восстановить картину того, что имело место в действительности, познать, выявить, доказать те факты и обстоятельства, которые стали предметом исследования, дать им правильную общественно-политическую и правовую оценку.

Средствами установления этих фактов, притом единственными, служат судебные доказательства, т. е. любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства) [1].

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозревае-

[1] Отсутствие упоминания в ч. 1 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства о прокуроре носит характер редакционной неудачи, выправленной ст. 14 тех же Основ.

мого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами (ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства).

Как видно, закон относит к судебным доказательствам **фактические данные**.

В русском языке слово «фактический» означает «отражающий действительное состояние чего-нибудь, соответствующий фактам»[1], а слово «данные» — «сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения»[2]. Таким образом, судебные доказательства — это сведения об обстоятельствах дела, на основе которых следствие и суд устанавливают факт преступления и все другие искомые по делу факты.

Фактические данные как сведения об исследуемых событиях составляют содержание доказательства. Для того чтобы они могли передаваться от одного субъекта к другому, необходим материальный носитель этих данных. Только тогда они могут попасть в орбиту уголовного судопроизводства. Закон устанавливает, что такими материальными носителями информации, используемой при расследовании и разрешении уголовного дела, являются показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого, показания обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Они обычно именуются **источниками фактических данных**[3]. Источник фактических данных, лишенный своего содержания (сведений), перестает быть источником. Такой источник не способен ничего ни доказать, ни опровергнуть.

В доказательстве нельзя отрывать содержание от формы. Оно выступает в уголовном процессе в единстве содержания (сведений, отображений, информации о прошлых событиях) и формы (показаний свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, заключения эксперта, вещественных доказательств, документов).

Разграничение в доказательстве формы и содержания имеет практическое значение при расследовании пре-

---

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972, стр. 779.
[2] *Там же*, стр. 139.
[3] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 250.

ступлений. Судебным доказательством может быть признано только такое доказательство, которое содержит определенную информацию об элементах предмета доказывания, полученную из предусмотренного законом источника. При решении уголовного дела не может быть использована информация, хотя бы и относящаяся к предмету доказывания, но полученная помимо установленных законом источников. Равным образом в уголовном деле не могут иметь места ссылки на законные источники, если они не содержат информации об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела. В. Я. Дорохов совершенно справедливо указывает, что «не может служить доказательством и односложный ответ обвиняемого на вопрос о том, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении. Ответ обвиняемого в форме: «Да, признаю», «Нет, не признаю» не содержит фактических данных, подтверждающих его виновность или невиновность, а выражает лишь психическое отношение обвиняемого к предъявленному обвинению» [1].

Доказательства по уголовному делу выступают либо в форме устных (показания) и письменных (заключение эксперта, протоколы, иные документы [2]) сообщений людей, либо в форме материальных объектов (вещественные доказательства). Однако все они могут попасть в орбиту уголовного судопроизводства только через людей. Это будут свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, авторы протоколов и документов. Материальные объекты могут выступать в качестве доказательств, если они будут подробно описаны в протоколах осмотра, по возможности сфотографированы и приобщены к делу особым постановлением лица, производящего дознание, следователя, прокурора или определением суда (ст. 84 УПК РСФСР). В отдельных случаях они могут быть признаны вещественными доказательствами и иным путем. Например, у обвиняемого при совершении хулиганских действий жильцами общежития был отобран нож и передан прибывшему на место происшествия милиционеру. Последний получение ножа

---

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая, стр. 256.

[2] Документы могут выступать и как вещественные доказательства, когда они обладают признаками, указанными в ст. 83 УПК РСФСР.

процессуально не оформил, а следователь ограничился вынесением постановления о приобщении ножа к делу. В судебном разбирательстве возник вопрос о допустимости данного доказательства. Он был разрешен допросом свидетелей, которые удостоверили принадлежность ножа обвиняемому и подтвердили факт отобрания его у обвиняемого во время совершения хулиганских действий. Следовательно, извлечь информацию из вещей, предметов, заставить заговорить «немых свидетелей» может только человек — обстоятельство, которое заставляет признать, что источником доказательства в уголовном процессе во всех случаях является человек — свидетель, обвиняемый и т. д., т. е. «лицо, сообщающее сведения о фактах, предметах»[1].

Доказательства, при помощи которых устанавливаются событие преступления и другие обстоятельства, могут правильно отражать реальную действительность, быть достоверными, но могут давать искаженную картину, оказаться недостоверными[2].

---

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая, стр. 250. При именовании источником доказательств «показания» и т. п. мы имеем в виду, что это — источник так сказать второго ряда, средство доказывания, то, откуда непосредственно извлекается, черпается информация о фактах. Такое различение источников соответствует реальности, механизму образования доказательств, почему критические замечания, сделанные М. С. Строговичем в адрес В. Д. Арсеньева, не воспринимаются как справедливые (см.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса М., 1958, стр. 162).

Человек — источник доказательств потому, что он создает доказательства или принимает участие в их создании. «Показание» и пр. — источник доказательств потому, что из него черпаются, извлекаются сведения о фактах. Так надо понимать выражение закона (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства): эти данные (доказательства) устанавливаются показаниями свидетеля и т. п. Слово «устанавливается» здесь употреблено не в том смысле, что фактические данные доказываются, а в том смысле, что они извлекаются из показаний и т. п., для доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Установить — не только доказать, но обнаружить выявить что-либо, то есть извлечь, почерпнуть (см.: Словарь современного русского литературного языка, т. 16. М.—Л., 1964, стр. 962—963).

[2] Очень удачно этот момент подчеркнут ст. 314 УПК РСФСР: суд при постановлении оправдательного приговора обязан привести доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему он отвергает доказательства, на которых основано обвинение. Отвергнуть же можно лишь то, что недоброкачественно, ложно. Поэтому нельзя изображать доказательства как факты (см.: Чельцов М. А. Советский

В процессе доказывания следствию и суду каждый раз приходится тщательно анализировать и проверять доказательства, давать им оценку. Существенное значение в этом отношении имеет проверка и оценка доброкачественности источника доказательства.

Среди источников доказательств важное место принадлежит свидетелям.

На рубеже XIX—XX вв. со свидетелями проводились многочисленные эксперименты и исследования, которые показали, что в свидетельских показаниях могут быть непроизвольные ошибки, связанные с искажениями при восприятии или передаче информации о наблюдаемых фактах. Попав под влияние махистской философии, отрицавшей возможность достоверного познания объективного мира, буржуазные ученые В. Штерн, Лист, Гросс, Локар, Гольдовский и др., в результате неправильной оценки данных экспериментальной психологии относительно способности людей воспринимать и воспроизводить воспринятые ими явления и факты, пришли к выводу, что якобы «слово человеческое и действительность лишь в редких случаях совпадают между собой»[1], что неправильное, ошибочное показание свидетеля есть правило, а правильное показание — исключение из правила.

Порочными оказались и применяемые буржуазными учеными методы исследования и методика проведения

уголовный процесс. М., 1962, стр. 135; Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве СССР». М., 1959, стр. 148). Доказывание — опосредованное познание. В уголовном деле факты сами должны быть доказаны, доказаны доказательствами, а не чем-либо иным. Факт — цель, но не средство доказывания.

С другой стороны, нельзя принять соображение, согласно которому в процессе доказывания все время приходится доказывать факты источниками, а затем этими фактами доказывать другие (см.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 294). Здесь понятие факта подменяется убеждением лица о его существовании. Факт представляет собой явление действительное, реальное, то, что существует, произошло, случилось на самом деле (см.: Словарь современного русского литературного языка, т. 16, стр. 1211—1214). Пока по делу не постановлен приговор, ни одно обстоятельство не имеет значения факта в указанном смысле слова.

[1] Холчев И. Восприятие и действительность. Сб. «Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания», вып. 1. М., 1902, стр. 259.

эксперимента. Изучение отдельных психических функций дает возможность установить только отдельные факты поведения, но не обеспечивает познания закономерностей формирования свидетельских показаний, опираясь на которые можно было бы научно объяснить эти факты. Вместо этого буржуазные психологи и криминалисты, обнаружив ограниченность органов чувств человека, стали выдавать это за ограниченность человеческого познания вообще.

Данные органов чувств, дополняясь мышлением и повседневно корректируясь практикой, снабжают нас правильной информацией, обеспечивающей деятельность в любой сфере, в том числе в области уголовного судопроизводства. Дело не в том, чтобы отбросить свидетельские показания из числа доказательств ввиду их ненадежности, а в том, чтобы разрабатывать приемы и методы получения достоверных свидетельских показаний.

Эксперименты со свидетелями совпали по времени с бурным развитием естественных и технических наук, что дало возможность применять достижения этих наук в раскрытии преступлений. Исследование доказательств приемами, опирающимися на успехи химии, физики, фотографии, спектрографии, рентгеноскопии, предложенными Бертильоном, Гроссом, Локаром и другими западноевропейскими криминалистами, объективно позволило обнаруживать и исследовать такие доказательства, которые ранее установить не представлялось возможным.

Преувеличенная критика свидетельских показаний и неумеренное восхваление научных и технических приемов (на первых порах далеких от совершенства) в уголовном процессе породили взгляды, что в век науки и техники свидетель вытесняется вещественными доказательствами — «немыми свидетелями» и экспертизами. «Следы на месте преступления имеют гораздо большее значение в деле уличения преступника, чем сообщения свидетелей, так как они дают меньше оснований к заблуждениям» [1].

«Опасность пришла оттуда — писал по этому поводу М. С. Строгович, — откуда, казалось, меньше всего ее можно было бы ожидать — из области науки» [2].

---

[1] Гельвиг А. Современная криминалистика. М., 1925, стр. 23.
[2] Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947, стр. 112.

Распространение взглядов о ненадежности показаний свидетелей в уголовном процессе и фетишизация «немых свидетелей», в конечном счете, явились результатом общего поворота буржуазии в период империализма к реакции, отражением того факта, что интересы империалистической буржуазии оказались несовместимы ни с истинностью, ни с законностью в правосудии, требования о которых в свое время были написаны на знамени идущей к власти буржуазии.

Поскольку в уголовном процессе современных империалистических государств требование установления истины, соблюдения законности часто является помехой для господствующего класса, стали весьма нежелательными и показания честных, добросовестных свидетелей. Их-то и стремятся любыми средствами опорочить и изгнать из уголовного процесса. Одним из поводов для этого являются преувеличенные представления ряда буржуазных ученых о заведомой ненадежности свидетельских показаний как средства установления истины, о необходимости замены их «немыми свидетелями».

Что же касается нечестных свидетелей, штатных агентов — доносчиков полиции, клятвопреступников и лжесвидетелей, как впрочем и лжеэкспертов, то им в уголовном процессе империалистических государств обеспечено широкое поле деятельности. В особенности это относится к США, где лжесвидетельство стало своеобразной профессией, своего рода бизнесом для многих проходимцев и лиц с уголовным прошлым.

Советская теория доказательств, прочно стоящая на позициях диалектического материализма, не признает деления источников доказательств по признакам их удельного веса и заранее обусловленной ценности. Любой из указанных в законе источников доказательств служит надежным средством установления истины, если им умело и правильно пользоваться.

В соответствии с законом никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства; ст. 71 УПК РСФСР). Указанное положение твердо вошло в обиход судебной практики, которая требует производить оценку

свидетельских показаний в совокупности с другими доказательствами по делу [1].

Свидетельское показание представляет собой сообщение свидетелем следствию или суду фактических данных относительно известных ему обстоятельств по делу. К показанию свидетеля закон предъявляет ряд требований. Во-первых, сообщение делается в устной форме; дача письменных свидетельских показаний по действующему закону не допускается. Во-вторых, показание должно быть получено в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке на допросе свидетеля в ходе дознания, предварительного или судебного следствия. В-третьих, допрос должен быть произведен органом государства, уполномоченным на то уголовно-процессуальным законом (органом дознания, следователем, прокурором, судом).

Свидетель — это лицо, которое по первому требованию органов расследования, прокуратуры и суда обязано явиться в назначенное время и место и дать в процессе допроса правдивые показания об известных ему и имеющих для дела значение обстоятельствах [2].

Каждый свидетель должен иметь определенный источник осведомленности о сообщаемых им на допросе сведениях о фактах. Не могут служить доказательствами фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности (ст. 74 УПК РСФСР). Таким источником осведомленности для свидетеля служит прежде всего личное, непосредственное восприятие им определенных обстоятельств, имеющих значение для дела.

В качестве источника осведомленности для свидетеля может служить наряду с личным, непосредственным вос-

---

[1] См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 2, стр. 36.

[2] Некоторые процессуалисты, давая определение свидетеля, акцентируют внимание на отношение свидетеля к исследуемому делу: «лицо, не причастное к совершению расследуемого преступления» (Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1955, стр. 36); «лицо, которое не несет ответственности за совершение данного преступления» (Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 71). Указанные определения следует понимать в том смысле, что если у органов следствия или суда имеются сведения о причастности конкретного лица к преступлению или что это лицо несет ответственность за совершение данного преступления, то оно должно допрашиваться не в качестве свидетеля, а в качестве подозреваемого или обвиняемого.

приятием фактов по делу также знание об этих фактах со слов других лиц, которые видели или иным путем восприняли факты, события. Поэтому в качестве свидетеля может быть допрошено лицо, которое непосредственно не воспринимало обстоятельства, о которых дает показания, но слышало о них от других лиц, знающих об этих обстоятельствах.

Показания, которые свидетели дают с чужих слов, важны для следствия и суда ввиду того, что позволяют выявить и допросить очевидцев, заполучить другие источники доказательств по делу, проконтролировать первоначальный источник информации. Самостоятельное доказательственное значение показаний таких лиц невелико, и суд не должен основывать свои выводы по делу на показаниях свидетелей, сообщающих о происшедшем со слов других лиц. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 сентября 1958 г. по делу Абрамова и Овцина записал: «Показания свидетелей Шитовой, Арзумановой и Ахмяковой Нины также нельзя признать достаточными для вывода о виновности Абрамова и Овцина в совершении преступления, имея в виду, что сами они очевидцами нападения на потерпевшего Ахмякова не являлись и свои показания давали со слов последнего»[1].

Существенную помощь в правильном разрешении уголовного дела могут оказать свидетели, которые наблюдали поведение обвиняемого или слышали его высказывания после совершения преступления. Как указал Пленум Верховного Суда СССР, показания таких свидетелей имеют доказательственное значение и могут быть приняты во внимание судом, наряду с другими данными, при исследовании обстоятельств дела[2].

Предмет допроса и дачи свидетелем показаний определяется законом. Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними (ст. 74 УПК РСФСР). К предмету допроса свидетеля могут быть отнесены не только сведения о самом событии преступления, но также о сопутствовавших, предшествовав-

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 2, стр. 18.
[2] См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 2, стр. 16—17.

ших или последовавших вслед за событием обстоятельствах. Свидетель может быть допрошен о личности других свидетелей в целях правильной оценки их показаний.

Доказательственное значение в показаниях свидетелей могут иметь только сообщаемые ими конкретные сведения о фактах, обстоятельствах дела. Обвинение не может быть основано на неконкретных показаниях свидетелей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор по обвинению Кочалиева в хулиганстве, записала в своем определении: «Обвинение Кочалиева основано на показаниях контролера кинотеатра Алиева и двух его сослуживцев; из материалов дела совершенно не понятно, в чем выразились конкретно хулиганские действия Кочалиева, при каких обстоятельствах они им совершены»[1].

Даваемая свидетелем характеристика обвиняемого или другого лица также должна заключать в себе сообщение о конкретных фактах, не быть голословной. Так, Судебная коллегия Верховного Суда СССР, установив, что «обвинение Насибова основано на показаниях свидетелей о том, что обвиняемый «нечестный человек», отметила, что «обвинение в краже не может быть основано только на отрицательной характеристике обвиняемого со стороны свидетелей, не давших показаний по существу предъявленного обвинения»[2].

Во время допроса свидетель иногда не ограничивается сообщением о воспринятых им фактах, но дает объяснения этим фактам, высказывает предположения. В некоторых случаях это может подсказать путь к отысканию доказательств, их проверке, содействовать выработке версий[3]. Однако мнения и суждения свидетеля, не основанные на конкретных фактах, лишены доказательственного значения. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что показания свидетелей, выражающие личные предположения, не основанные на конкретных фак-

---

[1] Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1943). М., Юриздат, 1948, стр. 141.

[2] Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.). М., Юриздат, 1940, стр. 11.

[3] По одному делу Верховный Суд СССР прямо указал, что предположительные выводы свидетеля о происшедших событиях могут быть использованы как версии, нуждающиеся в проверке. См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 44—46.

тах, не могут служить доказательствами по делу[1] и не могут быть положены в основу обвинительного приговора[2].

Кроме свидетеля, доказательственную информацию доставляют потерпевший, обвиняемый, подозреваемый и эксперт.

Ближе других источников доказательств (по своим объективным свойствам) стоит к свидетелю потерпевший. Показания того и другого имеют черты сходства как по форме, так и по содержанию, по предмету показаний. Много общего имеется в самом процессе формирования тех и других показаний. Неслучайно законом установлен в принципе одинаковый процессуальный режим для собирания, проверки и оценки показаний свидетеля и потерпевшего (ст. 75, 155—161, 287 УПК РСФСР).

Вместе с тем свидетель и потерпевший отнюдь не однородные фигуры уголовного судопроизводства. В то время как свидетель обычно не имеет в деле процессуального интереса, не занимает в нем устойчивого положения, является субъектом отдельных процессуальных отношений, но не участником процесса и с точки зрения процессуального положения характеризуется в первую очередь выполнением правовой обязанности правдиво сообщать об известных ему обстоятельствах дела, потерпевший всегда преследует в процессе определенный интерес, занимает устойчивое положение в производстве дела и, будучи активным участником процесса, оказывает влияние на ход и исход дела. В отличие от свидетеля дача показаний не только обязанность, но и право потерпевшего[3], а сами показания не только средство доказывания, но и средство защиты его интересов. По окончании предварительного следствия потерпевший знакомится с материалами дела, что оказывает существенное влияние на облик, содержание и общую направленность его по-

---

[1] Постановления Пленума Верховного Суда СССР: от 2 декабря 1959 г. по делу П. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 82), от 10 ноября 1964 г. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 6, стр. 21).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 октября 1964 г. по делу Беспалова и Синякова («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 21).

[3] Исходя из трактовки потерпевшего как участника процесса, УПК УССР вообще не возлагает на него обязанности давать показания.

казаний. Учитывая все это, законодатель рассматривает потерпевшего как самостоятельный источник доказательств.

Как и показания потерпевшего, показания обвиняемого и подозреваемого служат не только источниками фактических данных, но и средством защиты их прав и интересов. Разница в том, что потерпевший посредством своих показаний защищает интересы в связи с причиненным ему преступлением вредом, обвиняемый и подозреваемый, давая показания, защищаются от предъявленного обвинения или возведенного подозрения. Указанный момент еще больше отдаляет показания свидетеля от показаний обвиняемого и подозреваемого. Если показания свидетеля, как правило, содержат сведения о действиях и поступках других лиц, то показания обвиняемого и подозреваемого касаются раньше всего обстоятельств, связанных с собственными действиями и поступками. В этом смысле они всегда шире по объему и содержанию показаний свидетелей: в них неизбежно проступают объянения по поводу совершенных действий и поступков.

Обвиняемый — активный участник процесса, который в подавляющем большинстве случаев в полной мере использует предоставленные ему права при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства. Соответственно с различием процессуального положения свидетеля и обвиняемого закон устанавливает различные правила собирания, закрепления и проверки их показаний.

Однако в конкретной практической ситуации грань различия между сопоставляемыми источниками доказательств не всегда столь ясна. В качестве свидетелей на практике допрашиваются лица, переданные на поруки после предъявления обвинения, по поводу действий лиц, являвшихся соучастниками преступления, но не переданными общественности на перевоспитание и исправление. Точно так же в качестве свидетелей допрашиваются обвиняемые в отношении других обвиняемых, дело о которых после предъявления всем обвинения выделено в отдельное производство. Наконец, как свидетели допрашиваются лица, отбывшие срок наказания, в отношении бывших соучастников преступления, дело о которых пересматривается в связи с отменой приговора в порядке судебного надзора.

Во всех перечисленных случаях, думается, названные лица свидетелями не являются и не должны допрашиваться в качестве таковых. Свидетель рождается обстоятельствами дела, а не собственными преступными действиями. Кто пребывал в положении обвиняемого, чья виновность в совершении преступления доказана, тот, независимо от того, был он или не был освобожден от уголовной ответственности, не может трансформироваться в свидетеля и давать свидетельские показания относительно своих соучастников. Если лицо, совершившее преступление, находилось в положении обвиняемого, подсудимого или осужденного, если виновность этого лица доказана с несомненностью, если в связи с этим оно пользовалось правами обвиняемого (подсудимого), оно должно в необходимых случаях допрашиваться не по правилам допроса свидетеля, а по правилам допроса обвиняемого (подсудимого), что и должно быть отражено в уголовно-процессуальном законодательстве. Практика идет по иному пути лишь потому, что действующее законодательство не регламентирует порядка допроса упомянутых лиц.

Своеобразное положение в уголовном судопроизводстве занимает эксперт. Советская теория доказательств рассматривает свидетеля и эксперта в качестве самостоятельных, отличных друг от друга по своей природе источников доказательств.

Эксперт и свидетель имеют различные источники своей осведомленности. Свидетель создается самим событием преступления и фактом восприятия им определенных обстоятельств происшедшего события, в связи с чем он располагает сведениями до привлечения к делу для информации о них[1]. Эксперт черпает сведения о необходимых ему данных для дачи заключения не путем личного восприятия каких-то обстоятельств преступного события, а из материалов дела, представляемых ему следствием и судом. Для дачи заключения эксперт использует свои специальные познания и личный опыт специалиста в определенной сфере деятельности. В то время как свидетель являет собой только лицо, дающее показания, эксперт, прежде чем представить заключение по поставленным перед ним вопросам, выступает актив-

---

[1] См.: Якуб М. Я. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, стр. 23.

ным исследователем определенных обстоятельств дела. Формирование экспертного заключения столь существенно отличается от формирования свидетельского показания, сколь существенно отличается эксперт как источник доказательств от свидетеля. Вполне резонно поэтому уголовно-процессуальное законодательство по-разному определяет их процессуальное положение и относит заключения экспертов и показания свидетелей к самостоятельным источникам доказательств [1].

§ 2. ЛИЦА, ВЫЗЫВАЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЕЙ

Важнейший фактор прочности социалистической законности состоит в том, что борьба с правонарушениями в условиях советского строя является делом не только государства, но всех трудящихся. Для достижения успеха в борьбе за укрепление революционной законности, отмечал В. И. Ленин, недостаточно только пропаганды, эту борьбу можно завершить лишь в том случае, «если сама народная масса помогает»[2]. Одной из форм участия советских граждан в укреплении социалистической законности является добросовестное исполнение такого своего общественного и государственного долга, как дача свидетельских показаний.

---

[1] Закон считает источником доказательств заключение, а не показание эксперта. В том случае, когда в процессе допроса эксперта возникшие неясности устранены или получены ответы, делающие излишней дополнительную экспертизу, показания эксперта должны рассматриваться как составная часть представленного заключения. На это правильно обратил внимание Г. М. Миньковский (Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. М., Госюриздат, 1961, стр. 112). Такой вывод вытекает и из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» (см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 10).

Отмеченные различия в процессуальном положении свидетеля и эксперта вовсе не говорят о том, что эксперт является участником процесса. Эксперт не имеет в деле процессуального интереса, не выполняет какой-либо процессуальной функции, его процессуальное положение определяется прежде всего возложенной на него законом обязанностью, а не наличием процессуальных прав. Включение эксперта в число участников процесса ст. 31 УПК Казахской ССР расходится с общим смыслом раздела II Основ уголовного судопроизводства.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 171

Советский законодатель установил реальные возможности для правильного исполнения свидетелем его обязанностей и в то же время обеспечил охрану прав, чести и достоинства свидетеля-гражданина.

Уголовно-процессуальное законодательство с самого начала отвергло теорию формальных доказательств, предоставив суду право решать вопрос о допуске тех или иных доказательств по внутреннему убеждению судей в соответствии с их социалистическим правосознанием. Декрет о суде № 2 указывал, что в отношении доказательств суд не стеснен никакими формальными соображениями и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства (ст. 14) [1]. Это положение было закреплено также в инструкции и положениях о народном суде [2], в первых уголовно-процессуальных кодексах [3] и Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [4].

Принесение присяги отменялось, и как доказательство она не допускалась [5].

В числе доказательств, о которых упоминается в первых советских уголовно-процессуальных актах, первое место отводится свидетельским показаниям. При этом законодатель не допускал какой бы то ни было дискриминации свидетелей.

Советский уголовно-процессуальный закон допускает в качестве свидетелей всех лиц, которые могут правильно воспринимать явления объективной действительности и правильно отражать их в своих показаниях.

Возраст свидетеля. Закон не устанавливает возрастных ограничений для допуска лиц в качестве свидетелей по уголовным делам. Как дети, так и престарелые, несмотря на особенности их психики, могут сооб-

---

[1] О суде (декрет № 2). Декрет ВЦИК опубликован 7 марта 1918 г. (СУ 1918 г., № 26, стр. 420 (347).

[2] Инструкция «Об организации и действии местных народных судов», ст. 34. Утверждена постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. (СУ 1918 г., № 53, стр. 597); положение «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», ст. 24. Утверждено декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. (СУ 1918 г., № 85, ст. 889).

[3] УПК РСФСР 1922 г. (ст. 61).

[4] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 20. Утверждены постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. (СУ 1924 г., № 24, ст. 206).

[5] Декрет № 2 о суде, ст. 14.

щить ценные сведения об обстоятельствах уголовного дела.

Способность детей правильно воспринимать события объективной действительности и давать о них правильные показания во многом определяется их индивидуальными особенностями, характером событий, о которых они допрашиваются, а также участием их в этих событиях. Поэтому невозможно заранее наметить формальную возрастную грань для допуска малолетних в качестве свидетелей. Учитывая особенности детской психики, можно лишь обставить допрос несовершеннолетних свидетелей рядом условий, способствующих получению полноценной доказательственной информации.

При допросе свидетеля до 14 лет, а по усмотрению следователя и суда и в возрасте от 14 до 16 лет, вызывается педагог. В случае необходимости приглашаются также законные представители несовершеннолетних или близкие родственники (ст. 159 и 285 УПК РСФСР). УПК Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР предусматривают участие педагога при допросе свидетеля, не достигшего 18 лет. УПК Украинской ССР и Казахской ССР предусматривают право следователя привлечь к допросу несовершеннолетнего свидетеля врача, который, однако, не заменяет собой педагога, а действует наряду с ним.

Возможность ошибочного представления малолетних о сообщаемых фактах, крайняя неустойчивость их психики требуют чрезвычайно внимательного и осторожного отношения к допросу таких свидетелей и критической оценки их показаний. Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание на необходимость учета при оценке показаний малолетних свидетелей их возрастных и индивидуальных особенностей, степени развития[1] и относиться особенно критически к показаниям таких свидетелей[2].

До принятия действующих УПК в юридической литературе обсуждался вопрос о том, можно ли предупреждать несовершеннолетнего свидетеля об ответственности

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 18 декабря 1964 г. по делу Леготина В. С. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 27).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 января 1958 г. по делу Строганова И. Д. и др. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 2, стр. 24.

за дачу ложных показаний, хотя такой свидетель не мог быть привлечен за это к уголовной ответственности. Так, В. С. Тадевосян полагал, что «следователь и судья должны объяснить детям их обязанности показывать правду и отбирать у них подписку о правильности их показаний»[1]. В действующих УПК на этот счет содержится прямое указание: свидетели, не достигшие 16 лет, не предупреждаются об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а следовательно, у них не отбирается подписка о таком обязательстве (ст. 158 УПК РСФСР).

Допрос иностранных граждан в качестве свидетелей. Иностранные граждане, обладающие правом дипломатической неприкосновенности, могут привлекаться в качестве свидетелей по уголовным делам лишь по их просьбе или с их согласия. Согласие на привлечение этих лиц в качестве свидетелей судебные и следственные органы испрашивают через Министерство иностранных дел СССР или союзной республики. Все остальные иностранные граждане привлекаются в качестве свидетелей на общих основаниях.

Ограничения круга лиц, привлекаемых в качестве свидетелей. Советское уголовно-процессуальное законодательство знает только два исключения, ограничивающих круг лиц, привлекаемых в качестве свидетелей. Одно из них, призванное обеспечить доброкачественность источника доказательств, выражается в ограничении допуска в качестве свидетеля лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Другое — запрещение допрашивать защитника обвиняемого об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника, — направлено на охрану конституционного принципа права обвиняемого на защиту.

Недопущение к свидетельству той и другой категории лиц служит важной гарантией отыскания истины по делу и правильного отправления правосудия.

Физический или психический недостаток человека может отражаться на восприятии, запоминании и воспро-

---

[1] Тадевосян В. С. Расследование преступлений несовершеннолетних. М., 1950, стр. 62.

изведении воспринятого. С этой точки зрения вряд ли оправдано указание ст. 51 УПК Эстонской ССР на то, что свидетелем может быть лицо, способное давать о фактах правильные показания. Свидетель порой субъективно убежден в правильности воспроизведения воспринятых им явлений, хотя сам процесс восприятия объективно отличался дефектностью, обусловленной теми или иными физическими или психическими недостатками, временным расстройством психики и т. п. Общеизвестно, например, что человек, страдающий дальтонизмом, не различает темно-красные пятна на черном фоне и, не зная о своем недостатке, может с убежденностью, скажем, утверждать, что пятен крови на одежде обвиняемого не было.

В литературных источниках в свое время высказывалось мнение, что причиной, и притом основной, недопущения к свидетельству лиц, страдающих психическими недостатками, является отсутствие ответственности таких лиц за свои действия. Р. Д. Рахунов совершенно определенно утверждал, что поскольку душевнобольной является таким лицом, которое не ответственно за свои действия, в данном случае за свое показание, постольку это лицо не может быть субъектом уголовно-процессуальных отношений [1].

Такое утверждение нельзя признать точным. На самом деле устранение от свидетельства лиц, страдающих психическими недостатками, основано на их неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Ограничения в допущении свидетельских показаний лиц, страдающих физическими или психическими недостатками, продиктованы стремлением законодателя устранить из уголовного судопроизводства ненадежные средства установления истины по делу.

Неточность утверждения Р. Д. Рахунова подчеркивается, кроме того, тем, что уголовно-процессуальный закон допускает в качестве средств доказывания показания лиц, которые не несут за них ответственность, в частности, показания малолетних свидетелей.

При ограничении круга свидетелей по указанному признаку решающим является неспособность лица пра-

---

[1] См.: Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 38.

вильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, а не само по себе наличие физических или психических недостатков. Иначе говоря, недопущение к свидетельствованию по мотивам физических или психических недостатков имеет единое основание, одновременно проявляемое в двух критериях: неспособности правильно воспринимать явления и правильно воспроизводить воспринятое.

Психические и физические недостатки у человека могут выражаться в различной степени и форме. Они могут носить временный характер, могут препятствовать лицу правильно воспринимать и давать правильные показания только об отдельных обстоятельствах. Закон не устанавливает, какие именно психические или физические недостатки служат препятствием к допросу в качестве свидетеля. Указанные недостатки не являются препятствием к допросу, если заболевание или иное отклонение от нормы не лишает таких лиц способности правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства дела в данный период. Однако использование и оценка показаний таких лиц представляет значительные трудности для суда и следственных органов. Поэтому использование этих показаний может иметь место лишь в случаях крайней к тому необходимости.

Распознать наличие физического или психического недостатка и степень влияния его на способность правильно воспринимать обстоятельства и давать о них правильные показания иногда бывает довольно трудно и может потребовать специальных знаний. Поэтому, когда возникает сомнение в способности свидетеля правильно воспринимать обстоятельства и давать о них правильные показания, для определения психического или физического состояния лица в момент восприятия им событий или в момент дачи показаний об этих событиях уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязательное назначение экспертизы [1].

Экспертиза необходима также там, где есть основания полагать, что свидетель скрывает недостатки, могущие исказить его показания, или, наоборот, симулирует их. При проведении такой экспертизы в задачу эксперта

---

[1] УПК Казахской ССР (ст. 53, п. 3) и УПК Эстонской ССР (ст. 58, п. 2) предусматривают обязательное назначение экспертизы только для определения психического состояния свидетеля.

входит определение психического или физического состояния свидетеля в соответствующий период времени, способности его правильно воспринимать обстоятельства, устанавливаемые по делу, и воспроизводить их. К компетенции эксперта не относится решение вопроса о способности лица быть свидетелем по делу или о степени достоверности данных таким лицом показаний. Решение такого рода вопросов составляет прерогативу следователя и суда [1].

В качестве свидетеля не может допрашиваться защитник обвиняемого об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника.

Примечание 1 к ст. 62 прежнего УПК УССР допускало возможность устранения защитника от исполнения функции защиты и допроса его в качестве свидетеля, если защитнику становились известными от подзащитного сведения о контрреволюционных преступлениях.

Положение об ограничении тайны, доверяемой обвиняемым своему защитнику, одно время получило поддержку некоторых советских процессуалистов, выступивших с рекомендацией расширить действие примечания 1 к ст. 62 УПК УССР и в отношении других преступлений, недоносительство о которых карается по закону, и распространить этот принцип на все союзные республики [2]. Другие процессуалисты, напротив, отрицательно оценивали данное правило УПК УССР и решительно высказывались против его расширения и перенесения в УПК других союзных республик [3]. Последняя точка зрения встретила поддержку со стороны законодателя и получила признание во всех УПК союзных республик.

Ст. 111 Конституции СССР провозглашает право обвиняемого на защиту. Защита прав и законных интере-

---

[1] Верховный Суд СССР последовательно проводит мысль о том, что при наличии обоснованных сомнений в способности свидетеля правильно воспринимать и воспроизводить воспринятое производство экспертизы является обязательным. См., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 34.

[2] См.: «Советский уголовный процесс». М., 1956, стр. 90; Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М.. 1955, стр. 43; Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд. Саратовского ун-та, 1960, стр. 67.

[3] См., например, Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 221.

сов — конституционная обязанность защитника. Защищая обвиняемого от предъявленного обвинения, оказывая помощь в осуществлении его процессуальных прав, защитник в то же время содействует правильному и всестороннему рассмотрению дела и вынесению законного приговора [1].

Содействие правосудию защитник осуществляет, следовательно, в определенном направлении: используя все указанные в законе средства и способы, он представляет доказательства и доводы для выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, а также оказывает ему другую необходимую юридическую помощь. Именно таким, а не каким-либо другим путем защитник осуществляет требования конституционного права обвиняемого на защиту. Положение закона о недопущении допроса защитника в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших известными от обвиняемого, служит реальной гарантией последовательного осуществления этого принципа. С этой целью закон предоставляет обвиняемому возможность свободно беседовать и советоваться со своим защитником по любым обстоятельствам дела, не опасаясь, что сведения, которые он доверительно сообщит своему защитнику, будут использованы против его интересов.

Последовательное осуществление права обвиняемого на защиту предполагает далее, чтобы сведения об обстоятельствах дела, которые стали известны защитнику в связи с исполнением им своих функций, не могли составить предмета допроса этого лица в качестве свидетеля и в том случае, когда они исходили не от обвиняемого, а от его родственников. Причем защитник не должен допрашиваться о таких обстоятельствах даже при условии освобождения его от исполнения функций защитника. Сохранение в тайне этих сведений — не только право, но и обязанность защитника. В противном случае институт защиты превратился бы в свою противоположность.

Советские судебно-следственные органы располагают всеми необходимыми средствами для изобличения виновных, полного и быстрого раскрытия преступлений

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. № 6, п. 2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963. М., 1964, стр. 172.

и не заинтересованы в подрыве права обвиняемого на защиту. Наоборот, успешное осуществление задач уголовного судопроизводства невозможно без последовательного проведения указанного принципа и твердой гарантии того, что сведения об обстоятельствах дела, почерпнутые защитником в процессе выполнения функции защиты, не послужат основанием для превращения защитника в свидетеля[1].

В связи с этим обращает на себя внимание недостаточно четкая регламентация некоторыми УПК союзных республик положения о воспрещении допрашивать защитника обвиняемого в качестве свидетеля.

Уголовно-процессуальные кодексы Белорусской ССР (ст. 66), Казахской ССР (ст. 44), Азербайджанской ССР (ст. 69) и Армянской ССР (ст. 62) запрещают допрос защитника только в отношении обстоятельств, которые стали ему известны от подзащитного (обвиняемого). Создается впечатление, что названные кодексы допускают возможность допроса защитника в качестве свидетеля по обстоятельствам, которые стали ему известны от родственников или близких обвиняемого или из других источников, доступ к которым он получил, выполняя свои функции.

Уголовно-процессуальные кодексы Грузинской ССР (ст. 65), Киргизской ССР (ст. 59), Таджикской ССР (ст. 65) и Латвийской ССР (ст. 52) запрещают вызов и допрос защитника в качестве свидетеля по делу, по которому он выполняет обязанности защиты. Следовательно, сведения, которые доверил обвиняемый своему защитнику, все-таки могут быть использованы против него, хотя и по другому делу. Такое положение нельзя признать правильным.

По действующему законодательству родственники обвиняемого не освобождаются от дачи свидетельских показаний. За отказ или уклонение от дачи свидетель-

---

[1] Действующее законодательство текстуально говорит о невозможности допроса в качестве свидетеля защитника, принявшего на себя обязанности по защите. Это положение имеет, конечно, более широкий смысл: защитник не может допрашиваться как свидетель и тогда, когда сведения об обстоятельствах дела им почерпнуты в период переговоров о принятии защиты интересов обвиняемого и когда почему-либо между защитником и обвиняемым (его родственником) не было достигнуто соглашения по этому поводу. Иначе во многих случаях обвиняемый будет практически лишен возможности избрать себе защитника по соглашению.

ских показаний они несут уголовную ответственность по ст. 182 УК РСФСР, а за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР. В отличие от других свидетелей супруг, родители, дети, братья, сестры обвиняемого в силу родственных чувств кровно заинтересованы в благополучном для обвиняемого исходе дела. Если свидетель в стремлении облегчить участь своего родственника сознательно искажает обстоятельства дела, очень сомнительно, чтобы угроза уголовной ответственности возымела на него должное воздействие. Поэтому вряд ли можно игнорировать при допросе родственников обвиняемого естественное чувство человека не причинять своему ближнему вреда и рассчитывать на получение от него правдивых показаний, имея в виду угрозу уголовного наказания. Потому-то судебная практика очень осторожно подходит к использованию показаний родственников обвиняемого при разрешении уголовного дела. Верховный Суд СССР неоднократно указывал на необходимость особо критического отношения к показаниям свидетелей, являющихся родственниками обвиняемого, ввиду их заинтересованности в исходе дела, и отменял решения судов, основанные на таких показаниях. Так, отменяя приговор по делу А., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «Суд при рассмотрении дела некритически отнесся к проверке и оценке показаний тех свидетелей, которые в силу родственных связей с ... осужденными заинтересованы в необъективном освещении фактических обстоятельств»[1].

Кроме того, нельзя не учитывать, что допрос родственников обвиняемого причиняет им нравственные страдания, хотя их личной вины в содеянном обвиняемым может и не быть. Понуждение супруга, родителей или других родственников давать показания против своего близкого под страхом уголовного наказания находится в противоречии с требованиями социалистической морали и не соответствует гуманному строю всего советского законодательства.

Характерной чертой положения личности в советском обществе является неуклонное расширение прав и свобод граждан. Партия и государство проводят в этом направлении целый ряд важных мер, включающих совершенствование законодательства, относящегося к осу-

---

[1] «Бюллетень Верхного Суда СССР», 1962, № 2, стр. 35.

ществлению прав и свобод граждан. За последние годы проведена большая законодательная работа, направленная на укрепление охраны здоровья народа, укрепление семьи, дальнейшее совершенствование трудовых отношений. Неотъемлемой и составной частью намеченного XXIV съездом КПСС всестороннего развития социалистической демократии является дальнейшее расширение и укрепление прав советских граждан. Одним из таких гарантированных прав должно быть, по нашему мнению, право родственников обвиняемого выступать в качестве свидетелей только при наличии с их стороны добровольного на то согласия.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о недопустимости игнорировать моральное состояние родственников, привлекаемых в качестве свидетелей для дачи показаний, уличающих их близких. При вызове их в качестве свидетелей, а тем более при решении вопроса о привлечении к ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за ложные показания, рекомендовалось «подходить к ним с большой осторожностью и чуткостью»[1]. Предлагалось заменить уголовную ответственность родственников обвиняемого за неисполнение свидетельских обязанностей передачей дел о них на рассмотрение общественности[2].

Уместно напомнить, что в первых советских законодательных актах, в частности в Положении о полковых судах[3], Положении о военных следователях[4], содержались особые правила, касающиеся допроса в качестве свидетелей родственников обвиняемого. Они распространялись на жену обвиняемого, его родственников по прямой линии, а также родных братьев и сестер. При этом Положение о полковых судах не исключало родственников из числа свидетелей, а только предусматривало допрос их без отобрания подписки об ответственности за

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т I. М., «Наука», 1968, стр. 398.

[2] См.: Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 89.

[3] Положение о полковых судах, ст. 69. Утверждено декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. (СУ 1919 г., № 31—32, ст. 326).

[4] Положение о военных следователях, ст. 66. Утверждено приказом Реввоенсовета Республики № 1595 от 30 сентября 1919 г. (Сборник приказов РВСР 1919 г.).

ложные показания. Положение о военных следователях разрешало этой категории лиц устранять себя от свидетельства.

Право отказаться от дачи свидетельских показаний предоставлено родственникам обвиняемого и уголовно-процессуальным законодательством ряда социалистических стран (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР, СФРЮ).

Ст. 51 болгарского УПК наделяет такими правами супруга, родственников по восходящей и нисходящей линиям, братьев и сестер обвиняемого. Вместе с тем лицо, не воспользовавшееся своим правом отказа от дачи свидетельских показаний, обязано говорить правду, иначе оно несет ответственность за ложные показания.

По УПК ГДР свидетели могут использовать это право как на предварительном следствии, так и в судебном заседании. В последнем случае их показания, данные на предварительном следствии, не могут быть оглашены. Право этих лиц на отказ от дачи показаний ограничивается случаями, когда уголовным законом установлена обязанность давать показания.

В целях обеспечения использования свидетелем своего права на отказ от показаний УПК Венгрии устанавливает ряд процессуальных гарантий. Предупреждение свидетеля о его праве и ответ свидетеля фиксируются в протоколе. Несоблюдение этого правила влечет за собой исключение показаний свидетеля из числа доказательств. Показания свидетелей не могут приниматься как доказательства и в том случае, если он допрашивался вопреки обоснованным заявлениям на свое право отказаться от показаний.

Наряду с этим в уголовно-процессуальном законодательстве ряда социалистических стран предусмотрен особый порядок допроса в качестве свидетеля некоторых должностных лиц. Так, по УПК ГДР (§ 28) заместитель Председателя, члены и секретари Государственного Совета, Председатель Совета Министров, Председатель Верховного Суда и Генеральный Прокурор получают разрешение на дачу показаний от Председателя Государственного Совета. Члены Совета Министров, государственные секретари, а также руководители центральных государственных органов и их заместители для дачи показаний должны получить разрешение Председателя Совета Министров.

Особый порядок допроса в качестве свидетелей некоторых должностных лиц был известен и советскому праву. Члены ВЦИК и ЦИК СССР могли вызываться для допроса в качестве свидетелей на общих основаниях. Однако к ним не могли применяться меры, установленные против неявки свидетелей. В случае неявки этих лиц для допроса в качестве свидетеля судебно-следственные органы могли обратиться за указаниями соответственно в Президиум ВЦИК или ЦИК СССР [1]. Члены ЦИК СССР могли просить о допросе их по месту службы или дома. Они могли также отказаться от дачи показаний, сообщив о мотивах отказа следственным властям и в Президиум ЦИК СССР [2].

XXIV съезд КПСС поставил задачу дальнейшего повышения авторитета депутатов Советов. В этой связи заслуживает внимательного изучения вопрос о депутатском иммунитете и в частности о целесообразности установления особого порядка допроса депутатов в качестве свидетелей.

Незаменимость свидетеля и несовместимость исполнения свидетельских обязанностей с другими функциями по тому же делу. Свидетель создается самими обстоятельствами дела и потому он незаменим. Правило о незаменимости свидетеля является выражением демократизма нашего судопроизводства и обеспечивает объективное и беспристрастное разрешение уголовного дела. В то же время установление истины по уголовному делу требует, чтобы свидетельские показания были свободны от всякого постороннего влияния. С этой целью уголовно-процессуальный закон запрещает выполнять свидетелю другие функции в уголовном процессе по тому же делу. Если лицо участвует в процессе в качестве свидетеля, то оно не может по тому же делу выполнять обязанности судьи, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта (ст. 59, 63, 64, 65, 66, 67 УПК РСФСР).

Суд выносит решение по своему убеждению, которое

---

[1] См.' Положение о членах ВЦИК, ст. 13. Утверждено постановлением 2-й сессии ВЦИК XII созыва от 24 октября 1925 г. (СУ 1925 г., № 87, ст. 643); Положение о ЦИК СССР, ст. 70, 71. Утверждено постановлением 3-й сессии ЦИК СССР I созыва от 12 октября 1923 г. (СУ РСФСР 1923 г., № 106, ст. 1030).

[2] См.: Положение о ЦИК СССР, ст. 70.

складывается исключительно на основании рассмотрения и оценки всех доказательств по делу в их совокупности в судебном заседании. Поэтому, если народный судья (народный заседатель) был очевидцем рассматриваемого в суде события, то при всей его добросовестности он окажется связанным тем убеждением, которое сложилось у него еще до проверки всех обстоятельств дела.

Судебная практика последовательно придерживается принципа: лицо, допрошенное в качестве свидетеля по делу, не может входить в состав суда при рассмотрении этого дела [1]. Более того, Верховный Суд СССР справедливо распространяет требование об отводе судьи «не только на случаи, когда лицо участвовало в качестве свидетеля, как это буквально выражено в законе, но и на те случаи, когда лицо, являясь очевидцем инкриминируемого преступления, могло бы участвовать в деле в качестве свидетеля, что вытекает из общего смысла и духа закона» [2].

Стало быть, судья и народный заседатель не вправе выполнять судебную функцию во всех тех случаях, когда им становятся известными сведения об обстоятельствах дела вне связи с его производством. Отсюда — текст п. 1 ст. 59 УПК РСФСР, выраженный словами «судья не может участвовать в рассмотрении дела, если он является свидетелем», желательно формулировать несколько иначе: «является или должен являться свидетелем по делу».

Равно не могут выполнять свою служебную функцию прокурор и следователь по тому делу, по которому они были очевидцами совершенного преступления. Это, однако, не освобождает их от обязанности принять все необходимые меры по обезвреживанию преступника и пресечению дальнейших преступных действий, как не лишает права возбудить уголовное дело с тем, чтобы производство по нему осуществлял другой следователь, а надзор за расследованием — другой прокурор. В качестве пово-

---

[1] См.: Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 марта 1961 г. по делу Момотова А. А. и Туркова Я. З. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 5, стр. 30).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Синелобова. «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., Юриздат, 1948, стр. 297.

да к возбуждению дела здесь выступает непосредственное обнаружение прокурором и следователем признаков преступления (п. 6 ст. 108 УПК РСФСР).

Как и любое другое лицо защитник может быть допрошен в качестве свидетеля, если он располагает сведениями об обстоятельствах дела, полученными не в связи с принятой на себя защитой. В этом случае он освобождается от функции защитника по данному делу.

Уголовно-процессуальный закон допускает допрос в качестве свидетелей участвующих в деле законных представителей потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (ст. 72 УПК РСФСР). Допрос этих лиц в качестве свидетелей ни в коей мере не стесняет их прав законного представителя. Возможность соединения в одном лице функций законного представителя и свидетеля объясняется тем, что ни функции свидетеля, ни функции законного представителя свидетеля не могут быть переложены на другое физическое лицо. Как редакционную неудачу, нужно рассматривать формулировку ст. 24 Основ уголовного судопроизводства: потерпевший или его представитель имеют право давать показания по делу. Если лицо не является законным представителем, оно не может одновременно свидетельствовать по делу и представлять интересы потерпевшего. В этом случае лицо, располагающее сведениями об обстоятельствах дела, подлежит допросу в качестве свидетеля и устранению от представительства интересов потерпевшего.

Допрос в качестве свидетеля лиц, которым известны обстоятельства, устанавливаемые по делу, при исполнении служебных, общественных или иных обязанностей. В качестве свидетелей могут быть допрошены не только очевидцы события преступления, но и лица, знающие об отдельных обстоятельствах при исполнении тех или иных обязанностей.

1. Лица, привлеченные для участия в производстве следственного или судебного действия, могут быть допрошены в качестве свидетелей при повторном рассмотрении дела для выяснения обстоятельств производства следственного или судебного действия, когда необходимо уточнить отдельные детали этого действия (неточно или неполно отраженные в протоколе) или устранить противоречия между тем, что зафиксировано в протоколе расследования, и тем, что выяснилось при судебном расследовании дела. Им могут быть также заданы воп-

росы о поведении обвиняемого во время производства этого процессуального действия.

К данной категории лиц относятся понятые, переводчик, специалисты (врач, привлекавшийся для осмотра или освидетельствования; педагог, присутствовавший при допросе несовершеннолетнего; иные специалисты, помощью которых, как сведущих лиц, пользуются следователь или суд при производстве отдельных следственных или судебных действий) и другие лица, присутствовавшие при производстве судебного или следственного действия[1].

2. Ревизоры, контролеры, инспекторы и другие лица, материалы проверок или ревизий которых приобщены в качестве доказательств по уголовному делу, могут быть допрошены в качестве свидетелей по обстоятельствам этих проверочных действий для уточнения и восполнения фактических данных, содержащихся в представленных ими материалах.

3. Работники милиции и других государственных органов, а также представители общественности, участвующие в розыске, задержании преступника или наблюдении за ним, могут быть допрошены в качестве свидетелей по поводу обнаруженных при этом обстоятельств. Работник детской комнаты милиции может быть вызван для допроса о личности, связях, условиях жизни и воспитании несовершеннолетнего. Предметом допроса этих лиц могут быть только обстоятельства, которые они сами наблюдали.

4. Более сложным является вопрос о возможности допроса в качестве свидетелей должностных лиц, принимавших участие в расследовании или судебном рассмотрении данного уголовного дела — лица, производившего дознание, следователя, прокурора, судьи, секретаря судебного заседания. Здесь нужно исходить из общего требования законодательства, заключающегося в том, что уголовное дело может быть разрешено только на основе доказательств, полученных из доброкачественных источников. В данном случае — при допуске в качестве

---

[1] Так, ст. 169 УПК РСФСР предусматривает, что при обыске и выемке могут присутствовать совершеннолетние члены семьи лица, у которого производится обыск или выемка, представители учреждения, предприятия, организации, в помещениях которых производятся обыск или выемка, а также представители домоуправления, исполкома.

свидетеля лица, принимавшего участие в расследовании или судебном разрешении данного уголовного дела, — могут возникнуть вполне обоснованные сомнения, что независимо от субъективного желания свидетеля, ему трудно отделить обстоятельства, известные вне связи с его участием в решении данного дела, то обстоятельство, ставших известными из дела. В связи с этим могут возникнуть неустранимые сомнения, что допрошенные излагают сведения, почерпнутые из материалов дела. Поэтому необходимо признать, что должностное лицо, принимавшее участие в расследовании или судебном разбирательстве уголовного дела, не может выступать при дальнейшем рассмотрении этого дела в качестве свидетеля.

Подтверждением такой точки зрения служит указание Верховного Суда СССР о запрещении допрашивать в качестве свидетелей оперативных работников, наблюдавших за действиями преступников, если эти работники участвовали впоследствии в проведении следственных действий. По делу М. и Г. Пленум Верховного Суда СССР, отметил, что приговор основан, в частности, на показаниях свидетелей Г. и К., являвшихся оперативными работниками ОБХСС и наблюдавших вместе с оперативным работником Д. за обвиняемой М. до ее задержания. «Эти двое должны были являться свидетелями по делу, однако, Г., К. и Д. по данному делу выполняли следственные действия. Следовательно, они одновременно являлись лицами, производившими дознание, следователями и свидетелями по одному и тому же делу, а такое совмещение закон запрещает ... Подобных свидетелей прокуратура и суд обязаны были исключить из списка свидетелей...» [1].

Допрос свидетеля об обстоятельствах, составляющих государственную, служебную или иную тайну. При расследовании и разрешении уголовного дела предметом допроса свидетеля могут быть самые различные обстоятельства, в том числе такие, сведения о которых не подлежат оглашению. Обязанность давать показания в этом случае может сталкиваться с обязанностью тех же лиц не разглашать сведения определенного характера, хранить их в тайне. Так, военная присяга обязывает военнослужащих строго хранить военную и государственную

[1] «Социалистическая законность», 1959, № 9, стр. 93.

тайну. К этому же их обязывают и воинские уставы, например, ст. 2 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Советского Союза. Уголовный закон (ст. 259 УК РСФСР) предусматривает уголовную ответственность за разглашение военной тайны. Причем эта ответственность более строгая, чем ответственность за отказ от дачи показаний. Обязанность хранить государственную тайну возложена и на лиц, которым эта тайна известна по службе и работе. За нарушение данной обязанности также предусмотрена законом суровая мера наказания (ст. 75 УК РСФСР).

Советский законодатель, руководствуясь положением Программы КПСС о том, что «переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан», расширяет круг обстоятельств жизни отдельных граждан, которые охраняются от разглашения. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (ст. 24) установили правовую охрану тайны усыновления, а уголовный закон предусматривает уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления против воли усыновителя (ст. 124′ УК РСФСР). Ответственность за разглашение тайны усыновления опять-таки более суровая, нежели за отказ от дачи показаний. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении обязывают врачей и других медицинских работников не разглашать сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 16).

Не может гарантировать неразглашение сведений, составляющих тайну, закрытое судебное заседание. Сведения в этом случае разглашаются перед довольно большим кругом лиц: судьей, народными заседателями, прокурором, защитником, обвиняемым, гражданским истцом и гражданским ответчиком, их представителями, переводчиком, секретарем судебного заседания. В то же время ответственность за разглашение тайны судебного заседания действующим законом не предусмотрена.

Как видно, с одной стороны, закон не освобождает гражданина — носителя тайны от возложенной на него ответственности за ее разглашение, с другой, — под страхом уголовного преследования требует от него дачи показаний по любым обстоятельствам, относящимся к делу, не обеспечивая при этом достаточных гарантий неразглашения сведений, составляющих тайну. Причем ответственность за отказ от дачи показаний ниже, чем

ответственность за разглашение тайны. При такой коллизии практически трудно себе представить, чтобы свидетель по первому требованию следствия или суда стал давать показания по обстоятельствам, сведения о которых составляют важную государственную тайну, хотя закон и не освобождает его от дачи показаний.

Обращает на себя внимание содержащееся в нашем уголовно-процессуальном законодательстве противоречие относительно охраны государственной тайны. Ст. 167 УПК РСФСР допускает выемку документов, имеющих значение для дела и содержащих сведения, являющиеся государственной тайной, только с санкции прокурора и в порядке, согласованном с руководителем соответствующего учреждения. Статья же 73 УПК РСФСР обязывает свидетеля сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы. Таким образом, получение сведений, содержащих государственную тайну, из одного источника (документ) обставлено рядом условий (санкция прокурора, согласование с руководителем учреждения), тогда как получение тех же сведений, но из другого источника (свидетель), не ограничивается такими условиями.

Возникает необходимость в создании дополнительных уголовно-процессуальных гарантий охраны в процессе расследования и судебного разбирательства сведений, не подлежащих оглашению. При разработке таких гарантий целесообразно использовать опыт других социалистических стран, уголовно-процессуальное законодательство которых предусматривает ограничения в допущении свидетельских показаний в качестве доказательств по мотивам охраны интересов тех или иных государственных и общественных институтов или охраны интересов личности.

Уголовно-процессуальная охрана тайны в ряде социалистических стран обеспечивается, во-первых, рассмотрением обстоятельств дела, не подлежащих оглашению, при закрытых дверях, во-вторых, запрещением без разрешения компетентных органов допроса свидетелей относительно фактов, сведения о которых составляют тайну.

УПК ВНР (§ 64) запрещает допрос свидетелей относительно фактов, составляющих государственную или служебную тайну, если он не освобожден от обязанности соблюдать тайну. По УПК ГДР (§ 28) свидетель должен

отказаться от дачи показаний, если в результате свидетельствования он может нарушить возложенную на него государством обязанность сохранения тайны. При этом УПК ГДР специально оговаривает, что судебные и следственные органы не вправе освободить его от такой обязанности. Более того, суд, прокурор и следственные органы должны уведомить свидетеля перед допросом об его обязанностях отказаться от показаний и не допрашивать его, пока он не будет освобожден от этой обязанности.

УПК НРБ обязывает свидетеля предупредить органы следствия или суда, что обстоятельства, в отношении которых ему задают вопросы, составляют государственную тайну. Иначе он несет ответственность за разглашение государственной тайны. Нормы, регламентирующие порядок допроса свидетеля — носителя тайны, содержатся также в УПК ПНР, СРР.

Очевидно, что формы и методы сохранения в тайне сведений, разглашение которых может нанести вред обществу или отдельным гражданам, должны устанавливаться с учетом важности самих сведений.

Особую важность представляют сведения, составляющие государственную тайну. Разглашение таких сведений может нанести непоправимый вред интересам общества. Поэтому должны быть приняты все меры к охране таких сведений от разглашения. Наиболее полное представление о важности таких сведений имеют те государственные или общественные организации, которые доверили своим работникам эти сведения. Следовательно, только они вправе решать, где и при каких условиях такие сведения могут быть оглашены.

В связи с этим представляется целесообразным введение в уголовно-процессуальное законодательство нормы, которая бы устанавливала, что допрос свидетеля о сведениях, составляющих государственную тайну, допускается с разрешения того органа, от которого допрашиваемому такие сведения известны. В этом случае допрашиваемый должен предупреждаться, что без соответствующего разрешения он не имеет права давать показания. Целесообразно также введение такой гарантии неразглашения государственной тайны на случай неумелого ведения следствия или судебного разбирательства, как запрещение использовать в качестве дока-

зательств показания, содержащие такие сведения и полученные без соответствующего разрешения.

Когда судебные и следственные органы не получили разрешения на допрос свидетеля по обстоятельствам, составляющим государственную тайну, но считают необходимым допросить свидетеля в интересах правильного разрешения уголовного дела, у них есть возможность обратиться в вышестоящие органы.

Для недопущения разглашения сведений, составляющих служебную тайну, очевидно, достаточно будет, чтобы судебные и следственные органы согласовали с руководителем соответствующего учреждения порядок получения и использования таких сведений в процессе расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Согласование должно состоять в определении объема сведений, порядка их хранения и оглашения. Такое согласование необходимо как для изъятия определенных предметов и документов (как это предусмотрено ст. 167 УПК РСФСР для выемки документов), так и для допроса лиц, располагающих сведениями, составляющими тайну. По существу, на этот путь уже стало наше новое законодательство. Ст. 16 Основ законодательства о здравоохранении Союза ССР и союзных республик предусматривает возможность судебным и следственным органам получить сведения, составляющие врачебную тайну, с разрешения руководителей органов здравоохранения.

Высказанное в печати мнение о том, будто «на медицинских работниках, как и на других лицах, лежит юридическая обязанность давать свидетельские показания по всем обстоятельствам, имеющим отношение к уголовному делу»[1], не вытекает из ст. 16 Основ законодательства о здравоохранении Союза ССР и союзных республик. При сопоставлении частей 1-й и 2-й указанной статьи можно выделить две категории субъектов — носителей врачебной тайны: а) врачи и другие медицинские работники и б) руководители учреждений здравоохранения. Часть 1-я безоговорочно запрещает врачам и другим медицинским работникам разглашать ставшие им известными в силу исполнения профессиональных

---

[1] Дагель П. С., Улицкий С. Я. Совершенствование мер по охране здоровья населения. «Советское государство и право», 1971, № 7, стр. 105.

обязанностей сведения о болезни, интимной и семейной сторонах жизни больного. Возможность сообщения сведений, составляющих врачебную тайну, предусматривается частью 2-й. Такая возможность обставлена рядом условий: а) это делается в интересах охраны здоровья окружающих и общественной безопасности; б) сообщение может касаться сведений о болезни граждан; в) такое сообщение делается органам здравоохранения, а также следственным и судебным органам по их требованию; г) обязанность сделать такое сообщение возложена на руководителей учреждений здравоохранения.

Таким образом, говорить об обязанности давать свидетельские показания по обстоятельствам, составляющим врачебную тайну, можно только в отношении руководителей учреждений здравоохранения и только в объеме, касающемся здоровья граждан, но не интимной и семейной жизни больного. Допрос врачей и других медицинских работников в качестве свидетелей по обстоятельствам, составляющим врачебную тайну, возможен лишь с разрешения руководителя учреждения здравоохранения и в пределах, им установленных.

§ 3. ОБЯЗАННОСТИ, ПРАВА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СВИДЕТЕЛЯ

Уголовно-процессуальная деятельность протекает в определенной правовой форме при участии широкого круга органов и лиц, каждый из которых является субъектом определенных прав и обязанностей.

Советский уголовный процесс строится таким образом, что ведущее положение в нем занимают полномочные органы государства — органы расследования, прокуратуры и суда. Каждый из них в пределах своей компетенции действует по поручению и от имени государства и, соответственно с характером своих прав и публично-правовых обязанностей, выполняет определенную процессуальную функцию. Органы государства принимают решение о начале производства по делу, о направлении и судьбе уголовного дела. Они вовлекают в процесс всех участвующих в нем лиц и обеспечивают реализацию ими предоставленных законом прав и выполнение возложенных на них обязанностей. Государственные органы несут персональную ответственность за законность и обоснованность всего производства по делу и его конечный результат. Деятельность государственных органов являет

собой пружину процесса, а сами они играют роль основных, ведущих субъектов уголовного процесса.

Как и органы государства, представители общественности — общественные обвинители и общественные защитники не имеют личного интереса в деле. Но в отличие от органов государства общественные обвинители и защитники не занимают ведущего положения в процессе, не принимают решений по делу, не производят самостоятельно процессуальных действий, не вовлекают в сферу судопроизводства других лиц. В то же время эти представители выполняют процессуальные функции — функции общественного обвинения и общественной защиты, занимают вполне устойчивое положение в процессе, своим активным участием влияют на ход и исход судопроизводства, что делает их субъектами уголовного процесса или — что то же — уголовно-процессуальной деятельности.

К субъектам уголовного процесса относится, кроме того, группа лиц, именуемых законом «участники процесса». Этим специальным термином обозначаются: обвиняемый, его защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. В той мере, в какой обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик всегда преследуют в деле процессуальный интерес, вступают в процесс и участвуют в нем ради осуществления этого интереса, защитник обвиняемого и представители вступают в процесс или привлекаются к нему с целью содействия в осуществлении законного интереса защищаемых или представляемых ими лиц, а равно для помощи в охране и реализации их прав. Процессуальное положение участников процесса (за исключением защитника, а в известной мере и представителей) характеризуется наличием процессуальных прав, а не обязанностей. Подобно упомянутым представителям общественности участники процесса не играют ведущей роли в нем, но выполняют процессуальные функции, активно участвуют в уголовном судопроизводстве, оказывают заметное влияние на общий ход и исход процессуальной деятельности. Их процессуальное положение в системе уголовного судопроизводства отличается необходимой устойчивостью [1].

---

[1] Вопрос о субъектах уголовного процесса в теории уголовно-процессуального права не получил своего окончательного разреше-

Остальные лица, участвующие в производстве по делу, не обладают отмеченными свойствами и потому не могут быть признаны субъектами уголовного процесса. Объединяющим всех их моментом является то, что никто из них не осуществляет уголовно-процессуальных функций, своим **непосредственным участием** не влияет на ход и результаты судопроизводства, а само участие в деле носит в известной мере ограниченный характер. По выполнении своих обязанностей эти лица выбывают из уголовного процесса. Они привлекаются к делу постольку, поскольку действия их служат либо средством доставления или проверки доказательственной информации (свидетели, эксперты), либо средством оказания специальной помощи при производстве процессуальных действий (специалисты), либо средством обеспечения условий для общения между участвующими в деле органами и лицами (переводчики), либо средством закрепления доказательств (понятые), либо средством протоколирования судебной процедуры (секретари). Поименованные лица являются субъектами отдельных уголовно-процессуальных правоотношений, но не субъектами процесса, не его участниками.

ния. (См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., Госюриздат, 1961, стр. 15, 23—24 и др.; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 203—206; Уголовный процесс. Под ред. Чельцова М. А. М., 1969, стр. 69—73; Альперт С. А. Участники советского уголовного процесса. Харьков, 1965; Участники уголовно-процессуальной деятельности. Под ред. Дорохова В. Я. М., 1962; Радяньский криминальный процесс. Под ред. Ривлина. Киев, 1971, стр. 58—59 и т. д.).

Оставляя в стороне сущность разногласий относительно понятия субъектов уголовного процесса, мы излагаем в сжатом виде те положения, которые представляются правильными и которые имеют непосредственное отношение к теме данной работы. Заметим лишь, что УПК союзных республик во многом расходятся с Основами уголовного судопроизводства в определении круга участников процесса. Среди участников процесса можно встретить подозреваемого, эксперта, переводчика, секретаря судебного заседания и т. п.

Ближе всех к участникам процесса стоит, конечно, подозреваемый, который, обладая рядом прав, присущих участникам процесса, тем не менее таковым не является. Подозреваемый — кратковременная и далеко не для всех дел обязательная фигура. Он не занимает в процессе устойчивого положения и по истечении сроков задержания или меры пресечения либо вовсе выбывает из процесса, либо участвует в нем в ином процессуальном качестве.

Выше отмечалось, что свидетели не выполняют процессуальных функций, не наделены правами участников процесса и не являются ими. Отмечались и те основные различия, которые существуют между свидетелями и субъектами процессуальных отношений, не являющимися субъектами уголовного процесса.

В основе процессуального положения свидетеля лежит общая правовая обязанность — дать правдивые показания об известных ему обстоятельствах дела. Процессуальные права, какими наделен свидетель, предназначены не для защиты его личного интереса, которого у него, как правило, нет [1], а для успешной реализации этой общей процессуальной обязанности и, эвентуально, для охраны чести и достоинства свидетеля как гражданина.

Процессуальное положение свидетеля, следовательно, предопределяется той целью, ради которой он привлекается к производству по делу. Такой целью, и притом единственной, является получение от него развернутой доказательственной информации об обстоятельствах, имеющих значение для дела, которые были им восприняты непосредственно или опосредованным путем. Прав М. Л. Якуб, что процессуальное положение свидетеля не может обычно оказать влияние на его отношение к делу или отразиться на других факторах, влияющих на достоверность показаний, — обстоятельство, которое радикально выделяет показания свидетеля из числа таких средств доказывания, как показания подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего [2].

Исходя из той задачи, которая обусловливает участие свидетеля в уголовном процессе, следует считать, что лицо ставится в процессуальное положение свидетеля с момента официального вызова его для дачи свидетельских показаний. С этого момента лицо вступает в процессуальные отношения с органами государства, ведущими уголовный процесс, и приобретает права и обязан-

---

[1] Возможная заинтересованность свидетеля в исходе дела (при обвинении его родственников, близких и т. п.) не меняет этого общего положения. Речь может идти только о характере показаний свидетеля, поскольку, не будучи участником процесса, он лишен возможности активно участвовать в доказательственной деятельности.

[2] См.: Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, стр. 83.

ности свидетеля по делу. Даже тогда, когда вызванное на допрос лицо не обладает необходимой информацией об интересующих следователя (суд) обстоятельствах дела и не может представить требуемых сведений о фактах, оно, не являясь свидетелем фактически, юридически пребывает в процессуальном положении свидетеля, а не какого-либо иного субъекта.

Возможна такая практическая ситуация, когда пребывавшее в положении подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего лицо затем, по отпадении оснований, становится свидетелем по делу. Сохраняют ли свою доказательственную силу показания подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего в связи с тем, что лицо, их дававшее, фигурирует уже в роли субъекта свидетельских показаний? Было бы неверно думать, что указанные показания теряют свой первоначальный вид, утрачивают свою самостоятельность, поглощаются показаниями лица, перешедшего в категорию свидетелей. Прежние показания были даны в процессуальном порядке, характерном для допроса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, они сохраняют свою силу и могут быть при необходимости сопоставлены с более поздними свидетельскими показаниями, исходящими от того же самого лица. Подобное сопоставление, например, с целью устранения противоречий будет производиться с учетом того процессуального положения, в каком находилось ранее и находится на момент сопоставления показаний лицо. При этом отнюдь не исключено, что при наличии противоречий достоверными будут признаны не те показания, которые даны лицом в положении свидетеля, а те, которые даны им в положении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Отсюда — различное решение вопроса об ответственности за отказ от дачи и за дачу заведомо ложных показаний.

Процессуальное положение свидетеля полнее всего раскрывается на основе анализа его процессуальных обязанностей и процессуальных прав.

Обязанности свидетеля. Общая обязанность всех советских граждан — содействовать правосудию и сообщать все им известное о преступлении и преступнике органам государства, осуществляющим борьбу с преступностью, — носит чисто моральный характер. Неисполнение этой обязанности само по себе не влечет уголовной ответственности. Исключение составляет обязан-

ность граждан сообщать о некоторых особо опасных преступлениях (ст. 88, 190 УК РСФСР). Если же государство в лице судебных или следственных органов обращается к отдельному гражданину с предложением рассказать все известное ему по уголовному делу и вызывает его в качестве свидетеля, в этом случае для данного гражданина наступает персональная юридическая обязанность.

Главная и основная обязанность свидетеля — дать правдивые показания в отношении известных ему обстоятельств дела. Для того чтобы свидетель смог выполнить эту обязанность, он должен быть вызван в установленном порядке соответствующими органами. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик обязывают свидетеля явиться по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда (ст. 73 УПК РСФСР). Этот перечень органов государства, полномочных вызвать лицо в качестве свидетеля, является исчерпывающим. Иные органы государства не обладают правом вызова граждан на допрос в качестве свидетелей по уголовным делам.

Вызов свидетелей осуществляется повесткой, телеграммой и телефонограммой. Как повестка, так и телеграмма и телефонограмма, являются процессуальными документами, порождающими определенные правоотношения. Поэтому они должны подписываться должностным лицом, имеющим право вызывать граждан в качестве свидетелей по данному уголовному делу. Повестка о вызове вручается свидетелю под расписку.

При временном отсутствии свидетеля повестка для передачи ему может быть вручена кому-либо из взрослых членов его семьи, администрации по месту его работы, домоуправлению, а в сельской местности или поселке — исполкому местного Совета. В этих случаях повестка также вручается под расписку.

Расписка в получении повестки служит гарантией явки свидетеля, а при неявке является основанием для решения вопроса о приводе свидетеля или привлечении его к ответственности, если такая неявка носит характер уклонения от дачи показаний.

Вызов в качестве свидетеля лица, не достигшего шестнадцати лет, производится через его родителей или

законных представителей (ст. 156 УПК РСФСР) [1]. Иной порядок допускается лишь в случае, когда это вызывается обстоятельствами дела.

Неявка свидетеля на допрос, даже по уважительной причине, затрудняет работу полномочных органов государства. Поэтому орган, направивший повестку о вызове свидетеля, должен получить обратную информацию как в виде сигнала о вручении повестки вызываемому, так и в виде сообщения о своевременности явки свидетеля. При невозможности явки по вызову в сообщении указываются соответствующие причины. Благодаря этому органы расследования и суд получают возможность принять необходимые меры для допроса неявившегося свидетеля или внести соответствующие коррективы в план своей работы.

Свидетель обязан явиться в указанное место и в назначенное время (ст. 155 УПК РСФСР), что позволяет избежать излишней траты времени как должностного лица, вызвавшего свидетеля, так и граждан, вызываемых в качестве свидетелей.

Закон не указывает, в какое время суток допускается допрос свидетеля. Исходя, однако, из требования ст. 150 и 170 УПК РСФСР, запрещающих допрос обвиняемого и производство обыска и выемки в ночное время (кроме случаев, не терпящих отлагательств), следует прийти к выводу, что аналогичные правила должны применяться и при назначении времени допроса свидетеля.

Хотя повторный вызов свидетеля на допрос в принципе нежелателен, тем не менее он возможен. Его можно признать оправданным, если свидетель вызывается для устранения противоречий между ранее данными показаниями и собранными по делу доказательствами, для устранения противоречий, неточностей, имеющихся в самих показаниях, для восполнения информации в связи с дополнительно выявленными обстоятельствами и т. п.

Свидетель сможет сполна выполнить свою обязанность в отыскании истины по уголовному делу только в том случае, когда его показания будут соответствовать истинному положению вещей. Поэтому уголовно-процессуальный закон предусматривает обязанность свидетеля давать правдивые показания.

---

[1] УПК Эстонской ССР (ст. 131) допускает вызов несовершеннолетних и через администрацию соответствующего учебного заведения.

Допрос свидетеля начинается предложением рассказать все известное ему по делу (ст. 158, 283 УПК РСФСР). Это правило нельзя понимать так, что свидетель может говорить все, что пожелает. Следователь или суд ограничивают рассказ свидетеля кругом обстоятельств, подлежащих установлению по делу (ст. 74 УПК РСФСР). Рассказ свидетеля уточняется постановкой ему отдельных вопросов.

Для оценки показаний свидетеля большое значение имеет знание его личности. Верховный Суд СССР не раз обращал внимание на обязанность судов приводить в приговоре мотивы, в силу которых показания одних свидетелей признаются достоверными, а других — не заслуживающими доверия[1]. Очевидно, что для этого нужно прежде всего изучить сам источник доказательств: установить, в состоянии ли он был правильно воспринимать обстоятельства, о которых дает показания, выяснить его отношение к обвиняемому и потерпевшему, а также наличие факторов, могущих толкнуть его на путь лжесвидетельства, или, наоборот, подтверждающих его добросовестность и правдивость. Поэтому свидетель обязан ответить на вопросы, характеризующие его отношения к обвиняемому и потерпевшему, равно как ответить на другие вопросы, имеющие целью выяснить качество его показаний.

При расследовании и разрешении уголовного дела, особенно в стадии предварительного расследования, не всегда можно точно установить круг фактов, имеющих значение для дела. Поэтому на свидетеля ложится обязанность отвечать и на вопросы более общего плана, касающиеся обстоятельств расследуемого дела.

Помимо изложения сведений о фактах, свидетель обязан также сообщить, каким образом эти факты были восприняты им (ст. 74 УПК РСФСР).

На свидетеля возлагается обязанность не разглашать данные предварительного следствия без разрешения следователя или прокурора (ст. 139 УПК РСФСР). Это объясняется двумя причинами: во-первых, необходимостью предотвратить возможность использования этих данных преступником и другими лицами для сокрытия

---

[1] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 декабря 1970 г. по делу Сарханова («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 33).

или уничтожения следов преступления; во-вторых, оградить честь и достоинство граждан, в отношении причастности которых к преступлению следствие располагает недостаточно проверенными материалами. Следует дополнительно назвать еще одну, не менее важную причину: обмен информацией между свидетелями или будущими свидетелями может привести к умышленной или неумышленной нивелировке их показаний, что значительно снизит значение таких показаний.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает обязанность свидетеля помимо допроса и дачи показаний участвовать в проведении ряда других уголовно-процессуальных действий. К их числу относится очная ставка. Свидетель может быть вызван на очную ставку с другим, ранее допрошенным свидетелем, обвиняемым или потерпевшим, если в их показаниях имеются существенные противоречия (ст. 162 УПК РСФСР) [1]. В случае необходимости свидетель может быть привлечен для проведения опознания лица или предмета (ст. 164 УПК РСФСР) [2], для участия в производстве следственного эксперимента (ст. 183 УПК РСФСР), проверки его показаний на месте [3]. При проведении следственного эксперимента свидетель может привлекаться с двоякой целью: для оказания помощи следователю или суду в воссоздании обстановки происшествия или же для непосредственного участия в проводимых опытах.

Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают освидетельствование свидетеля для установления на его теле следов преступления или наличия особых примет (ст. 181 УПК РСФСР) [4]. При необходимости медицинского освидетельствования таковое производится врачом. В юридической литературе подвергалась сомнению необходи-

---

[1] УПК УССР, Казахской и Киргизской ССР предусматривают возможность очной ставки при наличии любых противоречий в показаниях допрошенных лиц.

[2] УПК Литовской, Молдавской и Эстонской ССР допускают опознание на судебном заседании только лица или предмета, которые не предъявлялись свидетелю на дознании или предварительном следствии.

[3] Ст. 205 УПК Литовской ССР.

[4] УПК Узбекской и Азербайджанской ССР предусматривают только судебно-медицинское освидетельствование свидетеля. Не предусматривают освидетельствования свидетеля УПК БССР, Казахской, Литовской и Киргизской ССР.

мость принудительного осуществления этого процессуального действия и выдвигалось мнение считать возможным проведение такого освидетельствования только с согласия свидетеля[1]. Эта точка зрения вполне резонна, хотя своего признания в законодательстве она пока не получила[2].

Не нашел единообразного разрешения вопрос об отобрании у свидетеля образцов для сравнительного исследования. УПК РСФСР (ст. 186), как и УПК некоторых других республик, устанавливает право следователя получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у свидетеля лишь при необходимости проверить, не оставлены ли свидетелем следы на месте происшествия или на вещественных доказательствах. УПК УССР (ст. 199), Эстонской ССР (ст. 155) разрешают следователю отбирать образцы почерка или других сравнительных материалов, необходимых для производства экспертизы, у любого лица. Наоборот, УПК Грузинской ССР разрешает отбирать образцы для сравнительного исследования у свидетеля только в исключительных случаях.

УПК БССР (ст. 185), Узбекской ССР (ст. 167), Азербайджанской ССР (ст. 183), Туркменской ССР (ст. 188), Киргизской ССР (ст. 175) в числе лиц, у которых следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования, не указывает свидетеля.

Права свидетеля. Свидетель в уголовном процессе не только несет обязанности, но и обладает определенными правами. Наделение свидетеля процессуальными правами обеспечивает выполнение свидетелем той задачи, ради которой участвует он в уголовном процессе, а также гарантирует охрану его интересов как советского гражданина.

«Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, — указывал М. И. Калинин, — при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское уч-

---

[1] См.: Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 51.

[2] См.: ст. 181 УПК РСФСР. Ст. 193 УПК УССР столь же категорично фиксирует право следователя на освидетельствование свидетеля без согласия последнего. Иначе истолковывает смысл указанных норм Строгович М. С. (см. его: Курс советского уголовного процесса, т. II. М., 1970, стр. 126).

реждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которых каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный советской властью прокурор»[1].

Это высказывание М. И. Калинина полностью относится ко всем органам государства, осуществляющим производство по делу. Орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны обеспечить строгое соблюдение прав и законных интересов граждан, привлекаемых в качестве свидетелей.

Свидетелям перед началом допроса должны быть разъяснены не только их обязанности, но и права. Содержащееся в уголовно-процессуальном законе указание на обязанность судебных и следственных органов разъяснять участвующим в деле лицам их права и обеспечивать возможность их осуществления следует отнести и к свидетелю.

Чтобы свидетель имел возможность дать исчерпывающие показания по делу, он должен знать, о чем ему предстоит рассказать. Перед допросом следователь или суд разъясняют свидетелю обстоятельства, по поводу которых от него ожидают показаний. УПК некоторых союзных республик специально указывают на обязанность следователя перед началом допроса разъяснить свидетелю, по какому делу он вызван[2].

Свидетель имеет право давать показания[3] свободно и без принуждения. Закон ограждает граждан, призванных для исполнения свидетельских функций, от притеснения со стороны любых лиц. Ст. 179 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за понуждение к даче показаний незаконными методами, а ст. 183 УК РСФСР — за понуждение к ложным показаниям[4].

---

[1] «История советской прокуратуры в важнейших документах». Юриздат, 1947, стр. 467—468.

[2] См.: УПК УССР, ст. 167; УПК Казахской ССР, ст. 148; УПК Азербайджанской ССР, ст. 173.

[3] Поскольку ст. 70 УПК РСФСР указывает, что «доказательства могут быть представлены ... любыми гражданами», то нет оснований для категорического утверждения, что дача свидетельских показаний является не правом, а обязанностью и общественным долгом каждого гражданина СССР (Комментарий к УПК БССР. Минск, 1963, стр. 50).

[4] Своего рода принуждением к даче желаемых для допрашивающего показаний является категорически запрещенный в нашем уголовном процессе допрос свидетеля в противоречащей закону фор-

Свидетель вправе формулировать ответы на вопросы по своему усмотрению. Важно лишь, чтобы показания содержали исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Отсюда вытекает право свидетеля требовать записи его показаний в том виде, в каком он считает их соответствующими сказанному.

Протокол допроса прочитывается самим свидетелем или по его просьбе следователем. Требование свидетеля о внесении поправок или дополнений в протокол подлежит обязательному исполнению.

После дачи свидетелем показаний, в случае его просьбы, ему должна быть предоставлена возможность собственноручно записать свои показания в протокол (ст. 160 УПК РСФСР).

Право собственноручной записи своих показаний дает возможность свидетелю свободно, в свойственном ему стиле, изложить все известное об обстоятельствах дела и о личности обвиняемого. В таких условиях свидетель нередко лучше сосредоточивается и дает более полные, продуманные и правдивые показания.

Собственноручная запись свидетелем своих показаний, разумеется, чревата тем, что он может записать то, что не имеет отношения к делу, двусмысленно истолковать отдельные обстоятельства или ограничить показания узким кругом вопросов. От этого все же не снижается ценность собственноручных записей свидетелем своих показаний, поскольку свидетель может приступить к написанию показаний только после обстоятельного и подробного допроса. К тому же уточняющие вопросы могут быть заданы свидетелю и после записи им данных показаний. Наконец, собственноручная запись свидетелем своих показаний способствует выполнению указаний закона о дословной записи свидетельских показаний (ст. 160 УПК РСФСР). Как бы ни стремился следователь сохранить при составлении протокола речевые особенности рассказа свидетеля, в протоколе неизбежно отразится интеллект самого следователя — его язык и стиль. При собственноручной записи свидетелем своих показаний подобное явление устраняется.

При допросе в суде свидетель дает устные показания, что помогает суду правильно оценить не только со-

---

ме, т. е. постановка наводящих вопросов, внушение и подсказывание ответа на вопрос.

держание его показаний, но и непосредственно воспринимать и оценивать сам источник доказательства. Письменными заметками в суде свидетель пользуется только в том случае, когда его показания относятся к цифровым или другим данным, которые трудно удержать в памяти. По требованию суда свидетель должен предъявить эти заметки или документы для обозрения.

Право свидетеля свободно рассказать все известное ему по делу дает ему возможность представить суду или следствию все необходимые доказательства, подтверждающие его показания. Ст. 284 УПК РСФСР прямо указывает, что свидетель может зачитать имеющиеся у него документы, относящиеся к данному им показанию. По определению суда эти документы могут быть приобщены к делу.

Представляется также, что свидетелю, по его просьбе, может быть предоставлена возможность опровергнуть порочащие его как свидетеля доказательства [1]. Например, свидетель может просить о повторном допросе его, проведении очной ставки с лицом, показания которого противоречат показаниям данного свидетеля, а при производстве очной ставки свидетель с разрешения следователя или суда может задавать вопросы лицу, с которым устроена очная ставка (ст. 163 УПК РСФСР).

Свидетелю, как и другим участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство [2], обеспечивается право давать показания на родном языке, пользоваться услугами переводчика. При допросе немого или глухого свидетеля приглашается лицо, которое понимает знаки немого или глухого (ст. 11 Основ уголовного судопроизводства). Уголовно-процессуальные кодексы ряда союзных республик расширяют содержание ст. 110 Конституции СССР и предоставляют свидетелю право давать показания на своем родном языке независимо от того, знает ли он язык судопроизводства [3].

---

[1] Основанием для такого права свидетеля может служить ст. 70 УПК РСФСР, разрешающая любым гражданам представлять доказательства.

[2] Не владеющим языком судопроизводства признается лицо, которое не понимает его, либо не может свободно выражать свои мысли и давать объяснения на этом языке.

[3] См.: УПК Азербайджанской ССР (ст. 67, ч. 5); УПК Молдавской ССР (ст. 59, ч. 4); УПК Латвийской ССР (ст. 53, ч. 2); УПК Туркменской ССР (ст. 66, ч. 3).

При допросе свидетеля с переводчиком свидетелю сообщается фамилия и другие необходимые данные о переводчике, а также разъясняется право заявить отвод переводчику, если у свидетеля имеются основания сомневаться в том, что переводчик может обеспечить точный перевод [1].

Протокол допроса свидетеля, составленный на непонятном для него языке, подписывается переводчиком. Свидетель же своей подписью в конце протокола подтверждает, что сделанный ему в устной форме перевод протокола соответствует данным им показаниям. Если протокол допроса был переведен на другой язык в письменном виде, то перевод в целом и каждая его страница в отдельности должны быть подписаны переводчиком и свидетелем (ст. 151, 160 УПК РСФСР).

Участвуя в допросе свидетеля, переводчик переводит полностью данное свидетелем показание, а свидетелю переводит задаваемые ему вопросы. Свидетель вправе заявить ходатайство о переводе показаний всех тех лиц, чьи сообщения касаются данных им показаний.

Допрос свидетеля обусловлен кругом фактов, подлежащих установлению по данному делу. Поэтому свидетель вправе уклониться от показаний по обстоятельствам, не имеющим отношения к уголовному делу.

В судебном заседании обязанность отклонять вопросы, обращенные к свидетелю и не имеющие отношения к делу, лежит на председательствующем (ст. 283 УПК РСФСР). В соответствии со ст. 243 УПК РСФСР председательствующий в судебном заседании обязан отводить вопросы, так или иначе позорящие свидетеля, а также вопросы, которые задаются в противоречащей закону форме (например, наводящие вопросы).

Отклонение не имеющих отношения к делу вопросов позволяет избежать загромождения дела излишними данными, а кроме того, ограждает права и интересы, честь и достоинство свидетеля и других лиц.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого указания на право свидетеля отказаться от дачи показаний в отношении обстоятельств, уличающих

---

[1] Право свидетеля заявлять отвод переводчику предусмотрено только УПК Туркменской ССР (ст. 160). Однако сравнение ст. 160 и 151 УПК РСФСР показывает, что свидетель имеет право заявить отвод тому переводчику, который участвует в его допросе.

его в совершении преступления. Такое право вытекает из самого процессуального положения свидетеля. Обязанность свидетеля давать показания имеет свои разумные пределы. Из тех обязанностей, которые несет свидетель при производстве допроса, отнюдь не вытекает обязанность обвинять самого себя, как не вытекает обязанность отвечать на вопросы, заключающиеся в изобличении его в совершении преступления. Подобного рода обязанности закон не возлагает даже на обвиняемого или подозреваемого, не говоря уже о свидетеле.

Право свидетеля на отказ от самообвинения было признано бесспорным первыми законодательными актами, регулирующими порядок уголовного судопроизводства. В Положении о полковых судах (ст. 75) и в Положении о военных следователях (ст. 68) устанавливалось право свидетеля не отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступлении. В развитии этого правила Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 1 июня 1925 г. разъяснил, что свидетель имеет право отказаться от ответов на вопросы, «могущие бросить тень на его личность».

Судебная практика рассматривает как грубое процессуальное нарушение допрос свидетеля об обстоятельствах, уличающих его в совершении преступления. Верховный Суд СССР в одном из своих определений специально акцентировал внимание на неправильность действий следователя, который при допросе свидетеля К. задавал ему вопросы как обвиняемому: «Расскажите, какие Вы совершили уголовные преступления за период пребывания на ст. Рапла? При каких обстоятельствах Вы совершили кражу денег у стрелочника ст. Рапла Валдиса? При каких обстоятельствах Вами была совершена кража денег у машиниста водокачки ст. Рапла Локха?» [1]. Верховный Суд РСФСР, отменяя приговор в отношении Копосовой, осужденной за лжесвидетельство, также указал, что «осуждение ее по части 2-й ст. 181 УК РСФСР является неправильным, поскольку, не уличая при первом допросе Соснина в совершении убийства Рудометова, она одновременно скрывала свои преступные действия, тесно связанные с убийством. Поэтому

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954, № 3, стр. 15—16.

дача ею ложных показаний явилась средством собственной защиты от обвинения»[1].

Заслуживает внимания предложение о внесении в уголовно-процессуальное законодательство положения, которое отразило бы право свидетеля отказаться от самообвинения. Этим самым законодательно был бы детализирован существующий ныне общий принцип о свидетельском иммунитете в советском уголовном процессе.

Интересный опыт закрепления этого права свидетеля прослеживается в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых социалистических государств.

По УПК НРБ (ст. 56) свидетель не обязан отвечать на вопросы, ответы на которые уличили бы его в преступлении. Согласно УПК ГДР (§ 27) каждый свидетель может отказаться дать показания по таким вопросам, ответы на которые навлекли бы на него угрозу уголовно-судебного преследования. Аналогичные статьи содержатся в УПК ЧССР и УПК ПНР. Венгерский УПК не только предоставляет свидетелю право отказаться от самообвинения, но одновременно устанавливает гарантии осуществления этого права. Если, вопреки обоснованным ссылкам свидетеля на свое право отказаться от показаний по мотивам самообвинения, на него будет возложена обязанность давать показания, такие показания не могут быть приняты в качестве доказательств. Не принимаются в качестве доказательств показания свидетеля и в том случае, когда не соблюдено требование закона о предупреждении свидетеля о его праве отказаться от показаний по мотивам самообвинения.

Советское государство берет на себя возмещение понесенных свидетелями расходов по явке и выплачивает им вознаграждение за отвлечение от обычных занятий (ст. 106 УПК РСФСР) Расходы возмещаются свидетелям так же, как и при исполнении гражданами других государственных и служебных обязанностей, им сохраняется средний заработок по месту работы, выплачиваются квартирные и суточные, оплачивается проезд[2].

---

[1] Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 24 февраля 1971 г. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 7, стр. 12—13.

[2] В РСФСР «Инструкция о порядке и размерах возмещения расходов и выплате вознаграждения свидетелям, потерпевшим, экспертам, переводчикам и понятым в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд» утвержде-

Понесенные свидетелем расходы возмещаются государством независимо от того, по чьей инициативе вызван свидетель. При этом судебно-следственные органы не ограничены в расходах по вызову свидетелей. Таким путем обеспечивается объективность и полнота расследования дела и ограждаются права и интересы граждан, привлекаемых в качестве свидетелей.

В этом находит свое проявление одно из принципиальных отличий советского уголовного процесса от буржуазного, в частности от англо-американской системы уголовного судопроизводства, где обвиняемый берет на себя все заботы по отысканию, вызову и оплате интересующих его свидетелей. При таком легальном порядке вызова и доставления свидетеля на допрос «покупатель» вправе ожидать угодных ему показаний. Легко видеть, чьи интересы оберегает подобная система.

Свидетель имеет право обжаловать каждое незаконное, стесняющее его права решение или действие. Жалоба на решения и действия органа дознания и следователя может быть подана прокурору как непосредственно, так и через лицо, на действия которого жалоба приносится.

Жалобы могут быть как письменные, так и устные. В последнем случае жалоба заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим жалобу.

Лицо, производящее дознание, или следователь, получив жалобу, направляют ее в течение 24 часов прокурору со своими объяснениями (ст. 218 УПК РСФСР). Прокурор не позднее трех суток после получения жалобы рассматривает ее и сообщает результаты заявителю. При вынесении отрицательного решения прокурор должен изложить мотивы, по которым жалоба признана неосновательной (ст. 219 УПК РСФСР).

Ответственность свидетеля. Выполнение гражданами свидетельских обязанностей закон обеспечивает принудительными санкциями. Свидетель, не явившийся для допроса без уважительных причин, может быть подвергнут приводу (ст. 73 УПК РСФСР). Такая ответственность наступает, если вызов осуществлен в установленном законом порядке (ст. 155, 238 УПК РСФСР). При

на постановлением СМ РСФСР от 19.IV.1965 г., № 485. «Советская юстиция», 1965, № 11.

вынесении решения о приводе свидетеля судебные и следственные органы не связаны местом его пребывания. Исключение составляет УПК Узбекской ССР (ст. 134), который предоставляет право следователю вынести постановление о приводе только в отношении тех неявившихся свидетелей, которые проживают в районе производства следствия.

УПК ряда союзных республик предусматривают привлечение свидетеля, уклоняющегося от явки, к уголовной ответственности [1].

Уголовно-процессуальное законодательство Армянской и Туркменской союзных республик знают еще один вид санкции за неявку свидетеля по вызову суда без уважительных причин — штраф до 10 рублей, который налагается определением суда, рассматривающего дело, по которому вызван свидетель. УПК Туркменской ССР предусматривает штраф и за неявку свидетеля по вызову лица, производящего дознание, следователя и прокурора. Штраф в этом случае налагается определением распорядительного заседания суда по представлению соответствующего органа.

Уголовно-процессуальные кодексы УССР и некоторых других республик устанавливают, что уважительными причинами неявки свидетеля к следователю в назначенный срок признаются: несвоевременное получение повестки, болезнь и другие обстоятельства, которые фактически лишают его возможности своевременно явиться к следователю [2].

Законодатель не дает исчерпывающего перечня (это практически и невозможно) уважительных причин неявки свидетеля. Судебные и следственные органы при решении вопроса о приводе или привлечении свидетеля к уголовной ответственности должны выяснить, насколько препятствия для явки были неустранимы. Ответственность свидетеля за неявку наступает, если он мог явиться, но уклонился от явки. С субъективной стороны требуется установление умысла со стороны свидетеля за уклонение от явки. В связи с этим нуждается в уточнении утверждение М. С. Строговича, что «не является

---

[1] См.: УПК УССР (ст. 71), Грузинской ССР (ст. 64), Азербайджанской ССР (ст. 70), Казахской ССР (ст. 146), Латвийской ССР (ст. 54), Киргизской ССР (ст. 68), Туркменской ССР (ст. 68).

[2] См.: УПК УССР (ст. 136), УПК Узбекской ССР (ст. 133).

уважительной причиной неявки занятость свидетеля служебной, профессиональной работой, так как интересы последней в данном случае подчиняются интересам правосудия»[1]. Прежде всего, неправильным является противопоставление деятельности одних государственных органов другим. Кроме того, свидетель может нести ответственность за неявку, которая последовала лишь по его вине. В случаях же, когда ему препятствовали явиться по вызову (задержали на работе, направили в командировку и т. п.), свидетель должен быть освобожден от ответственности за неявку, конечно, если он уведомил администрацию о вызове его в качестве свидетеля. В этих случаях ответственность должна быть возложена на соответствующего начальника, который, будучи предупрежден о вызове свидетеля, воспрепятствовал его явке на допрос[2].

Судебная практика также придерживается изложенной точки зрения. Так, Верховный Суд РСФСР определением от 30 мая 1959 г., отменив определение Тульского областного суда о привлечении свидетеля Т. к ответственности за неявку, указал: «... Т. не явился в судебное заседание по причине, от него не зависящей, так как не был отпущен с работы лицом, от которого зависим по службе. Следовательно, в данном случае по ч. 1 ст. 92 УК РСФСР могло нести ответственность лицо, воспрепятствовавшее явке Т. по вызову суда, но не сам Т.»[3].

Приводу свидетеля должна предшествовать тщательная проверка причин неявки. Необходимым условием вынесения решения о приводе свидетеля должно быть наличие сведений о вручении ему повестки. Факт вручения повестки должен быть удостоверен распиской свидетеля о получении ее или объяснением лица, получившего повестку для вручения свидетелю. В тех случаях, когда свидетель уклоняется от получения повестки, это должно быть расценено как уклонение от явки для дачи показаний и может служить основанием для привода такого свидетеля.

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., «Наука», 1968, стр. 395.

[2] Ст. 182 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность лица, воспрепятствовавшего явке свидетеля.

[3] «Советская юстиция», 1959, № 9, стр. 92.

Болезнь свидетеля или члена его семьи, за которым он осуществлял уход, лишившая его возможности явиться по вызову, должна быть удостоверена соответствующими документами медицинского учреждения. Такой документ является основанием для освобождения свидетеля от ответственности [1].

В отличие от обвиняемого к свидетелю не может быть применен привод без предварительного вызова и без выяснения причин неявки.

Привод осуществляется органом милиции по месту жительства свидетеля. С этой целью выносится мотивированное определение (постановление) [2].

Привод заключается в сопровождении свидетеля к лицу, вынесшему постановление (определение) о приводе. При наличии причин, препятствующих приводу, должностное лицо, которому поручено осуществить привод, должно составить соответствующий акт и довести его до сведения органа, вынесшего постановление (определение) о приводе.

За отказ или уклонение от дачи показаний свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности (ст. 73 УПК РСФСР) [3]. Отказ и уклонение свидетеля от дачи показаний может иметь место в различных формах — в виде прямого отказа давать показания или в умолчании о каких-либо обстоятельствах [4]. Свидетель

---

[1] См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 января 1939 г. по делу Денисова. «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., Юриздат, 1948, стр. 168.

[2] В постановлении (определении) указывается время и место его вынесения, наименование должности лица, вынесшего постановление, или судебного органа, вынесшего определение, фамилия, имя, отчество и место жительства лица, вызывавшегося в качестве свидетеля, указание на факт его неявки без уважительных причин и мотивированное решение о приводе с указанием места и времени привода.

[3] УПК Эстонской ССР (ст. 53) предусматривает привлечение свидетеля к ответственности только за отказ от показаний.

[4] Уклонение от показаний иногда рассматривают только как неявку без уважительных причин, указывающую на злостный характер неисполнения обязанностей свидетеля (см.: Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, «Юридическя литература», 1965, ст. 127). Представляется, что нет оснований для такого сужения понятия «уклонение от дачи показаний». Очевидно, что уклонением будет любая попытка свидетеля уйти от сообщения требуемых от него сведений (например, симуляция запамятования и т. п.).

может нести ответственность только за такое умолчание, когда ему конкретно и недвусмысленно разъяснено, по поводу каких обстоятельств ожидают от него показаний.

Рассматривая вопрос об ответственности свидетеля за уклонение от исполнения им своих обязанностей, некоторые авторы считают целесообразным привлекать свидетелей к уголовной ответственности только в особо злостных случаях, когда уклонение способно существенно повлиять на судьбу дела. В остальных случаях отказа или уклонения свидетеля от дачи показаний предлагается апеллировать к общественности. Такое предложение мотивируется тем, что в практике редки случаи привлечения свидетелей к уголовной ответственности и, кроме того, меры, которые может в подобных случаях применить общественность, оказывают тот же, а иногда и больший воспитательный эффект, чем применение уголовного наказания [1].

Эти доводы вряд ли можно признать убедительными. Во-первых, действующее законодательство не воспрещает передачу таких дел на рассмотрение общественности [2]. Во-вторых, само наличие уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний побуждает свидетеля более ответственно относиться к своим обязанностям. Кроме того, указание закона на уголовную ответственность за неисполнение гражданами свидетельских обязанностей подчеркивает то большое значение, какое придается государством добросовестному исполнению гражданами свидетельских обязанностей.

Неубедительным является и довод, что на практике свидетели редко привлекаются к уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний. Существующий порядок привлечения их к ответственности чрезвычайно громоздок и не обеспечивает быстрого и неуклонного пресечения уклонения свидетеля от исполнения своих гражданских обязанностей — давать показания. В связи с этим заслуживает внимания другое предложение указанных авторов: «представляется весьма полезным ввести такой порядок, при котором суду будет предоставлено право по своему усмотрению налагать на

---

[1] См.: Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 103.

[2] См.: УПК РСФСР (ст. 10).

недобросовестного свидетеля штраф»[1]. Такое право, как уже отмечено, предоставлено суду ст. 68 УПК Туркменской ССР. Оно должно быть предоставлено не только суду, но и органу дознания и следователю.

Заслуживает поддержки предложение Г. З. Анашкина о возложении на недисциплинированных свидетелей возмещения расходов, вызванных тем, что из-за них отложено рассмотрение дела[2]. Такая ответственность для свидетеля предусмотрена в ряде европейских социалистических государств.

Для привлечения свидетеля к уголовной ответственности за уклонение от дачи показаний УПК большинства союзных республик требуют проведения предварительного следствия. УПК Литовской ССР (ст. 81) предоставляет суду, рассматривающему дело, по которому свидетель отказывается давать показания, право налагать непосредственно наказание на такого свидетеля. Это решение представляется наиболее правильным. Установление факта отказа или уклонения свидетеля от дачи показаний не связано с оценкой доказательств по основному делу, и суд вправе рассмотреть вопрос об ответственности свидетеля за отказ или уклонение от дачи показаний в том же заседании. В связи с этим представляется целесообразным вернуться к порядку привлечения свидетелей к ответственности, который существовал до принятия новых кодексов. В соответствии со ст. 60 УПК РСФСР 1923 г. при отказе свидетеля от дачи показаний у следователя, органов дознания последние обязаны были составить об этом протокол и направить дело в ближайший народный суд. При отказе от дачи показаний на суде соответствующее наказание непосредственно налагалось судом, рассматривающим дело, по которому данное лицо было вызвано свидетелем.

Одной из гарантий, обеспечивающей получение достоверных свидетельских показаний, является признание уголовным законом (ст. 181 УК РСФСР) заведомо ложного показания общественно опасным наказуемым деянием, направленным против правосудия. Однако имею-

---

[1] Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия, стр. 103.

[2] См.: Анашкин Г. Свидетель и правосудие. «Известия», 27.II.1969 г.

щиеся данные свидетельствуют о том, что привлечение свидетеля к уголовной ответственности по указанной статье уголовного кодекса — явление довольно редкое. В то же время, как показывает практика, несмотря на то, что большинство советских граждан честно относится к своему долгу и дает правдивые показания, факты недобросовестного отношения к исполнению свидетельских обязанностей явление не столь уж редкое.

Анализируя причины ослабления борьбы с этим видом преступлений, А. М. Ларин пишет, что широкое распространение на практике получила точка зрения Р. Д. Рахунова, согласно которой право возбуждать дела о лжесвидетельстве признано только за судом [1]. Не отрицая важности теоретических рекомендаций, даваемых советскими учеными-процессуалистами, следует признать, что главная причина все же заключается в некоторой неясности в процессуальном законе.

Возбуждение уголовного дела в отношении свидетеля, давшего заведомо ложное показание, в соответствии со ст. 256 УПК РСФСР может иметь место лишь одновременно с постановлением приговора по тому делу, по которому даны ложные показания. Смысл данной статьи закона в том, что она воспрещает возбуждать уголовное дело по признакам лжесвидетельства до тех пор, пока не будет окончательно разрешено уголовное дело, по которому свидетель давал ложные показания, т. е. пока его показания не получат окончательной оценки в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по делу. С другой стороны, законодатель считается с тем, что возбуждение против свидетеля уголовного дела определением суда в процессе судебного следствия может оказать нежелательное психологическое воздействие на остальных свидетелей.

Необходимо отметить, что ст. 256 УПК РСФСР недостаточно четко решает вопрос о порядке привлечения свидетеля к ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Проявляется это в том, что закон указывает только определенный момент привлечения свидетеля к ответственности за ложные показания — одновременно с вынесением приговора. Но приговор еще не вступил в

---

[1] См.: Ларин А. М. Борьба со лжесвидетельством — существенная гарантия истины в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1969, № 6, стр. 88—89.

законную силу, и дело может быть возвращено на новое рассмотрение или расследование. Закон не дает разъяснений о решении этого вопроса как в случае, когда суд не вынес определения о привлечении за лжесвидетельство одновременно с постановлением приговора, так и в случае прекращения дела судом или прекращения дела до суда. Очевидно, в этих случаях следует руководствоваться ст. 3 УПК РСФСР.

Удачное решение этого вопроса дано в ст. 68 УПК Туркменской ССР, в силу которой привлечение свидетеля к ответственности за дачу заведомо ложных показаний возможно лишь после вступления приговора в законную силу по делу, по которому свидетель давал показания, либо после прекращения этого дела.

В советском праве принудительные санкции никогда не являлись единственной гарантией, обеспечивающей дачу свидетелем полных и достоверных показаний. Здесь действует общий принцип: необходимо «во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»[1]. Роль убеждения особенно велика на современном этапе коммунистического строительства, когда резко возросло значение моральных факторов в нашей жизни. Это обстоятельство имеет немаловажное значение и в повышении достоверности свидетельских показаний. Поэтому, наряду с разработкой наиболее эффективных мер борьбы с недобросовестными свидетелями, целесообразно обратиться и к мерам морального воздействия на свидетеля в целях получения полных и достоверных показаний. Предупреждение свидетеля об ответственности (ст. 158, 282 УПК РСФСР) следовало бы сопровождать принесением присяги или торжественного обещания[2]. Введение такого торжественного акта, в особенности на суде, в присутствии публики, явилось бы серьезным моральным стимулом, повышающим ответственность свидетеля за свои показания.

Присяга, как дополнительная гарантия, призванная подчеркнуть важность понимания свидетелем честного исполнения своих обязанностей, предусмотрена уголовно-процессуальным законом ряда европейских социали-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 54.
[2] В печати уже отмечалась необходимость введения присяги. См.: Анашкин Г. Свидетель и правосудие. «Известия», 27.II.1969 г.

стических стран. Институт приведения свидетеля к торжественному обещанию давать правдивые показания использовался следственным аппаратом Советского обвинения по делам главных военных преступников.

Представляется, что произнесение такой присяги после того, как свидетелю разъяснены его права и обязанности и он предупрежден об ответственности, с учетом того, что вокруг клятвопреступников будет создано отрицательное общественное мнение, заставит свидетеля с большей ответственностью отнестись к своим показаниям.

Свидетель несет уголовную ответственность за разглашение данных предварительного следствия или дознания (ст. 184 УК РСФСР). Такая ответственность для свидетеля может наступить только в том случае, если он предупрежден следователем или лицом, производящим дознание, о недопустимости без их разрешения разглашать данные предварительного следствия и от свидетеля отобрана подписка с таким предупреждением (ст. 139 УПК РСФСР) [1].

Сообщить кому-либо данные предварительного следствия или дознания свидетель может только с разрешения прокурора, следователя или лица, производящего дознание, и в том объеме, в каком они признают это возможным.

---

[1] Ст. 139 УПК РСФСР указывает на недопустимость разглашения данных предварительного следствия. Однако учитывая, что ст. 184 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного следствия или дознания, положения этой статьи следует отнести и к дознанию.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

Значительную помощь в получении полных и достоверных показаний могут оказать данные психологии — науки об общих закономерностях психической деятельности человека, ее специальной отрасли — судебной психологии, обращенной к изучению явлений, закономерностей и механизма психики лиц, принимающих участие в уголовном процессе.

Использование научных данных о психических процессах, свойствах и состояниях дает возможность познать особенности формирования свидетельских показаний, выработать наиболее эффективные тактические приемы получения показаний, а также критерии для их проверки и оценки.

Психическая деятельность — категория идеальная, не материальная, не пространственная. Материальной основой ее является работа клеток головного мозга. Психическая деятельность осуществляется посредством множества специальных телесных устройств. Одни из них воспринимают воздействия объективного мира, другие — преобразуют их в сигналы, строят план поведения и контролируют его, третьи — придают поведению энергию и стремительность, четвертые — приводят в действие мышцы и т. д.[1]. Поэтому изучение психики человека неразрывно связано с познанием законов высшей нервной деятельности и физиологических механизмов психических процессов.

В познавательной деятельности человека различают чувственное познание — непосредственное отражение

[1] См.: Общая психология. Под ред. проф. Петровского А. В. М., «Просвещение», 1970, стр. 18.

предметов и явлений объективного мира, и рациональное — проникновение мысли в суть явлений, установление связей между ними. Однако обе эти стороны познания нельзя рассматривать как самостоятельные и сменяющие друг друга стадии. Чувства и мышление выступают в неразрывном единстве и взаимопроникновении как моменты единого процесса познания. Даже элементарные акты восприятия невозможны без мышления, так же как самые абстрактные мыслительные процессы насыщены чувственными элементами.

Советские криминалисты всегда придавали важное значение изучению психологических закономерностей формирования показаний, умению использовать эти знания для правильного построения тактики допроса свидетеля, проверки и оценки его показаний. «Для того, чтобы провести допрос свидетеля, — отмечал С. А. Голунский, — необходимо иметь хотя бы самые основные представления о психологии свидетельских показаний» [1]. Еще раньше об этом писал М. С. Строгович: «психология свидетельских показаний имеет громадное методическое значение в судебно-следственной практике в смысле создания у следователя и судьи умения критически подходить к свидетельским показаниям и путем их обстоятельного анализа выявить ошибки, искажения и пр.» [2]. Однако использование данных психологии в борьбе с преступностью долгое время было затруднено неразработанностью многих пограничных проблем психологии и права. И только за последнее время появился ряд серьезных исследований в этой области [3], что позволило вве-

---

[1] Голунский С. А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942, стр. 14.

[2] Строгович М. С. Научные методы расследования преступлений. «Вестник советской юстиции», 1930, № 4.

[3] См.: Красносельских А. А. Учет психологических особенностей формирования свидетельских показаний. «Вестник МГУ», 1957, № 2; Ратинов А. Р. О следственной интуиции. «Социалистическая законность», 1958, № 4; Идашкин Ю. В. Криминалистика и психология. «Вопросы криминалистики», 1960, № 1—2; Васильев В. Л. О значении судебной психологии в работе следственных органов. «Правоведение», 1965, № 2; Кэртес Имре. Тактика и психологические основы допроса. М., Юриздат, 1965; Дулов А. В. О преподавании судебной психологии. «Правоведение», 1965, № 2; Ратинов А. Р. Судебная психология как наука. «Советское государство и право», 1965, № 5; его же: Использование данных психологии в процессе доказывания. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Общая часть. М., «Юри-

сти для студентов юридических институтов и факультетов изучение специальной дисциплины «Судебная психология».

Формирование свидетельских показаний — это сложный процесс, на протекание которого оказывают влияние как внешние обстоятельства, так и субъективные качества свидетеля. Для правильного построения тактики допроса, проверки и оценки показаний важно проследить весь путь прохождения информации от источника, из которого она воспринята свидетелем, до ее процессуального закрепления в материалах дела.

Процесс формирования свидетельских показаний делят на отдельные этапы или стадии. Как и всякая классификация, это деление весьма условно и имеет целью научное рассмотрение явлений, оказывающих влияние на формирование свидетельских показаний. М. С. Строгович и М. Л. Якуб придерживаются традиционного деления процесса формирования свидетельских показаний на три этапа: восприятие, запоминание, воспроизведение [1]. А. Н. Васильев выделяет еще один этап — «припоминание (узнавание) воспринятого» [2]. А. В. Дулов предлагает двенадцатичленное деление: 1) ощущение, 2) восприятие, 3) использование воспринятого в последующих действиях и опыте, 4) оценка воспринятого, 5) запоминание, 6) определение плана поведения на допросе, 7) установление контакта с допрашивающим, 8) получение мыслительной задачи при допросе, 9) самостоятельное воспоминание, 10) воспоминание под воздействием следователя, 11) изменение ранее принятых решений, 12) воспроизведение фактов [3]. Указанные авторы рассматривают реально существующие этапы, однако, не-

---

дическая литература», 1966; его же: Психология показаний свидетелей и потерпевших. Психология показаний подозреваемых и обвиняемых. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Особенная часть. М., «Юридическая литература», 1967; его же: Советская судебная психология. М., «Знание», 1967; его же: Судебная психология для следователей. ВШ МООП СССР. М., 1967; Дулов А. В. Введение в судебную психологию. Минск, 1970; его же: Судебная психология, Минск, 1970.

[1] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., «Наука», 1968, стр. 404; Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. Изд-во МГУ, 1968, стр. 55.

[2] Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 11.

[3] См.: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970.

смотря на различия в классификации, заканчивают рассмотрение процесса формирования свидетельских показаний воспроизведением свидетелем воспринятого на допросе. Но для того, чтобы свидетельские показания приобрели силу доказательств, они должны быть восприняты следователем или судом и получить процессуальное закрепление. Кроме того, некоторые особенности имеет повторное свидетельствование. В связи с этим представляется более последовательным подход к рассмотрению психологического процесса формирования свидетельских показаний, предложенный А. Р. Ратиновым и О. А. Гавриловым[1]: а) получение, накопление и обработка информации, б) ее запечатление, сохранение и переработка, в) воспроизведение и передача информации лицу, производящему допрос, г) прием, переработка и процессуальное закрепление информации допрашивающим, д) повторное свидетельствование. Такой подход к рассмотрению психологического процесса формирования свидетельских показаний в основном принят в некоторых учебниках криминалистики[2], в монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть особенная. М., «Юридическая литература», 1967.

§ 1. ПОЛУЧЕНИЕ, НАКОПЛЕНИЕ И ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ

Простейшим психическим процессом, доставляющим нам информацию об объективной реальности, является ощущение. Ощущение — начальный процесс, дающий толчок для возбуждения всех других, более сложных процессов. Оно представляет собой отражение отдельных свойств и качеств предметов и явлений материального мира, а также внутренних состояний организма, воздействующих на органы чувств, и является начальным источником всех наших знаний о мире. В. И. Ленин писал: «Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение»[3], и далее: «Иначе, как через

---

[1] См.: Ратинов А. Р., Гаврилов О. А. Использование данных психологии в буржуазной криминалистике. Сб. «Вопросы криминалистики», вып. 11. М., 1964, стр. 143—144.

[2] См.: Учебник «Криминалистика». Под ред. Белкина Р. С., Зуйкова Г. Г. М., «Юридическая литература», 1968.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50.

ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем»[1].

Представления, создаваемые ощущением в мозгу, не есть простая копия материального мира, воздействующего на наши органы чувств. Они суть «субъективные образы объективного мира»[2]. Звуки, запахи, цвета представлены в нашем мозгу не в виде фотографических снимков, а закодированы в какой-то соответствующей форме. Восприятие свидетелем преступника, орудий преступления, события преступления — это нечто совершенно особое и отличное от реальных людей, предметов, явлений. Однако восприятие позволяет человеку ориентироваться в реальном мире, вступать с ним в контакт и в дальнейшем целенаправленно изменять его. Это объясняется тем, что истинность образов, которые доставляют нам ощущения, отделение истинных от ложных дается практикой. Такого рода проверку человек далеко не всегда осуществляет только на основе личного опыта. Основное значение имеет общественная практика людей. Адекватность восприятия внешнего мира проверялась на практике взаимодействия человека с окружающей его средой в течение миллионов лет.

Для возникновения ощущения, помимо воздействия материального раздражителя на органы чувств, необходима и некоторая определенная работа самого организма. Воспринимающие аппараты нашего организма, получившие название **анализаторов**, состоят из трех механизмов: поверхности, воспринимающей раздражения; нерва, или проводника от нее к центру; самого центра. Указанные три механизма составляют один воспринимающий аппарат: мы видим не изолированно глазами, а всем зрительным анализатором, слышим — слуховым анализатором и т. д.[3]. Поэтому при анализе свидетельских показаний должны быть учтены не только внешние условия восприятия, но и состояние анализаторов, всего организма свидетеля.

С точки зрения информационной пропускной способности анализаторов у человека на первом месте стоит зрение. Зрительная система доставляет человеку до 90%

---

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 320.

2 Там же, стр. 120.

3 См.: Общая психология. Под ред. проф. Петровского А. В. М., «Просвещение», 1970, стр. 206—207.

всей принимаемой им информации[1]. Далее идут осязание, слух, вкус, обоняние, органические ощущения[2].

Содержанием свидетельских показаний чаще всего являются сведения, воспринятые свидетелем через зрительные и слуховые анализаторы, т. е. увиденное и услышанное свидетелем. Реже встречаются показания, которые даются на основе информации, поступившей через другие органы чувств. Однако и такая информация может иметь существенное значение для раскрытия преступления, розыска преступника и установления других обстоятельств. Потерпевшая В. не могла описать внешность грабителя, поскольку нападение на нее было совершено в темноте, но В. показала, что, когда неизвестный потребовал часы, она вытянула руку и непроизвольно коснулась его подбородка. Показания В. о том, что это был мягкий нежный подбородок человека, который еще не бреется, помогли разыскать преступника.

Анализаторы обладают весьма высокой чувствительностью к раздражителям. Так, при идеальных условиях глаз человека способен воспринять свет в одну свечу на расстоянии двадцати семи километров и зафиксировать вспышку света продолжительностью 0,0003 секунды. Обычно же восприятие затруднено различными помехами. Содержащиеся в атмосфере водяные пары, пыль ухудшают видимость, и практически ночью свет костра виден примерно на расстоянии шести—восьми километров, карманного фонаря — примерно за полтора километра, огонек папиросы — за полкилометра.

Материальный мир посылает массу самой разнообразной информации. Однако органы чувств человека способны воспринимать раздражения только определенного уровня и реагировать на их изменения только в определенных пределах. Минимальная сила раздражителя, достаточная чтобы вызвать едва заметное ощущение, называется *нижним абсолютным порогом чувствительности*. Он определяет уровень абсолютной чувствительности данного анализатора. *Верхним порогом чувствительности* является величина раздражения, при которой вместо адекватного

---

[1] См.: *Зинченко* В., *Лурия* А. Предисловие к книге *Грегори* Р. Л. Глаз и мозг, психология зрительного восприятия. М., 1970, стр. 5.

[2] Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, стр. 196.

отражения признаков предметов и явлений реальной действительности возникают болевые ощущения (например, сверхгромкий звук, слепящий свет и т. д.). Диапазон между этими порогами может быть достаточно велик. Глаз, например, эффективно работает при изменении яркости света порядка 100 000:1.

Анализаторы дают нам возможность не только констатировать наличие или отсутствие раздражителя, но и различать его силу и качество. Минимальное различие в интенсивности раздражителей, при которой возникает разница в ощущениях, называется *порогом различения*, или *разностным порогом*. Для заметного изменения интенсивности света освещенность должна быть изменена на один процент по отношению к исходной, а для того чтобы почувствовать изменения в слуховых ощущениях, раздражение должно быть изменено примерно на $^1/_3$.

Различают и другие пороги. Например, временные пороги полного опознания формы, размера и количества воспринимаемых предметов, визуально-двигательные (порог скорости, порог перемещения) [1].

Пороги ощущения не являются *постоянной величиной* и могут изменяться с изменением *условий восприятия*: силы возбуждения, продолжительности и *интенсивности* действия раздражителя. Они зависят и от общего состояния организма: бодрости или утомления, болезни или здоровья, а также могут меняться в течение всей жизни человека. Например, к старости снижается острота зрения, слуха.

Чувствительность может меняться под действием возбуждающих средств. Кофеин положительно влияет на работу органов чувств, а алкоголь притупляет чувствительность, даже если он принят в небольших дозах и его присутствие не отмечается сознанием. При больших количествах влияние алкоголя может продолжаться более суток, а в некоторых случаях (патологическое опьянение) могут возникнуть бредовые идеи, галлюцинации.

Чувствительность может повышаться под влиянием тренировок или в результате выработки определенных профессиональных навыков. Высокий уровень функцио-

---

[1] См.: сб. «Проблемы физиологической оптики», т. 14. Л., «Наука», 1967; сб. «Восприятие пространства и времени». Л., «Наука», 1969.

нирования анализаторов определяется также повышенной моторной или интеллектуальной активностью человека[1]. Известны случаи феноменальной чувствительности. Так, по делу об убийстве председателя колхоза и его семьи была допрошена свидетельница Р. Она показала, что с балкона своего дома видела, как в ночь убийства в дом председателя вошли трое односельчан, которых она узнала. (В такую ночь обычный человек на расстоянии пяти-шести шагов едва различал силуэты.) Проведенный следователем эксперимент подтвердил, что Р. способна опознать человека в темноте на значительном расстоянии[2].

Физические и психические недостатки человека носят как временный, так и постоянный характер. Они могут полностью вывести из строя отдельные анализаторы, могут внести искажения в процесс восприятия. Так, некоторые психические заболевания, не лишая человека возможности трудиться и поддерживать нормальные отношения с окружающей средой, могут, при определенных условиях, вызвать расстройство восприятия в виде зрительных и слуховых галлюцинаций.

Физические и психические недостатки могут иметь ярко выраженный характер и без труда выявляться, но могут быть и скрытыми, о наличии которых не подозревает и сам свидетель. Например, наиболее распространенным нарушением цветового зрения, о наличии которого человек может и не знать, является неумение различать красное и зеленое. Приблизительно 10% мужчин страдает дефектом цветового зрения, у женщин он встречается крайне редко.

Если какой-либо из анализаторов функционирует слабо или совсем не функционирует, то в процессе жизненной практики сильнее начинает развиваться чувствительность других анализаторов. Происходит своего рода компенсация одних органов чувств другими. В частности, у слепоглухонемых сильно развивается осязательная, мускульно-двигательная чувствительность.

Во всех случаях, когда есть основание предполагать наличие у свидетеля дефектов или отклонений от нормы,

---

[1] См.: Александрова М. Д. Об индивидуально-возрастных особенностях пространственного различения при старении. Сб. «Восприятие пространства и времени». Л., «Наука», 1969, стр. 50.

[2] См.: «Социалистическая законность», 1963, № 2, стр. 61.

могущих повлиять на правильность его показаний, и сомнения не могут быть разрешены без помощи врача, закон требует обязательного проведения экспертизы (ст. 79 УПК РСФСР). Этого требования строго придерживается и судебная практика. В определении Судебной коллегии от 15 декабря 1964 г. по делу Ч. Верховный Суд РСФСР записал, что в случае возникновения сомнений в способности свидетеля правильно воспринимать обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, проведение экспертизы для определения его психического или физического состояния является обязательным [1].

Знания о порогах ощущения не только позволяют отличать правдивые показания и добросовестные заблуждения от ложных, но и помогают в выявлении свидетелей, например, для дачи показаний в отношении обстоятельств, восприятие которых требует повышенной чувствительности.

Чувствительность зависит и от продолжительности воздействия раздражителя. Органы чувств обладают способностью приспособления к действующему на них раздражителю, изменяя свою чувствительность. При этом они настраиваются для наилучшего действия (адаптация). Наиболее ярко адаптация проявляется в зрительных ощущениях. Экспериментальными исследованиями установлено, что, приспособляясь к источнику света, глаз человека может менять чувствительность почти 200 тысяч раз.

Различают световую адаптацию и темновую. Световая адаптация имеет место при переходе от темноты к свету и от меньшей яркости к большей. Темновая адаптация имеет место при переходе от той или иной яркости к темноте или от большей яркости к меньшей. Световая и темновая адаптации глаза отличаются по продолжительности. Темновая адаптация наиболее активно идет первые 20 минут и приспособление заканчивается в течение 40—60 минут. Однако после прямого засвета глаз фарой встречного автомобиля шофер уже через 3—6 секунд может ориентироваться в обстановке. При переходе от темноты к свету требуется всего 4—5 минут, чтобы зрительные органы приспособились к ярко

[1] См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 4, стр. 10.

освещенной обстановке и полностью световая адаптация заканчивается приблизительно за 7—8 минут.

Довольно быстро адаптация наступает в обонятельных ощущениях. Полная адаптация к запаху йода наступает уже через 50—60 секунд, к запаху камфоры — через 90 секунд, к резкому запаху сыра — через 8 минут. Наиболее быстро адаптация происходит при давлении на кожу. Р. Вудвортс даже высказал предположение, что при ощущении давления «рецепторы или некоторые из них по отношению к абсолютному постоянному раздражителю адаптируются почти моментально. Они могут реагировать только на изменение давления»[1].

Адаптация также имеет свои пороги. Если держать руку в воде, которая на несколько градусов выше или ниже температуры кожи, то ощущение тепла или холода ослабевает и прекращается в течение нескольких минут. Пороги такой адаптации лежат в пределах от 16—18 до 40—42 градусов. При дальнейшем понижении или повышении температуры ощущение соответственно холода или тепла уже не исчезает.

Мало заметна адаптация в слуховых ощущениях. Привыкание к звуку имеет только внешнее сходство с адаптацией, но природа их различна. При подлинной адаптации сколько бы человек ни хотел, он не может увидеть слабый свет в первые мгновения после прихода в темную комнату. При привыкании же к звуковым раздражителям слуховая чувствительность не меняется. Можно, скажем, настолько привыкнуть к тиканию часов в комнате, что не замечать его, но достаточно вспомнить о них, чтобы сразу же услышать тикание.

Влияние адаптации должно учитываться при допросе свидетеля, когда он дает показания об обстоятельствах, которые наблюдались при резкой смене интенсивности раздражителя.

Чувствительность зависит и от одновременного действия нескольких раздражителей на другие органы чувств. При взаимодействии ощущений интенсивность одного из раздражителей может снижать или повышать чувствительность к раздражителям, действующим на другие органы чувств. Например, острота зрения и слуха повышается при холодной погоде, и, наоборот, снижа-

---

[1] Вудвортс Р. Экспериментальная психология. М., «Иностранная литература», 1950, стр. 147—148.

ется при жаркой погоде. Такая реакция может сохраняться некоторое время и после окончания воздействия раздражителя. При этом слабые раздражители увеличивают чувствительность к другим, одновременно действующим раздражителям, тогда как сильные раздражители уменьшают эту чувствительность.

Другим фактором, влияющим на чувствительность, является контраст ощущений, выражающийся в изменении чувствительности под влиянием предшествующего или одновременно действующего раздражителя противоположного качества. Чувствительность к раздражителю повышается, когда он действует (воспринимается) на контрастном фоне. Поверхность будет казаться более яркой в темном окружении, а цвет будет восприниматься как более интенсивный, если его окружает поле, окрашенное в дополнительный цвет; звук воспринимается как более громкий в тишине; ощущение холода усиливается, если ему предшествовало ощущение горячего.

Через ощущения мы получаем сообщения об отдельных признаках предметов и явлений, воздействующих на органы чувств. Ощущение само по себе не дает непосредственно полную картину мира, а снабжает данными для суждения о том, что находится перед нами. Комплексное представление об объектах материального мира мы получаем в процессе восприятия. В нем участвует весь отражающий действительность нервный аппарат, и образы восприятия строятся совместным действием нескольких анализаторов, на которые воздействуют разные стороны объекта. Восприятие отражает предметы и явления во взаимодействии их свойств и качеств.

Восприятие является активным процессом и связано с осмысливанием объекта, включает акт понимания его. На этой стадии познания уже участвует мысль, проникающая в суть явлений, используются различные мыслительные операции и логические приемы.

Восприятие каждый раз опосредовано ранее сложившимся опытом. «Всякое душевное движение, — писал И. М. Сеченов, — как бы просто оно ни было, представляет собой результат всего предшествующего и настоящего развития человека»[1]. Живое созерцание взрослого

[1] Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., Госполитиздат, 1947, стр. 311.

человека, к какой бы области его деятельности оно ни относилось, опосредовано запасом его знаний.

В сознании человека на основе его жизненного опыта образуется масса всевозможных представлений, которые он принимает как истинные. Большинство из них и объективно является истинными, проверенными практикой. Вновь получаемая информация включается в систему уже имеющихся знаний, истолковывается, осмысливается с учетом предшествующего опыта личности. В памяти человека имеется набор образов, терминов, понятий. Столкнувшись с чем-то новым, мозг должен срочно перебрать известное, сличить, перекомбинировать, усвоить неизвестное ранее и с учетом прошлого опыта построить новое представление. После этого получается новый блок, новый кирпичик в сознании. Таким образом, полнота и точность восприятия зависят от прошлого опыта, знаний человека и их участия в восприятии. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что «слепые от рождения, прозревшие после операции, должны учиться видеть, хотя на ощупь они те же самые предметы узнают хорошо» [1].

Зависимость восприятия от особенностей данной личности носит название апперцепции. Она дает возможность человеку выявить знакомые объекты, определить их связи и опосредствования. Инспектор ОРУД—ГАИ без труда определяет скорость автомобиля, врач-рентгенолог, рассматривая рентгенограмму, определяет наличие или отсутствие патологии. При этом используются различия в признаках, которые для других людей кажутся одинаковыми. Апперцепция может привести и к ошибкам в показаниях свидетелей, когда вновь полученная информация неверно истолковывается.

Характерной особенностью восприятия является то, что оно сразу дает целостный образ объекта и только в процессе дальнейшего наблюдения вырисовываются отдельные детали. Это может послужить причиной ошибок в свидетельских показаниях, когда оценка предмета в целом переносится на оценку его деталей и происходит неверное восполнение пробелов в воспринятом. Свидетель, восприняв только отдельные свойства или при-

---

[1] Сойфер Л. И. Психологические особенности процесса узнавания. Научные труды Ташкентского университета, вып. 327. Ташкент, 1968, стр. 65.

знаки предмета, необоснованно дополняет образ этого предмета элементами, почерпнутыми из своего опыта, которые по его мнению должны здесь присутствовать. Происходит подмена действительного обычным для данного свидетеля. Домохозяйка С., присутствовавшая при задержании вора и осмотре его мешка, была удивлена, что в мешке оказались калоши. Она показала, что когда шли в милицию, то слышала, как в мешке скрипела капуста. «Я еще подумала: где же он мог достать ее в марте»[1].

Реальный мир посылает постоянно массу самой разнообразной информации, воздействующей на органы чувств человека, но далеко не все отражается в сознании человека. Из многих предметов и явлений выбираются наиболее актуальные для него в данный момент. Это объясняется избирательной способностью восприятия — преимущественным выделением определенных объектов и их признаков. Избирательность восприятия обусловлена как характером раздражителей, действующих на органы чувств, так и целями, задачами, которые ставит свидетель перед собой при восприятии. Избирательность восприятия проявляется во внимании. Внимание при восприятии заключается в направленности психической деятельности на определенные объекты с одновременным отключением от других. Оно характеризуется объемом — способностью одновременно сосредоточиться на нескольких объектах и устойчивостью — длительностью сохранения внимания на этих объектах.

Внимание вырабатывается в течение всей жизни человека и зависит от всего психического склада личности. Некоторые виды трудовой деятельности вырабатывают профессиональное внимание — у шофера, машиниста, милиционера внимание широко распределенное и быстро переключаемое; у врача, педагога внимание не столь часто переключаемо, но более углубленное и сосредоточенное.

Отрицательной стороной внимания является рассеянность. Один из видов рассеянности — так называемое «порхающее внимание». Это малоинтенсивное и неустой-

---

[1] Жабицкая Л. Г., Шахриманьян И. К. Использование материалов свидетельских показаний для исследования восприятия. «Вопросы психологии», 1965, № 2, стр. 151.

чивое внимание, внешне не направленное и не способное ни на чем долго сосредоточиться. Оно больше свойственно детям. У взрослых людей встречается обычно в состоянии утомления. Совсем другой вид представляет «липкое внимание» — трудно переключаемое, высокоинтенсивное внимание, проявляющееся в том, что человек, углубленный в работу, ничего не замечает окружающего. Этот вид внимания более свойствен для лиц умственного труда, погруженных в свои мысли.

Направленность и сосредоточенность внимания может носить непроизвольный и произвольный характер. В основе непроизвольного внимания лежит безусловный ориентировочный рефлекс, названный И. П. Павловым «что такое?». Этот рефлекс вызывается изменением ситуации, в которой находится человек. Обычно это появление нового резкого раздражителя или смена интенсивности действующего раздражителя. Визг тормозов, громкий крик, толчок, вспышка света невольно привлекают наше внимание. Аналогичную реакцию может вызвать и прекращение длительно действующего раздражителя.

Объекты реального мира находятся в непрерывном движении и изменении, но при постоянном нахождении их в поле нашего зрения мы часто не замечаем происходящих в них изменений, если они незначительны. Наше сознание не фиксирует их. Внимание свидетеля будет обращено на объект, когда в нем произойдут резкие изменения.

Событие преступления, являющееся предметом исследования в уголовном процессе, это, как правило, экстраординарный случай, который нарушает обычное течение жизни и оказывает резкое воздействие на психику людей, являющихся свидетелями этого события. Внимание в этих случаях концентрируется на каких-то явлениях, больше всего поразивших свидетеля. При угрожающей ситуации для большинства людей свойственно преувеличивать размеры опасности («у страха глаза велики»). Безобидные жесты или предметы при такой ситуации могут восприниматься как связанные с нападением. Свидетели, для интересов которых возникла действительная или мнимая угроза, в своих показаниях могут преувеличивать именно те действия, которые они восприняли как угрожающие.

Причинами, вызывающими непроизвольное внимание,

могут быть не только резкие изменения ситуации, но и степень соответствия внешних раздражителей духовному облику личности, внутреннему состоянию свидетеля, готовности к восприятию. То, что имеет значение для одного человека, может не иметь значения для другого. Различно и отношение людей к непонятным предметам. Одни относят их к разряду тех, «до которых им нет дела», и новизна объекта не привлекает их внимания, для других же именно эта сторона концентрирует внимание. Очевидец драки — свидетель З. показал, что хотя он драку видел хорошо, но не может сказать, кто с кем дрался, так как ему «это было ни к чему». В другом случае свидетель, давая подробные показания о краже на рынке, пояснил, что он никогда раньше не видел, как совершаются кражи, и потому с интересом следил за действиями обвиняемой.

Житейский опыт, профессиональные знания зачастую вырабатывают у человека способность выделять предметы из фона. Они создают как бы готовность к восприятию соответствующих сигналов. Шофер, очевидец наезда автомобиля «Волга» на пешехода, при допросе в качестве свидетеля показал, что наезд был совершен при интенсивном непрерывном торможении автомашины. Основанием для такого показания свидетеля послужили профессиональные знания шофера. Свидетель обратил внимание, что стоп-сигналы автомашины зажглись и ни разу не гасли. Известно, что стоп-сигналы «Волги» зажигаются при торможении и гаснут только при отпускании тормозной педали. Поэтому продолжительное свечение стоп-сигналов и обратило на себя внимание свидетеля как сигнал тревоги.

Произвольное внимание направлено на объект под влиянием принятых решений и сознательно поставленных целей. Человек преднамеренно организует определенным образом свое восприятие, добиваясь сосредоточенности внимания для достижения поставленной цели и отвлечения от всего постороннего путем волевых усилий. При произвольном внимании в восприятии наиболее полно сочетается чувственное и рациональное начало. Такое восприятие включает в себя синтез и анализ, абстракции и обобщения. Человек распознает в объекте общее и единичное, различает детали, определяет связи с другими объектами. Понятно, что восприятие в этом случае будет более яркое, и свидетель сможет

дать более подробные и полные показания. Однако для проверки и оценки таких показаний свидетеля необходимо выяснить, какими мотивами было обусловлено произвольное внимание и насколько они естественны для обстановки, в которой происходило восприятие. Дело в том, что подробные и детальные показания могут дать и заранее подготовленные лжесвидетели.

Факторы, влияющие на полноту и точность восприятия. Показания нескольких свидетелей об одном и том же событии могут не совпадать, если они находились в разных условиях для наблюдения или по каким-либо причинам обратили внимание на разные особенности воспринимаемого события. Основные и наиболее часто встречающиеся факторы, влияющие на правильность восприятия, могут быть сведены в две группы — объективные и субъективные. Объективные факторы относятся к внешним условиям и обстоятельствам восприятия и особенностям воспринимаемого обекта. Субъективные факторы относятся к индивидуальным свойствам самого свидетеля[1].

К числу объективных факторов, влияющих на восприятие и которые необходимо учитывать при допросе свидетелей, относятся условия восприятия: видимость, слышимость, продолжительность восприятия и т. п. Судебная практика твердо придерживается правила, что показания свидетелей, которые по условиям восприятия могли быть результатом ошибочных представлений, не являются основанием для вынесения обвинительного приговора[2]. Отменяя приговор Верховного Суда Грузинской ССР по делу Л. и М., Судебная коллегия Верховного Суда СССР отметила, что не выяснены условия восприятия обстоятельств свидетелем З., на показаниях

[1] Такая группировка факторов дается с целью анализа влияния их на восприятие и является весьма условной. При проверке и оценке показаний свидетеля объективные условия восприятия могут рассматриваться только в связи с субъективными свойствами свидетеля.

[2] См.: определения коллегий Верховного Суда СССР от 19 декабря 1942 г. по делу Ч. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1942 г. Юриздат, 1947, стр. 109), от 3 марта 1944 г. по делу Б. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г. Юриздат, 1948, стр. 175); см. также определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 30 ноября 1962 г. по делу Д. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 3, стр. 8).

которого основано обвинение. «В суде не выяснено, насколько хорошо свидетель З. понимает русский язык, на каком расстоянии он находился от Л. и М. во время разговора, мог ли он слышать и понять произнесенную на русском языке фразу»[1].

Причиной искажения истины в показаниях свидетелей или упущения ими некоторых обстоятельств может быть скоротечность события, о котором дается показание. Опыты с инсценировкой хулиганских действий показали, что при продолжительности наблюдения в 85 секунд испытуемые дали 76,4% правильных ответов, 5,9% неправильных и 17,7% упущений. При продолжительности наблюдения в 35 секунд правильных ответов оказалось 39,5%, неправильных 6,2%, упущений 54,8%[2]. Как видно из этих данных, при быстром протекании события большинство свидетелей не успевает отметить все его детали.

Внимание может притупляться ввиду болезненного состояния свидетеля, опьянения. Полнота восприятия значительно снижается при утомлении, в подавленном состоянии. Событие преступления может вызвать и такие эмоциональные отношения свидетеля к этому событию или его участникам, как чувство симпатии или антипатии, сострадания или гнева и т. п. Под влиянием эмоций наиболее ярко и полно воспринимаются явления, возбудившие эти чувства, и, наоборот, глушатся другие восприятия. Чрезвычайное эмоциональное напряжение может вывести нервную систему из строя. При этом возникает состояние упадка, нереальности происходящего, что отрицательно сказывается на восприятии.

Люди обладают разным жизненным опытом, разным запасом теоретических и практических знаний, что также сказывается на особенностях восприятия. Обстоятельное знакомство с объектом восприятия позволяет свидетелю наиболее полно, быстро и точно зафиксировать и осмыслить его свойства и признаки. И, наоборот, не обладая достаточным практическим опытом, свидетель может неверно истолковать воспринятое.

Восприятие человека. Предметом свидетельских показаний могут быть не только неодушевленные

---

[1] Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 29 февраля 1968 г. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 4, стр. 31—32).

[2] Труды отделения правоведения Киргизского госуниверситета, вып. II. Фрунзе, 1964, стр. 270.

предметы, но и человек. Познание человека — это наиболее сложный и многоступенчатый процесс, включающий все уровни чувственного и логического отражения. Образ человека создается не только его внешними характеристиками (физический склад, возраст, пол и т. п.), но, главным образом, свойствами его личности, которая проявляется в отношениях с различными сторонами действительности, в том, что и как он делает, говорит и т. д. На основе выработанных у каждого свидетеля критериев важного и неважного, нравственного и безнравственного, ценного и не имеющего цены у него складывается заключение о воспринимаемом человеке. В ход идут оценочные эталоны, стереотипы, которые актуализируются под влиянием особенностей внешности или поведения объекта и в значительной степени определяют характер восприятия.

Хорошо знакомые люди воспринимаются по их индивидуальным особенностям, посторонние же воспринимаются как представители категорий, на которые мысленно делятся люди с точки зрения какого-либо легко различимого признака. Если предполагается, что люди данной категории обладают определенными качествами, то от них ожидаются действия определенного рода и окружающие повышенно чувствительны к сигналам, дающим знать о таком их поведении. При этом у свидетеля может вырабатываться предвзятое отношение к определенной общественной группе в результате некритического усвоения мнений, принятых в его среде, или фактов собственного опыта. Этим объясняется наблюдающееся у некоторых людей отношение к торговым работникам как к нечестным людям, к счетным работникам — как к сухим и черствым и т. п. Широкое распространение имеет мнение, что раз человек взят под стражу, то он преступник (в этом случае рассуждают примерно так: «зря не арестуют»). Такое предвзятое отношение свидетеля к воспринимаемому человеку может отложить отпечаток на его восприятие, поскольку внимание свидетеля будет сосредоточиваться на фактах, отвечающих его предположениям (причем иногда в гиперболизированном виде), и не будет фиксировать факты, объективно характеризующие человека, но не соответствующие предположениям свидетеля.

Предубеждение может вырабатываться и по отношению к отдельному индивиду. Если у человека «плохая

репутация», то даже самые невинные его поступки могут истолковываться предвзято, и, более того, ему могут приписывать даже то, что он не совершал. Характерно в этом отношении признание известного советского хоккеиста Бориса Майорова. По ряду причин у спортивной общественности о нем сложилось мнение не только как о замечательном хоккеисте, но и как о злостном нарушителе. Это мнение оказало психическое воздействие даже на спортивных судей, которые должны наиболее объективно оценивать все ситуации, складывающиеся на хоккейном поле. Борис Майоров пишет: «Мы играем в Новосибирске с местным «Динамо». Мой товарищ по команде Валерий Кузьмин, недовольный каким-то решением судьи, произносит довольно громко нелестное замечание в его адрес. Тот все слышит, но не знает, кто оратор. И не пытается узнать. Ни секунды не раздумывая, он удаляет меня с поля на десять минут. Я пытаюсь что-то сказать в свое оправдание, но он и слушать не хочет. Только когда Кузьмин подъехал к нему и растолковал, как было дело, меня реабилитировали» [1].

Предметом свидетельских показаний может быть высказывание другого человека. В таких показаниях особенно часто проявляется индивидуальность свидетеля. Слово для взрослого человека наиболее многообъемлющий и качественно отличающийся от других раздражитель. В силу жизненного опыта слово приобретает определенное значение для человека и вызывает соответствующие реакции. Обычно высказывание содержит не одно слово, а несколько и даже группу предложений, что увеличивает объем информации, поступающей к слушателю. Кроме того, в устной речи информацию несут не только слова, но и мимика, жесты, интонация и другие вспомогательные средства общения, сообщение о которых также может быть предметом свидетельских показаний. Необходимо также учитывать, что одно и то же слово может иметь не только различное звучание, но и содержание в зависимости от того, кто, как и по какому поводу его произнес.

Восприятие речи не сводится только к слуховому ощущению. В ней прежде всего воспринимается ее смысловое содержание. Понятность речи зависит от ее звуко-

---

[1] Майоров Борис. Я смотрю хоккей. «Октябрь», 1969, № 12, стр. 162.

вых особенностей и отношения между сложностью речи и интеллектуальным уровнем развития свидетеля. Речь, произнесенная даже на знакомом языке, но о предметах, непонятных свидетелю, воспринимается чисто механически и в лучшем случае в памяти могут остаться отдельные слова. Уяснив же смысл произнесенной речи, свидетель может не запомнить отдельных слов, но рассказать ее содержание.

Восприятие пространства, времени и движения. Пространственные свойства присущи всем предметам, равно как временные отношения характерны для каждого явления. Понятие пространства включает в себя расстояние, величину, форму, направление. Определение координат предмета в пространстве и его величины связано с измерением расстояния от него до каких-либо точек отсчета. При этом точность оценки будет тем выше, чем ближе предмет находится к точкам отсчета, и приблизительность оценки будет возрастать с удалением предмета от точек отсчета. Наибольшую трудность представляет определение расстояния и размеров предмета на ровном месте (на воде, в степи), где отсутствуют ориентиры для сравнения. При определении величины предмета наиболее ярко проявляется такое свойство восприятия, как константность. Изображение предмета на сетчатке глаза увеличивается при сокращении расстояния до него и, наоборот, уменьшается с удалением предмета. Однако воспринимаемая нами величина предмета остается почти неизменной. Благодаря константности восприятия предметы, находящиеся от нас на определенном расстоянии, воспринимаются не как уменьшенные, а как удаленные. Константность восприятия не является врожденной, а вырабатывается в процессе жизненного опыта личности при многократном восприятии одних и тех же объектов в разных условиях. Поэтому явление константности нарушается, когда объект воспринимается в непривычных условиях. Например, для человека, не привыкшего к высоте, люди, автомобили из окна многоэтажного дома будут казаться слишком маленькими.

Восприятие пространственных отношений зачастую искажается в результате зрительных иллюзий. Так, вертикальные линии переоцениваются при сравнении с горизонтальными, черные предметы кажутся меньше аналогичных предметов белого цвета. Поэтому человек в

платье с вертикальными полосами будет казаться тоньше, чем в платье с горизонтальными полосами, а в черном костюме меньше, чем в белом. Освещенные предметы ночью кажутся больше, чем они есть на самом деле. Большие величины преувеличиваются, а малые преуменьшаются. Эти иллюзии настолько стойки, что с ними приходится считаться в практической жизни. Например, переоценка вертикальных линий вызвала необходимость при изготовлении шрифтов цифр «8» и «3» верхние и нижние их половинки делать разновеликими.

Конечно, нельзя преувеличивать значение зрительных иллюзий в формировании свидетельских показаний. Имре Кэртес замечает, что «значение данного явления может иметь место в показаниях о размерах весьма маленьких предметов или о предметах, находящихся на значительном расстоянии»[1].

Объектом свидетельских показаний может явиться определение предмета в пространстве путем локализации издаваемого им звука (откуда раздался выстрел, крик о помощи и т. д.). Источник звука локализуется довольно точно в привычном окружении, когда известны возможные источники звука и воспринимающий приспособился к звуковым экранам (пол, стены, другие отражающие поверхности). Точность определения местонахождения предмета по звуку зависит и от расположения источника звука по отношению к воспринимающему. Правое и левое направления резко отличаются при локализации источника звука и практически никогда не смешиваются, хуже развито у человека различение вверх—вниз и вперед—назад. Направление звука может изменяться различными звукоотражающими предметами. Поэтому при возникновении сомнений в правильности свидетельских показаний необходимо провести следственный эксперимент в условиях, аналогичных тем, при которых происходило восприятие.

Восприятие временных отношений, в которых протекают объективные явления, заключается в отражении их последовательности и длительности. Последовательность явлений тесно связана с нашим представлением о прошлом и настоящем. Восприятие длительности явления предполагает начало, конец, промежуток между началом

---

[1] Кэртес Имре. Тактика и психологические основы допроса. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 56.

и концом. На восприятие длительности промежутков времени влияет количество и качество явлений, заполнивших данный промежуток времени. При непосредственной оценке интервалов времени периоды, заполненные интересными событиями или работой, воспринимаются субъективно как более быстрые, короткие, а периоды, бедные событиями, — как более длительные. Как более длительные воспринимаются отрезки времени, заполненные неприятными событиями.

При обращении к оценкам прошедшего времени наблюдается противоположная закономерность — периоды, насыщенные интересными событиями, вспоминаются как более длительные, а периоды, бедные событиями, кажутся меньше, чем были в действительности. Меньшие отрезки времени обычно кажутся длиннее, а большие — короче. Наиболее точно оцениваются промежутки в 5—15 минут.

На восприятие времени существенное влияние может оказать состояние человека в момент восприятия. Характерными в этом отношении являются показания свидетелей о пожаре на нефтепромысле. Первые два взрыва с интервалом в 1—2 минуты произошли в 5 и 7 хранилищах. Были приняты меры для тушения пожара. Затем последовали взрывы в 6 и 8 хранилищах. Наконец, пятый взрыв произошел во 2 хранилище. Свидетели при допросе показали, что интервалы между взрывами в 5 и 7 хранилищах и взрывами в 6 и 8 хранилищах составили 5 минут, а интервал между взрывами в 6 и 8 хранилищах и взрывом во 2—10 минут. Согласно же записям в журнале дежурного первый интервал равнялся 4 минутам, а второй 5 минутам.

Таким образом, оценка свидетелями продолжительности первого интервала примерно соответствовала записям в журнале (разница в 1 минуту). Что касается второго интервала, то для свидетелей он показался вдвое продолжительней, чем был на самом деле. Эта разница будет понятна, если обратить внимание на то, что после второго взрыва наступили серьезные последствия, угрожающие существованию промысла.

Психологически эта ошибка объясняется тем, что в минуты опасности человек испытывает больше переживаний по сравнению с обычными условиями. Для данного случая следует заметить, что свидетелями были работники нефтепромысла и пожарной охраны, т. е. люди, в

необходимой степени подготовленные к возможности взрывов и пожаров и обученные поведению в этой ситуации. Следовательно, свидетели, для которых аварийная ситуация является неожиданностью, могут допустить и более существенные ошибки в оценке времени.

Неотъемлемым свойством материи, способом ее существования является движение, которое марксистская философия рассматривает как всякое изменение вообще, происходящее в пространстве и времени. В свидетельских показаниях речь идет, как правило, о механической форме движения, то есть о перемещении тел относительно друг друга или об относительном перемещении частей тела. Показаниями свидетелей обычно устанавливается направление, в котором перемещался объект, его скорость, характер движения.

Направление и скорость движения предмета воспринимаются относительно самого воспринимающего или относительно других предметов. При этом точность восприятия зависит от удаленности предмета наблюдения от воспринимающего. Чем ближе предмет, тем с большей точностью можно определить факторы движения. Направление является более простым элементом движения и потому показания о направлении характеризуются большей точностью.

На восприятие скорости движения влияет не только отдаленность предмета наблюдения, но и направление, в котором он передвигается. При направлении движения перпендикулярно линии глаз, движение воспринимается только по сопутствующим признакам: увеличение или уменьшение предмета, усиление или затухание производимого им звука, пересечение им других предметов, лежащих на его пути. При движении предмета параллельно линии глаз наблюдателя в определении скорости участвует и зрительный анализатор, поскольку изображение предмета перемещается по сетчатке глаза.

Показания свидетелей о времени, пространстве и движении — по сути оценочные суждения. Для того чтобы проверить и правильно оценить их, необходимо установить место, где находился свидетель, условия восприятия, способствующие или, наоборот, затрудняющие восприятие; способы, которыми свидетель пользовался при определении расстояния, времени, скорости движения и т. д. Следует также помнить, что для всех анали-

заторов свойственно недооценивать большие интервалы и переоценивать малые.

Необходимо также учитывать, что чувство пространства, времени и движения не является врожденным. Они вырабатываются в процессе накапливаемого житейского опыта. Поэтому с особой осторожностью следует подходить к показаниям об этих явлениях лиц, не имеющих соответствующих навыков (например, детей).

Восприятие, являясь первым звеном формирования свидетельских показаний, во многом определяет их характер. Если реально существующие предметы или явления искаженно отразились в сознании человека, то показания о них не будут соответствовать действительности. Правильное восприятие является необходимым условием правильности свидетельских показаний.

§ 2. ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ

На этой стадии формирования свидетельских показаний определяющим является память человека, его способность фиксировать и сохранять воспринятую информацию, а также воспроизводить ее без нарушения объема и характера или использовать для обработки поступающей в последующем информации. Память характеризуется длительностью процесса фиксации; объемом зафиксированного материала; продолжительностью его сохранения; полнотой, точностью и скоростью воспроизведения. Память теснейшим образом связана с личностью человека, его внутренним миром.

Физиологической основой памяти является образование, сохранение и актуализация нервных связей в коре головного мозга. Благодаря памяти человек сохраняет множество знаний, впечатлений, сведений.

Прочность запоминания зависит прежде всего от того, как воспринимался материал. То, что полно, ярко и точно воспринимается, то обычно прочнее закрепляется в памяти. Поэтому все, что обусловливает качество восприятия, одновременно и обусловливает качество запоминания.

Различают два вида запоминания — произвольное и непроизвольное. В первом случае волевое усилие человека направлено на то, чтобы сохранить в памяти воспринимаемый материал. Для произвольного запомина-

ния характерна цель. Человек в этом случае использует специальные приемы, способствующие запоминанию. Среди них важная роль принадлежит повторению. Элемент повторения может участвовать в формировании свидетельских показаний, когда свидетель, предвидя возможность рассказа, мысленно повторяет весь ход наблюдавшегося им события. Однако, как и в случае произвольного восприятия, необходимо выяснить мотивировку такого поведения свидетеля, чтобы отличить правдивые показания от специально подготовленных ложных показаний.

Произвольное запоминание отличается большой точностью, поскольку происходит активное осмысливание, анализ воспринятого материала, вычленение отдельных частей, установление связей между ними. Преднамеренное запоминание имеет и свои отрицательные стороны. Свидетель стремится сохранить в памяти именно ту информацию, которую он считает важной, и не фиксирует кажущиеся ему несущественными сведения. Хотя для расследования преступления именно последние могут оказаться наиболее важными.

Непроизвольное запоминание не направлено на собственно запоминание и проявляется в двух основных формах: а) как продукт деятельности человека, направленной на достижение практической цели; б) как результат ориентировочных реакций, т. е. как случайное эпизодическое запоминание. Мысль при непроизвольном запоминании направлена на раскрытие общего содержания материала и оставляет без внимания частности. Более прочно удерживается в памяти материал, входящий в содержание основной цели действий человека, и менее продуктивно запоминается побочный материал. Другим важным свойством непроизвольного запоминания, которое необходимо учитывать при допросе свидетеля, является зависимость продуктивности запоминания от степени активности работы с материалом. По мере овладения теми или иными навыками, при привыкании к тем или иным объектам продуктивность непроизвольного запоминания снижается.

На запоминание оказывает влияние характер воспринимаемого объекта, его эмоциональная насыщенность. Повышенная эмоциональность объекта способствует продуктивности запоминания. Наоборот, запоминание будет тусклым, если фон является более эмоцио-

нальным, чем воспринимаемый объект, или большие эмоции вызывают посторонние предметы, не связанные с объектом восприятия.

На запоминании сказывается и характер личности свидетеля. Помимо индивидуальных особенностей памяти каждого человека, большую роль играет состояние организма, возраст свидетеля, готовность к запоминанию[1].

Не все то, что воспринималось, переживалось или делалось человеком, сохраняется в памяти, значительная часть забывается. Забывание может выражаться в форме невозможности припомнить или узнать что-либо и в форме ошибок в припоминании и узнавании. Забывание может быть устойчивым, длительным и временным. Скорость забывания зависит главным образом от прочности запоминания: то, что прочно закреплено, забывается медленно.

Скорость забывания зависит от степени понимания материала: материал, который воспринимался без понимания, механически, забывается быстрее, чем материал осмысленный. Скорость забывания зависит также от богатства и новизны последующего восприятия. Если между ранее запоминавшимся материалом и последующим, богатым по содержанию материалом, образовались прочные связи, то забывание предшествующего материала будет происходить медленнее.

Влияет на скорость забывания и устойчивость интереса к воспринятому материалу, применение его в жизненной практике. Если воспринятое находит применение в жизненной практике, следовательно, материал повторяется и забывание происходит медленнее или вовсе не происходит. Быстрее забывается то, что потеряло для нас актуальное значение, то, что мы считаем не нужным.

Причинами забывания, кроме особенностей самого материала и особенностей его восприятия, могут являться расстройство памяти, отрицательные явления деятельности, следующей непосредственно за восприятием (ретроактивное торможение).

---

[1] Опыты, проведенные психологами, дали основания считать, что «быстрое запоминание материала зависит не от количества повторений, а от предварительной готовности индивида, которая необходима для запоминания» (Б ж а л а в а И. Т. Психология установки и кибернетика. М., «Наука», 1966, стр. 195).

Расстройства памяти могут быть обратимыми, когда с выздоровлением восстанавливается забытое и запоминается вновь получаемая информация. В результате тяжелых психических травм могут возникнуть так называемые реактивные состояния, могущие повлечь расстройство памяти. Причиной реактивных состояний могут быть смерть близких, пожар, авария или другие катастрофы. События, вызвавшие реактивное состояние, могут полностью выпадать из памяти или о них остается отрывочное неполное воспоминание. Такие реактивные состояния длятся от нескольких часов до нескольких дней.

После некоторых инфекционных заболеваний (например, при малярии), отравлении наркотиками и алкоголем может утрачиваться способность к запоминанию при сохранении в памяти предыдущих событий.

Наконец, при старческих психозах и ряде заболеваний мозга может наступить прогрессирующее расстройство памяти. При этом в первую очередь забывается недавно воспринятое. Сложные явления забываются быстрее, чем простые, а имена собственные — раньше, чем нарицательные, индивидуальные понятия — раньше, чем общие.

Процесс забывания нарастает с течением времени. Чем больше времени отделяет показания свидетеля от момента восприятия, тем больше вероятности запамятования. При этом надо учитывать избирательный характер забывания. В первую очередь забывается то, что запомнилось механически, а явления, предметы, которые произвели глубокое впечатление, оставили глубокий след в памяти свидетеля, или к воспоминанию о которых свидетель обращался неоднократно, могут храниться длительное время в его памяти.

Экспериментально-психологические исследования показывают, что интенсивность забывания возрастает с каждым днем примерно на 0,7%. Но и в этом случае определенные стороны виденного и слышанного остаются в памяти неизменными на долгие годы и припоминаются в необходимых случаях во всех деталях. Это объясняется тем, что память состоит как бы из двух «этажей». Кратковременная память — принимает информацию для оперативного использования. Из блоков этой памяти информация либо стирается, либо поступает в блоки долговременной памяти. Долговременная память обеспечивает хранение информации в течение

продолжительных периодов времени (часы, месяцы, годы)[1]. Для того чтобы подвижнонеустойчивые следы кратковременной памяти перешли в стойкие образы долговременной памяти, требуется определенный срок. Если же после восприятия происходит какое-то событие, прерывающее этот процесс, то образы воспринятого теряются из памяти. Так, например, электрический разряд умеренной силы может вызвать электрошок с мгновенной потерей сознания. С возвращением сознания свежие следы памяти совершенно исчезают, забывается все, что происходило за 15—30 минут до электрошока.

Сталкиваясь с процессом забывания, следует учитывать, что он не носит абсолютного характера. Забывание является процессом, обратным воспроизведению, но не сохранению. Имеются данные, говорящие о том, что в памяти фиксируется вся последовательность событий, но лишь часть этих «записей» поддается в обычных условиях воспроизведению[2]. Имеющиеся данные свидетельствуют о неограниченных возможностях человеческой памяти. Так, например, житель Венгрии 35-летний шофер, мальчиком угнанный фашистами с Украины, с помощью врача-гипнолога вспомнил свое настоящее имя и фамилию, нашел родное село и мать[3]. Следовательно, применяя определенные тактические приемы, активизирующие мыслительную деятельность и волевые усилия свидетелей, в ряде случаев можно помочь им вспомнить то, что они казалось бы накрепко забыли.

Забывание — не единственный недостаток процесса запоминания, есть еще и другой, заключающийся в ложных воспоминаниях, когда какая-то часть воспринятой и запечатленной в памяти информации сглаживается и ее место занимает ложное объяснение событий. Это объясняется тем, что воспринятое не сохраняется в памяти неизменным подобно фотографическому отпечатку. На образы восприятия наслаиваются более поздние или, наборот, более ранние впечатления, информация, кото-

---

[1] См.: Бжалова И. Т. Установка и поведение. М., «Знание», 1968, стр. 17.

[2] См.: Соколов Е. Н. Механизмы памяти, Изд-во МГУ, 1969; Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Медгиз, 1971.

[3] См.: Леви В. Охота за мыслью. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 127.

рую свидетель получил от других людей, весь опыт его личности. Пропуски в памяти заполняются предположениями, которые по истечении времени свидетель может принять как истинно воспринятые. Обращая внимание на это обстоятельство, А. Ф. Кони писал: «Человеческая память по прошествии некоторого времени от события, в большинстве случаев, утрачивает конкретную точность и стремится восполнить образующиеся в ней пробелы представлениями, которые, будучи совершенно добросовестными, в то же время далеки от истины. В этих случаях человеческая мысль незаметно от себя самой переходит от шаткого: «так могло бы быть» к определенному: «так должно было быть» и к положительному: «так было»[1].

§ 3. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА ИНФОРМАЦИИ

Воспринятая и сохранившаяся в памяти свидетеля информация, чтобы попасть в сферу уголовного судопроизводства, должна быть воспроизведена им. Человеческий мозг содержит 14 миллиардов клеток, ежедневно он перерабатывает триллионы единиц информации. В памяти человека сохраняется множество знаний, впечатлений, сведений. Однако в каждый данный момент воспроизводятся только определенные знания и впечатления.

Мысль человека работает в определенном направлении, когда имеются побудительные причины для этого. Сила побуждения влияет и на конечный результат процесса мышления. Для того чтобы начался процесс воспоминания и воспроизведения сведений об определенных предметах и событиях, мозг должен получить соответствующую команду, какой-то толчок. Такой командой для свидетеля являются вопросы, задаваемые ему на следствии и суде. Чтобы свидетель уяснил задачу для рассказа, следователь должен учитывать уровень его развития. Формулируя вопрос, следователь должен предвидеть, как он будет понят свидетелем. От того, как будет сформулирован вопрос, зависит и объем явлений, предметов, их признаков, о которых свидетель даст сведения в своих показаниях.

---

[1] Кони А. Ф. На жизненном пути, т. II. 1912, стр. 61—62.

При правильной постановке вопроса воспроизведение сведений о явлениях и предметах, которые глубоко запечатлелись в памяти, обычно происходит без особого труда. Для воспроизведения же других сведений приходится прилагать определенные усилия — припоминать. Припоминание предполагает мобилизацию воли и памяти свидетеля на решение поставленных перед ним задач.

Однако необходимо отметить, что усилия, которые прилагает свидетель для припоминания, иногда могут вызвать так называемое «парадоксальное» торможение — чем сильнее он делает усилия для припоминания, тем «пустее» оказывается голова. Вместо требуемых сведений в голову «лезут» навязчивые непроизвольные воспоминания, уводящие от искомого объекта. Поэтому, если свидетель затрудняется в припоминании каких-то обстоятельств, необходимо переключить его мысль на другой исходный пункт для припоминания, отвлечь его от навязчивых мыслей. Каждый новый вопрос должен преследовать цель вызвать новый самостоятельный акт припоминания. Иногда бывает полезным отложить допрос или перейти к выяснению других обстоятельств, предложив свидетелю припомнить потом то, что он забыл. Настойчивое же стремление получить ответ от свидетеля в данном случае может привести лишь к даче неправильных показаний.

Постановка конкретных детальных вопросов не всегда в состоянии побудить память свидетеля к припоминанию отдельных событий. В этом случае может быть использовано узнавание — отождествление воспринимаемого в настоящее время с воспринятым раньше. Узнавание может выражаться в различной степени — от неясного переживания знакомства («кажется») до полной убежденности в тождестве («уверен»). Иногда свидетель не может припомнить отдельных предметов или их признаков, но стоит их ему предъявить, как он уверенно их опознает.

Значение узнавания не ограничивается тем, что свидетель узнает воспринимавшиеся им ранее предметы. Узнавание определенного объекта может послужить для свидетеля тем звеном, благодаря которому он вспоминает всю цепь интересующих следователя или суд событий. Толчком к воспоминанию в этом случае является восприятие вновь той же обстановки (или отдельных ее деталей), в которой происходило событие. Обстановка

является тем раздражителем, который стимулирует память к воспоминанию образа воспринятого когда-то объекта. Практически это осуществляется путем предъявления свидетелю вещественных доказательств, фотоснимков, а также путем допроса на месте происшествия.

Большая эффективность узнавания объясняется тем, что при этом происходит концентрация сознания вокруг какого-то объекта, что дает возможность быстрее отыскать в памяти соответствующий эталон и актуализировать его для сопоставления с только что возникшим изображением. Необходимо отметить важное для криминалистики положение о том, что подобный процесс иногда не попадает в сферу сознания, поэтому свидетель не всегда может ответить на вопрос, почему именно он опознал данный объект.

Для оказания помощи свидетелю в припоминании интересующих следствие и суд обстоятельств полезным может оказаться обращение к ассоциациям. Под ассоциациями понимают такие соединения между представлениями, в силу которых одни из них, появившись в сознании, вызывают другие, связанные с первыми. Наиболее важное значение имеют смысловые ассоциации. Различают также ассоциации по смежности, по сходству, по противоположности.

Ассоциации по смежности образуются между образами нескольких предметов благодаря совпадению в прошлом их временного или пространственного восприятия (снег—зима, вечер—темно). Ассоциации по сходству имеют место в случае, когда представление о каком-либо предмете вызывает представление о другом предмете, имеющем с первым какие-либо общие признаки (вода — озеро, река, море). Ассоциациями по противоположности являются представления и мысли о предметах и явлениях, имеющих противоположные признаки (белый — черный, большой — маленький).

Полнота и точность воспроизведения зависят от глубины запоминания, личности свидетеля, условий допроса.

При допросе свидетеля необходимо учитывать также психологический фактор равнозначимости. Он выражается в отсутствии при воспроизведении воспринятого жесткости, свойственной для копии. Давая показания, свидетель излагает существо воспринятого им исходя из субъективной значимости обстоятельств. Поскольку

многие понятия и слова выступают для него в определенном смысле как сходные, равнозначные, то они и используются при даче показаний равновероятно, безразлично. Опасность кроется в том, что понятия и слова, которые свидетель использует как равнозначные, могут не оказаться таковыми.

Логической формой мышления, в которой человек отражает объективную связь отдельных сторон, свойств, моментов в предметах и явлениях, принадлежность предмета классу предметов, будет суждение. «Суждение — это такая форма мышления, в которой посредством утверждения или отрицания отражаются связи предметов и их признаков или отношения между предметами»[1].

Наиболее простым является суждение, в котором регистрируется единичный факт. Обычно же показания свидетеля касаются не одного какого-то изолированного факта, а цепи событий. В этих случаях суждения неизбежно будут включать в себя оценку событий, их классификацию, мнение свидетеля по поводу этих событий. При этом, в результате добросовестного заблуждения, внушения и других причин свидетель может строить свои суждения без достаточного основания. Давая показания по конкретному делу, свидетель нередко исходит не из непосредственно воспринятого, а из обычного положения вещей. Так, при расследовании дела об убийстве подозрение пало на сожителя убитой Садового. Однако рабочие, проживающие с ним в общежитии и допрошенные в качестве свидетелей, утверждали, что ночью, когда было совершено убийство, Садовой не выходил из общежития. Только при повторных допросах выяснилось, что свидетели так говорили потому, что последнее время Садовой всегда ночевал в общежитии. Они предполагали, что и в ту ночь он был у себя.

Ошибочные показания свидетелей могут быть результатом подмены объекта, являющегося предметом показаний. Характерны в этом отношении показания свидетельницы Мошковой, которая являлась очевидцем драки на перроне железнодорожной станции. Подрались приезжие колхозники Филиппов и Арбидон с местными жителями Матюковым, Нееловым и Максимовым. Сви-

---

[1] Кириллов Б. И., Зыков П. Г., Старченко А. А., Чураков Ю. Д. Логика. М., 1964, стр. 52.

детельница на допросе показала, что она торговала пивом в пристанционном ларьке и из окна ларька видела, как Арбидон размахивал ножом и ударил по голове Филиппова. Тот упал и больше не шевелился. Арбидон, ссылаясь на свое опьянение, утверждал, что плохо помнит события того вечера. Другие участники драки заявили, что не видели, когда и кем был нанесен Филиппову удар ножом.

Только при повторном тщательном допросе Мошковой выяснилось, что мужчина, которого ударил Арбидон, стоял к ней спиной и лица его она не видела. После того, как противник Арбидона упал, она, сильно испугавшись, захлопнула ставень ларька. Когда минут через пять она вышла из ларька, на перроне никого, кроме лежащего человека, не было видно.

Как показало дальнейшее расследование, этих пяти минут хватило, чтобы Арбидон и его противник (им оказался Матюков) покинули место происшествия, а вслед затем от удара Максимова упал смертельно раненый Филиппов.

В процессе дачи показаний свидетель обдумывает значение сведений, которые он собирается сообщить допрашивающему, решает, какие обстоятельства выделить, в какой логической последовательности их изложить. Он облекает свои показания в определенную стилистическую форму, являющуюся сугубо индивидуальной. Для некоторых людей характерно «думание вслух». Они как бы «проговаривают» вслух свои рассуждения, постепенно все четче их формулируют, переходя от сомнительных и ошибочных к точным и определенным. В этом свидетелю во время допроса не надо мешать.

§ 4. ПРИЕМ, ПЕРЕРАБОТКА И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Формирование свидетельских показаний не заканчивается рассказом свидетеля об обстоятельствах, устанавливаемых по уголовному делу. Для того чтобы получить силу доказательств, они должны быть правильно восприняты допрашивающим и процессуально закреплены.

Слушая рассказ свидетеля, наблюдая за его поведением, следователь получает массу самой разнообразной информации, из которой он должен выделить все необходимое для решения стоящих перед ним задач по

расследованию уголовного дела. Это достигается за счет концентрации внимания. Нарушение и ослабление внимания неизбежно ведет к ошибкам: следователь может не отметить противоречия в показаниях свидетеля, просмотреть элементы лжи или неполноты показаний; неправильно понять смысл сказанного свидетелем и т. п.

Сосредоточенность внимания заключается не только в отвлечении от всего постороннего, но и в направленности его на раскрытие духовного мира свидетеля. В качестве свидетелей могут выступать люди разных профессий, общественного положения и интеллектуального уровня. В той или иной национальной, профессиональной и т. д. группе могут встретиться различные традиции, своеобразия языка, манеры изъясняться. Все эти особенности, все индивидуальные качества свидетеля должны отмечаться и учитываться следователем, чтобы избежать неверного понимания его показаний.

Недопонимание или ошибочное понимание может иметь место как со стороны свидетеля, так и со стороны следователя. Свидетель может ошибиться в понимании поставленного перед ним вопроса и дать неправильный ответ, следователь может неправильно уяснить смысл ответа свидетеля и неправильно зафиксировать его показания в протоколе.

Сведения, которые свидетель сообщает следствию и суду, находят свое выражение в его речи. Словесная формулировка показаний свидетеля зависит от многих факторов — от личности свидетеля, его состояния во время допроса, обстановки, в которой протекает допрос, и т. д.

Разговорная речь человека несет значительно больше информации, чем ее содержится в отдельных словах и фразах. Смысл высказывания может зависеть от относительного расположения слов, построения предложений. Слова в речи могут заменяться междометиями или другими коммуникативными наполнителями (интонация, мимика, жестикуляция, смысловые ударения).

Сложность приема информации от свидетеля может быть вызвана тем, что он в своей речи употребляет термины и выражения, имеющие двусмысленное значение. Известно, что одно и то же слово может обозначать разные предметы и явления. Употребляя одни и те же слова, свидетель и следователь могут подразумевать под ними совершенно разное содержание.

4—1677

Ошибочность понимания может быть результатом неосведомленности следователя в специальных вопросах той или иной отрасли производства, учета и т. п., когда эти вопросы являются предметом показаний свидетеля.

В свободном рассказе, с которого начинается допрос, свидетель пользуется так называемой монологической речью. Это развернутый активный вид речи, когда свидетель заранее планирует свой «монолог». Такая речь требует известного речевого воспитания, практики. Понятно, что, не обладая такой подготовкой, свидетель не сможет построить свой рассказ достаточно произвольно и развернуто. Малолетнему ребенку или малокультурному и малограмотному человеку бывает трудно последовательно и полно осветить события, интересующие следователя, когда перед ним поставлена задача рассказать о них в общей форме, без детализации.

Для второй стадии допроса — вопросно-ответной характерна так называемая диалогическая речь, отличающаяся свернутостью: благодаря знанию ситуации (действительному или мнимому) в ней многое только подразумевается.

В процессе практической, профессиональной деятельности язык индивида приобретает свои индивидуальные черты, речевые штампы и шаблоны, характерные для социальной группы, в которой он живет, а также конкретные личностные особенности.

Ввиду указанных особенностей ошибочное понимание — довольно частое явление в практике разговорной речи. Свидетели при допросе в суде нередко ссылаются на то, что или они неправильно поняли следователя, или следователь их неправильно понял (конечно, при этом возможны и случаи прямой лжи). В связи с этим необходимо добиваться полного взаимопонимания допрашивающего со свидетелем, точности, ясности и однозначности как в формулировке задаваемых вопросов, так и в получаемых от свидетеля ответах, детализации допроса, ведении его в выражениях, доступных пониманию свидетеля и допускающих только однозначное толкование.

Допрос можно считать исчерпывающим только тогда, когда из показаний свидетеля устранены все недомолвки и двусмысленности, когда обстоятельства,

являющиеся предметом допроса, описаны (не только названы, упомянуты, а именно описаны) свидетелем в точных, однозначных и развернутых выражениях.

Правильному пониманию сказанного свидетелем может препятствовать предвзятость, предубежденность следователя. Человек нередко слышит не то, что действительно сказано, а то, что он ожидал услышать. Следователь, работая с материалами дела, имеет определенное представление о расследуемых событиях. Чрезмерное увлечение выдвинутыми им версиями может привести к ложному истолкованию рассказа свидетеля. При этом, как отмечает Ю. В. Идашкин, «резкие расхождения сразу же обращают на себя внимание и обычно проверяются и уточняются. Расхождения незначительные в деталях, кажущиеся несущественными, нередко следователь непроизвольно опускает, они как бы ускользают от его внимания, не включаясь в сложившийся уже образ события. Существует также опасность прямого искажения показаний, если следователь неправильно усваивает смысл показаний свидетеля»[1].

Предвзятое отношение следователя к делу, нежелание объективно разобраться в собранных доказательствах может привести к использованию недозволенных приемов допроса и получению недостоверных показаний. Это особенно опасно в отношении свидетелей, легко поддающихся внушению, когда у них в памяти недостаточно отчетливо сохранился образ воспринятого. Так, при расследовании дела об изнасиловании и убийстве возникло предположение, что преступление мог совершить Николай Старостенко. Допрошенный в качестве свидетеля сторож Мищенко показал, что он слышал, как кто-то проехал на мотоцикле в сторону фермы, где впоследствии был обнаружен труп, и вскоре вернулся обратно. То, что это был мотоцикл, он определил по шуму мотора. Поскольку Старостенко был единственным из местных жителей, кто имел автомашину, то мотоцикл не укладывался в версию следователя, и он внушил свидетелю, что последний ошибся в определении вида транспорта. Под давлением следователя Мищенко изменил

---

[1] Идашкин Ю. В. Криминалистика и психология. «Вопросы криминалистики», 1961, № 1—2, стр. 39.

свои показания и заявил, что в направлении фермы проезжал «Москвич». Дальнейшее расследование установило, что в то время, о котором давал показания свидетель, в сторону фермы проезжал мотоцикл. Обвинение со Старостенко было снято.

Следователь приступает к фиксации показаний, как правило, после рассказа свидетеля. В связи с этим особое значение на этой стадии формирования показаний имеет память следователя. Для того чтобы с достаточной полнотой занести показания свидетеля в протокол, память следователя должна иметь большую емкость и точность. Большую помощь в точной фиксации показаний свидетеля в протоколе оказывают заметки следователя, которые он делает во время допроса, а также стенографирование допроса и звукозапись.

Для контроля за правильностью записи показаний свидетеля в протокол закон устанавливает, что по окончании допроса протокол прочитывается самим свидетелем или по его просьбе следователем (ст. 160 УПК РСФСР). Однако из-за недостаточной внимательности, застенчивости, излишней доверчивости к следователю свидетель может не отметить отдельные моменты несоответствия между сказанным им и записанным в протокол.

Имея в виду влияние всех этих факторов на формирование свидетельских показаний, следователь не только сам должен быть предельно внимателен при фиксации показаний, но и обеспечить свидетелю возможность тщательно ознакомиться с протоколом его показаний, внести необходимые изменения и дополнения. В нашей литературе неоднократно обращалось внимание на ошибочность мнения, что наличие в протоколе заверенных поправок, дополнений является свидетельством низкого качества допроса. Наоборот, такие поправки и дополнения свидетельствуют, что как следователь, так и свидетель со всей серьезностью и ответственностью отнеслись к составлению такого важного документа, каким является протокол допроса [1].

---

[1] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 101. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 51.

§ 5. ПОВТОРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ

Свидетель обычно допрашивается не менее двух раз: на предварительном следствии и в суде. Первичный допрос свидетеля имеет важное значение в формировании его показаний. Выше отмечалось, что факты, события, воспринятые свидетелем, с течением времени забываются и восстановить их в памяти становится все труднее и труднее. Первичный допрос в данной ситуации как бы «прерывает течение срока давности» и способствует закреплению в памяти воспринятых обстоятельств. При этом в памяти освежаются как обстоятельства, которые воспроизвел на допросе свидетель без влияния извне, так и обстоятельства, которые он вспомнил благодаря использованию следователем при допросе тактических приемов. Закреплению в памяти способствует и то обстоятельство, что свидетель прочитывает протокол своих показаний, прослушивает их в записи на магнитофонную ленту. Поэтому при повторном допросе по обстоятельствам, являвшимся предметом первого допроса, свидетель дает показания более свободно, последовательно и связно.

Вместе с тем необходимо учитывать, что показания свидетеля на первом допросе могут оказаться недостоверными в результате дефектов на какой-то стадии формирования показаний и неправильных методов допроса. Закрепившись при допросе в воображении свидетеля, неправильные представления ко времени дачи показаний на последующих допросах могут казаться свидетелю субъективно истинными.

Определенное психологическое воздействие на свидетеля может оказать факт записи его показаний. При повторном допросе он будет стремиться не столько к тому, чтобы восстановить в памяти воспринятое, как к тому, чтобы вспомнить показания, данные при первом допросе.

Каждый повторный допрос свидетеля должен быть в принципе таким же, как и первичный. Недопустимо, чтобы повторный допрос начинался предложением свидетелю подтвердить или повторить ранее данные показания. Исходя из этих же соображений, закон допускает оглашение прежних показаний только по окончании допроса свидетеля. Если свидетель ко времени повторного допроса забыл какие-то факты, то должны использо-

ваться тактические приемы, помогающие ему припомнить забытое[1].

При повторном допросе свидетеля его показания могут содержать дополнительную информацию, которой не было в первых показаниях. Это объясняется тем, что при первом допросе, несмотря на применяемые следователем тактические приемы, свидетель не всегда может припомнить воспринятые обстоятельства. Вместе с тем допрос стимулирует мыслительную деятельность свидетеля на припоминание. Эта деятельность не прекращается и по окончании допроса и может привести к тому, что ко времени повторного допроса свидетель вспомнит новые обстоятельства. Поскольку воспоминание иногда протекает медленно и постепенно, в сложных случаях рекомендуется провести несколько допросов, чтобы восстановить все существенные обстоятельства, выявить необнаруженные на первом допросе «сбережения» памяти. Повторные допросы могут также использоваться как средство контроля и проверки показаний свидетеля.

Появление новой информации в повторных показаниях может объясняться и тем, что показания свидетеля на предыдущем допросе не полностью восприняты и зафиксированы следователем в протоколе.

На формирование показаний свидетеля могут оказать влияние посторонние «наслоения». После допроса свидетель проявляет повышенный интерес к расследуемому событию. Получаемая им из различных источников дополнительная информация включается в его багаж знаний о событии и может трансформировать образы его памяти о воспринятом. Наконец, изменения и дополнения в повторных показаниях свидетеля могут быть результатом сознательного воздействия на него заинтересованных лиц.

---

[1] УПК Азербайджанской ССР (ст. 308), Грузинской ССР (ст. 288), Латвийской ССР (ст. 285) предусматривают в качестве основания для оглашения в суде показаний свидетеля, данных им на предварительном следствии, — запамятование обстоятельств, по которым он дает показания. М. С. Строгович по вершенно правильно замечает, что «такое оглашение в связи с этим совершенно равнозначно наводящему вопросу: если свидетель забыл какое-то обстоятельство, оглашение его прежних показаний об этом обстоятельстве наводит на ожидаемый ответ без гарантии того, что свидетель действительно вспомнил забытый факт» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, стр. 293).

Исходя из этого, необходимо критически относиться к повторным показаниям свидетеля, детально исследовать как те показания, которые повторяют ранее данные, так и те, которые несут новую информацию.

§ 6. УЧАСТИЕ НЕОСОЗНАННОГО ОТРАЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

Человеческий организм в плане информационного обмена — это система, не знающая покоя. Он принимает непрерывный поток информации, непрестанно перерабатывает и преобразует ее. Однако только часть информации контролируется сознанием. При исследовании закономерностей формирования свидетельских показаний необходимо учитывать, что психические процессы, прием информации могут протекать так, что остаются неосознанными свидетелем. И. П. Павлов отмечал: «Мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»[1]. Вопрос о неосознанном отражении, ввиду скрытности протекания этого процесса, еще не получил в науке должной разработки и остается во многом неясным и спорным. Неясно, в каких формах осуществляется неосознанное отражение, какова его природа, специфика, место и роль в процессах познания действительности, какова взаимосвязь осознанного и неосознанного отражения. Однако исследования советских и зарубежных ученых показывают, что неосознанное отражение ничего общего не имеет с идеалистическим пониманием этого явления как некоего таинственного, внечувственного и подсознательного познания мира. Неосознанное отражение является такой же функцией мозга, как и сознание. Более того, оба они тесно связаны между собой и обусловливают друг друга.

Одной из форм неосознанного отражения действительности является у с т а н о в к а. Известно, например, что некоторые виды профессиональной деятельности требуют таких навыков, в результате которых вырабатывается опережающее отражение и акты восприятия определенных явлений и реакции на них протекают за пределами сознания. Это объясняется тем, что реакция

---

[1] П а в л о в И. П. Полн. собр. соч., т. 3, кн. 1. М., 1951, стр. 105.

субъекта на внешний раздражитель не является непосредственной. Между воздействующим стимулом и реакцией существует величина, которая определяет судьбу реакции не в меньшей степени, чем воздействующий стимул. Она выражается в определенном динамическом состоянии субъекта, его психофизиологических сил. Эта величина, названная грузинской школой психологов установкой[1], не является фактом сознания и занимает переходное место от физического к психическому. Она представляет собой настрой и готовность организма к определенной активности в соответствии с конкретными условиями, потребностью и ситуацией удовлетворения потребности. Установка способствует облегчению действий человека.

Установка вырабатывается всем практическим опытом личности. В результате предшествующих восприятий и поведений организм подготавливается для наиболее эффективного восприятия событий, целесообразных реакций на них в будущем. Английскому физиологу Грею Уолтеру удалось установить, что в мозгу человека состоянию установки соответствует наличие «волны ожидания» (Е-волна), которая «точно отражает отношение испытуемого к внешнему воздействию»[2]. При этом у детей 3—4 лет «следы Е-волны можно наблюдать лишь изредка. У детей старшей группы вызвать эту волну удается лишь при условии, если внимание

---

[1] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961; Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., «Наука», 1966. Проблема установки ввиду ее недостаточной разработанности не получила пока единого толкования. Более того, для обозначения этого феномена применяется различная терминология. Так, П. К. Анохин для обозначения готовности субъекта к действию ввел термин «акцептер действия». Он включает четыре момента. Первый: предпусковая интеграция — скрытая система возбуждений. Предполагается, что в психике субъекта перед тем, как он принимает любое сообщение, есть некоторая модель. В ней до некоторой степени предвосхищены свойства будущего события. Это следы, которые остались от предшествующих раздражений. Второй — пусковой раздражитель. Третий — мотивационное возбуждение. Четвертый — при помощи обратной связи происходит сличение полученной информации со сформированной ранее моделью (Анохин П. К. Особенности эфферентного аппарата условного рефлекса и назначение для психологии. «Вопросы психологии», 1965, № 6).

[2] Грей Уолтер. Живой мозг. Перевод с английского. «Мир», 1966, стр. 196.

испытуемых мобилизовано с помощью сильного и знакомого им социального воздействия, например, с помощью родителей и других пользующихся доверием взрослых. С возрастом Е-волна становится все более и более выраженной, но она всегда зависит от социального окружения...»[1].

Учет неосознаваемых моментов психики человека имеет практическое значение для отправления правосудия, в частности, при проведении такого сложного процессуального действия, как допрос свидетеля. Неосознанное отражение наряду с осознанным участвует на всех этапах формирования свидетельских показаний.

Одним из важных выводов из теории установки следует считать то, что количественная и качественная стороны восприятия свидетелем обстоятельств определяются, наряду с другими факторами, его установкой, готовностью к восприятию. Восприятие всегда предполагает наличие воспринимаемого объекта и наличие субъекта, находящегося в определенном состоянии. Каждый частный случай восприятия предполагает совершенно конкретное состояние субъекта.

Решающую роль играет установка свидетеля и на стадии запоминания. Переработка воспринятого, организация его в определенном направлении и отражение в сознании протекают на основе установки. В памяти свидетеля наиболее полно и точно запечатлеваются те события и именно в том аспекте, к запоминанию которых в соответствующей интерпретации он подготовлен всем своим прошлым опытом.

Установка создает основу для ответных реакций свидетеля и на стадии воспроизведения показаний. Внутренняя готовность свидетеля оказать помощь правосудию способствует припоминанию интересующих следствие и суд обстоятельств и даче о них полных и правдивых показаний. В тех случаях, когда свидетель не расположен к даче показаний, пытается что-то скрыть или дает ложные показания, можно принять меры, чтобы изменить его установку в нужном направлении. Слова, как наиболее насыщенные раздражители, оказывая воздействие не только на сознание, но и на весь психический склад личности свидетеля, могут побудить его

---

[1] Грей Уолтер. Живой мозг. Перевод с английского. «Мир», 1966, стр. 196.

к даче полных и правдивых показаний. При этом необходимо учитывать, что у людей с сильной установкой изменения ее происходят очень медленно.

Наличием установки могут объясняться расхождения в показаниях свидетелей, которые наблюдали одно и то же событие в объективно одинаковых условиях.

Наиболее ярко неосознанное отражение проявляется, пожалуй, в так называемом с и м у л ь т а н н о м узнавании, когда объект узнается мгновенно без сознательного отождествления нового восприятия с предшествующим. При этом происходит комплексное синтетическое узнавание объекта, его многочисленные детали в сознании дают одно ощущение. Выявление отдельных признаков, осмысленный анализ объекта будет составлять вторую стадию. Понятно, что при таком узнавании от свидетеля трудно получить ответ, почему он узнал человека, место происшествия, вещественное доказательство и т. д. Однако для того, чтобы показание свидетеля имело доказательственное значение, предыдущий и последующий допросы, т. е. аналитический разбор объекта, должны преследовать цель его идентификации, чтобы избежать ошибок в узнавании, вызываемых похожестью объектов.

Работа психики на уровне, не контролируемом сознанием, протекает независимо от работы сознания, но оба эти уровня тесно связаны между собой. Усилия сознания необходимы и являются толчком для работы психики на уровне, не контролируемом сознанием, также как и для того, чтобы полученные на этом уровне результаты перевести в сознательную форму. Причем пущенная в ход машина неосознанного в дальнейшем может работать независимо от материала, которым оперирует в это время сознание. Вот почему бывает, что имя, название и т. д. приходит на ум свидетелю, когда допрос уже идет о других обстоятельствах.

Вопросы неосознанного отражения и влияние его на формирование показаний, учет его в построении тактики допроса свидетеля начинают только разрабатываться и требуют дальнейшего глубокого исследования. Несомненно одно: только приняв во внимание отпечаток, который накладывает неосознанное на поведение свидетеля, мы можем понять, почему и для чего он прибегает к тем или иным действиям, и тем самым более глубоко и полно разобраться в его показаниях.

§ 7. ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ

Свидетель выступает в советском уголовном процессе как личность, т. е. сознательный индивид, занимающий определенное положение в обществе и выполняющий определенную функцию. Он живет и развивается в обществе, в коллективе, в котором вступает в отношения с другими людьми. Человек как личность может сформироваться только в обществе, и чем шире, разнообразнее его связи в общественной жизни, тем полнее его духовный мир, нравственно-психологическое развитие. «...Действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...» [1].

Вместе с тем личность—не пассивный продукт общественного развития. Она занимает определенную жизненную позицию в обществе, проявляет себя своими отношениями с другими людьми. Отношения эти могут быть малоосознанными — чувствами симпатии и антипатии. На более высоком уровне развития личности вырабатываются глубоко осознанные отношения, которые определяются сложившимися внутренними убеждениями, нравственными понятиями, сознанием долга и обязанностей.

Складывающиеся в процессе жизненного опыта устойчивые свойства направленности и характера, объединенные в жизненной позиции, позволяют предвидеть поведение человека в тех или иных случаях жизни.

Исследования нравственно-психологического облика личности свидетеля представляют известный интерес, поскольку они дают возможность глубже понять факторы, влияющие на формирование свидетельских показаний, выработать наиболее эффективные тактические приемы психологического воздействия для получения полных, правдивых и достоверных показаний, а также правильно оценить их.

Сложный духовный мир человека формируется в процессе отражения природной и социальной действительности. В качестве первичных регуляторов поведения человека выступают психические процессы (ощущения и восприятия, память, мышление и воображение, эмоции и волевые процессы). Они обеспечивают позна-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 36.

ние действительности и активную деятельность личности.

В процессе практической и теоретической деятельности складываются устойчивые мыслительные свойства личности, или качества ума. Эти свойства могут быть результатом развития природных задатков человека или (как большинство) результатом онтогенетического развития личности. Обычно выделяют такие свойства личности, как направленность, темперамент, способности, характер. По существу под каждым из этих терминов подразумевается система свойств. Могут быть выделены и другие свойства личности. В частности, для рассматриваемой темы важно отметить такие ее свойства, как чувствительность, наблюдательность, внимательность.

Свойства характеризуют своеобразие подхода человека к решению встающих перед ним задач, а также путей и способов их решения. Они могут проявляться как в деятельности человека, так и в речи.

Третьим компонентом личности являются состояния. Проявление свойств личности, протекание психических процессов происходит на фоне определенных состояний психики, и эти состояния влияют на течение и результат процессов. Состояния находят выражение в повышенной или пониженной психической активности человека. Они могут благоприятствовать или не благоприятствовать протеканию психических процессов и деятельности человека.

Состояния определяются условиями, в которых находится человек, и формируются под влиянием внешних или внутренних воздействий. Воздействия могут быть сильными и значимыми для личности или же слабыми, но длительно действующими раздражителями. Многие состояния возникают под влиянием социальных воздействий (общественная похвала или порицание, постановка определенной задачи и т. п.).

В состояниях проявляются свойства личности, которые в свою очередь влияют на особенность состояния. Одного, например, может удручать сделанное ему замечание или сознание собственной вины, а другой может остаться безразличным к этому.

Состояния всегда носят временный характер и в различных условиях могут обнаруживаться резко различные состояния одного и того же человека.

Важно отметить, что можно произвольно влиять на состояния и стимулировать активные состояния, способствующие той или иной деятельности. При необходимости состояния, способствующие даче полных и правдивых показаний, можно сформировать и у свидетеля, добиваясь его положительного отношения к установлению истины по делу, переоценки значимости известных ему сведений и изменения оценки ситуации. При этом наибольший положительный эффект вызывает стимуляция одобрения. Например, отрицательное эмоциональное состояние неблагоприятно сказывается на припоминании. Самые лучшие приемы припоминания не принесут никакой пользы, если свидетель удручен тяжелыми переживаниями, мрачными мыслями. Для создания психологического фона, способствующего даче показаний, необходимо отвлечь свидетеля от этих переживаний, снять эмоциональное напряжение.

Процесс, в ходе которого у свидетеля вырабатывается состояние, способствующее даче полных, правдивых и достоверных показаний, обычно именуют установлением психологического контакта со свидетелем. Он имеет целью превратить свидетеля в активного субъекта, в помощника следствия и суда при расследовании и раскрытии преступления. Для выполнения этой задачи, прежде всего, необходимо изучение личности свидетеля.

Личность свидетеля формируется в конкретных общественно-исторических условиях существования человека, его воспитания, обучения и трудовой деятельности.

Психика ребенка отличается от психики взрослого человека не только количеством познаваемых объектов окружающего нас мира, но, прежде всего, качеством восприятия. Внимание ребенка направлено не на все происходящее, а на то, что для него наиболее эмоционально окрашено. Для детей характерна обостренная наблюдательность, готовность принять участие в любой интересной для них деятельности, хорошая запечатлеваемость воспринятого. Эти качества обеспечивают им большие познавательные возможности. Малолетние свидетели иногда могут дать подробные показания о фактах, которые остались незамеченными взрослыми людьми. С другой стороны, у ребенка еще не выработана способность критически относиться к воспринимаемым фактам. Он еще не способен фиксировать существенные

явления и связи, которые взрослый человек запечатлел бы в первую очередь.

Ребенок в спокойной обстановке искренне и откровенно рассказывает все, что он наблюдал. Ложь как сознательный и намеренный обман обычно не свойственна детям. Искажение истины малолетними свидетелями является, как правило, результатом неправильной оценки ими воспринятого, а в ряде случаев плодом их фантазии. У малолетних детей образы реального мира зачастую переплетаются с представлениями, созданными их воображением. То, на что ребенок не обратил внимания во время восприятия или забыл, он дополняет вымыслами и догадками, которые могут быть как плодом собственной фантазии, так и результатом внушения со стороны взрослых.

На поведение детей сильное влияние оказывает авторитет взрослых, особенно близких им людей. Для дошкольников это — родители, старшие сестры и братья, для младших школьников — учитель. Поэтому при допросе малолетних свидетелей необходимо прибегать к помощи этих лиц.

В подростковом возрасте происходит превращение ребенка во взрослого. Этот процесс связан с перестройкой внутреннего мира, со становлением самосознания индивида и сопровождается повышенной активностью, непоследовательностью и крайностями в поведении. Суждения и поступки подростка определяются, в первую очередь, его эмоциональным отношением к событиям и людям. Стремление к взрослости при отсутствии достаточного жизненного опыта ведет к болезненным переживаниям, когда с ним обращаются как с ребенком.

При допросе свидетеля-подростка необходимо проявлять предельную чуткость. Вольное или невольное принижение его личности неизбежно разрушает психологический контакт, ведет к отрицательным реакциям с его стороны. Наоборот, разговор «на равных», обращение к положительным сторонам его личности, разъяснение важности его показаний для осуществления правосудия создает доверительное отношение к допрашивающему, способствует откровенности подростка.

Формирование направленности личности и характера человека завершается в юношеском возрасте, от 16 до 22—23 лет. В этот период складывается нравствен-

но-психологический идеал, который начинает регулировать поведение человека. Юность отличает самостоятельный критический подход к разрешению жизненных вопросов, решительность и смелость. «Трудности и опасности, — отмечал М. И. Калинин, хорошо знавший психологию юношества, — не пугают, а привлекают молодежь, вызывают ее на героические подвиги»[1]. Однако следует отметить, что смелость и решительность при неправильной оценке ситуации может обернуться бравадой.

Юноша очень чутко реагирует на несправедливость, быстро обнаруживает неискренность, фальшь. Для установления психологического контакта со свидетелями этого возраста очень важно, чтобы они осмыслили, полностью уяснили свой долг оказать помощь правосудию — дать полные и правдивые показания.

Зрелый возраст располагает оптимальными условиями для всякого рода деятельности. К этому времени вырабатывается большой объем внимания и хорошая ее переключаемость, чем обеспечиваются оптимальные возможности для восприятия и запечатления. Характерным свойством личности в этом возрасте является уравновешенность. Поведение регулируется теперь разумом, а не чувствами. Исходя из своего жизненного опыта, человек контролирует и регулирует свои действия.

Некоторое ослабление сил и возможностей наступает в пожилом возрасте: падает острота зрения, снижается память, особенно на новые впечатления. В старческом возрасте повышается нервно-психическая и физическая утомляемость, затрудняется восприятие, ослабевает память.

Пройдя большой жизненный путь, внеся посильный вклад в развитие общества, люди в пожилом и старческом возрасте весьма дорожат своей репутацией, у них высоковыработанное чувство долга. При уважительном и почтительном отношении к таким свидетелям, к их заслугам они легко вступают в контакт и очень ответственно относятся к своим показаниям.

Личность формируется в обществе, в общении человека с другими людьми. Формирование личности обусловливается классовой принадлежностью, профессио-

---

[1] Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., «Молодая гвардия», 1956, стр. 299.

нальными, семейными и другими факторами. В силу различных природных особенностей индивида все эти факторы по-разному воздействуют на формирование личности и наряду с общими каждая личность приобретает особенные черты — индивидуализируется. И чтобы составить полное представление о личности свидетеля, необходимо изучить его деятельность и поведение во всех сферах общественной и личной жизни.

Глава III

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ОСНОВНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

§ 1. ПОДГОТОВКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Допрос свидетеля представляет процессуальное действие, состоящее в получении от допрашиваемого показаний относительно обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу[1]. Эффективность допроса свидетеля как средства получения доказательств зависит от многих факторов, в том числе от строгого соблюдения процессуального порядка производства допроса, выбора и применения тактических приемов, сопутствующих его проведению.

Подготовительный период, планирование предстоящей работы является важным и непременным условием успеха в любой области деятельности органов государства. Это полностью относится и к допросу. Успех до-

[1] Схожее определение находим у Порубного Н. И. (Допрос. Минск, 1968, стр. 14), Строговича М. С. (Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, стр. 101) и др. По мнению Дулова А. В. и Нестеренко П. Д. приведенное определение отражает лишь внешнюю форму допроса, сущность же его раскрывается прежде всего в специфическом психическом отношении двух сторон (Тактика следственных действий. Минск, 1971, стр. 57—58). Психологическая характеристика допроса чрезвычайно важна, но при всей ее важности она лежит за пределами процессуальной природы этого следственного действия. Допрос — действие процессуальное, проводится с процессуальной целью, что и должно получить отражение в определении. Цель допроса — в получении доказательств, и это не внешняя форма, а само существо допроса. «Допрос свидетеля, — отмечает Верховный Суд СССР, — как и любое следственное действие, производится по процессуальным правилам, цель которых обеспечить получение достоверных и полных показаний» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 41).

проса свидетеля в значительной мере обусловлен тем, насколько хорошо следователь подготовился к допросу, разработал тактику его проведения.

Тактические приемы подготовки к допросу свидетеля направлены на определение круга лиц, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по делу; предмета предстоящего допроса; времени, места и последовательности допроса свидетелей; способа их вызова; на изучение личности свидетеля; отбор доказательств и других материалов для предъявления свидетелю при допросе; уяснение вопросов, требующих специальных познаний, и овладение специальной терминологией.

Подготовка к допросу состоит также в разработке плана допроса, включающего в себя перечень обстоятельств, для выяснения которых вызывается свидетель, и тактические приемы допроса, способные обеспечить получение полных и достоверных показаний. Без ясной, заранее намеченной цели допрос будет малоэффективным и неизбежно повлечет за собой повторные вызовы свидетелей. Это может осложнить и затянуть расследование уголовного дела, создать дополнительные и неоправданные затруднения для граждан, вызываемых в качестве свидетелей.

Подготовка к допросу начинается с тщательного изучения материалов дела. Изучение дела преследует ряд целей, одной из которых является выявление субъектов свидетельских показаний и степени осведомленности их об обстоятельствах, подлежащих установлению. Выполнение указанной задачи весьма существенно: правильное и полное выявление лиц, могущих дать свидетельские показания, с одной стороны, обеспечивает установление всех обстоятельств по делу, с другой, — исключает необходимость вызова лиц, показания которых не относятся к делу.

Выявление лиц, подлежащих допросу в качестве свидетелей, разумеется, далеко не исчерпывается изучением материалов дела. Такое выявление происходит путем опроса лиц, оказавшихся на месте происшествия, путем допроса других свидетелей, потерпевших, обвиняемых или подозреваемых, в процессе производства иных следственных действий — осмотра вещественных доказательств, обнаруженных при осмотре места происшествия или изъятых при обыске, осмотра и изучения документов

(актов-ревизий, накладных, переписки обвиняемых и т. п.). Особенно значительна роль в обнаружении возможных носителей информации, «хранилищ доказательств»[1], в том числе лиц, являвшихся свидетелями совершенного преступления, принадлежит оперативно-розыскной деятельности, проводимой органами дознания как до, так и после возбуждения уголовного дела[2].

При расследовании ряда преступлений, особенно по делам, по которым преступник на первом этапе расследования неизвестен, большой эффект в выявлении свидетелей дает обращение к общественности. Следственная практика выработала разнообразные формы использования помощи общественности при выявлении свидетелей, которые применяются с учетом конкретных обстоятельств дела. Сюда относятся: обращение к населению следственно-прокурорских работников через радио и периодическую печать, их беседы с отдельными гражданами или группами граждан об обстоятельствах, связанных с расследованием дела, выступления следователя (прокурора) на собраниях общественных организаций и коллективов трудящихся, работа с дружинниками, возложение на общественных помощников следователя и прокурора функции по отысканию свидетелей и т. д. Эти, как и некоторые другие формы привлечения общественности к собиранию доказательств, не только способствуют выявлению свидетелей, но, что не менее важно, побуждают последних давать правдивые и развернутые показания[3].

В зависимости от условий формирования свидетельских показаний, отношения свидетеля к расследуемому делу показания свидетелей об одних и тех же обстоятельствах могут не совпадать. Интересы установления истины поэтому обязывают следователя обеспечить вы-

---

[1] Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 181—182.

[2] О значении оперативно-розыскной работы в выявлении возможных источников доказательств и ее природе см.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, стр. 38—43 и др.

[3] Интересные примеры на эту тему приведены в книге «Расследование уголовных дел» под общей ред. Михайленко П. П. (Киев, 1966, стр. 303—307) и работе Гальперина И. М., Полозкова Ф. А. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 24 и др.

зов на допрос всех тех свидетелей, которые располагают сведениями о существенных обстоятельствах расследуемого дела.

У истоков расследования не всегда известно, кто, в каком объеме и какой информацией располагает по делу. Перед следователем подчас предстает лицо, чьи показания имеют отдаленное отношение к делу. Это, однако, не дает права следователю без достаточных оснований, наугад вызывать на допрос в качестве свидетелей граждан в надежде на то, что они что-либо знают по делу[1].

По мере развития следствия, накопления доказательственной информации создаются условия для суждения о степени доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания или лежащих за его пределами, но также подлежащих установлению[2], о полноте собранного доказательственного материала, о характере противоречий в привлеченных к делу доказательствах, а стало быть, создаются условия для решения вопроса о целесообразности или нецелесообразности вызова на допрос еще не допрошенных свидетелей.

Следует заметить, что орган расследования не может отказаться от вызова на допрос в качестве свидетелей лиц, давших объяснения до возбуждения уголовного дела, если эти объяснения касаются существенных обстоятельств дела. Объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела в порядке проверочных действий, не заменяют собой свидетельских показаний, они лишены доказательственной силы и потому не могут быть использованы для обоснования выводов следователя.

После того, как установлен круг свидетелей, определяется последовательность их вызова на допрос.

На полноту и достоверность оказывают влияние обстановка восприятия, объект восприятия, психическое состояние свидетеля, его возраст, профессия, интеллектуальный уровень и другие психологические факторы, о которых говорилось выше.

---

[1] См.: «Следственная работа органов внутренних дел». Киев, 1971, стр. 117.

[2] Как правильно отмечал А. Д. Соловьев, в предмет доказывания входят искомые факты. Вспомогательные факты и факты сопутствующего характера являются составной частью объема исследования, но не предмета доказывания (см.: Соловьев А. Д. Всесторонность, полнота и объективность предварительного следствия. Киев, 1969, стр. 23—30).

Принято первыми допрашивать тех свидетелей, от которых можно ожидать получения наиболее обстоятельных и достоверных показаний. Это дает возможность сразу получить наиболее полную информацию о событии преступления, мысленно расчленить его эпизоды, а затем путем допроса других свидетелей или иных следственных действий детально и всесторонне исследовать отдельные эпизоды.

При решении вопроса о последовательности вызова свидетелей следует учитывать их возможную заинтересованность в деле, влияние на них других лиц. В этих случаях необходимо принимать срочные меры к вызову свидетелей, пока они еще не знают о материалах, имеющихся в распоряжении следствия, или пока еще обвиняемый и другие заинтересованные лица не смогли оказать на них определенного влияния. В других же случаях может оказаться полезным отложить допрос до того момента, когда такое влияние будет устранено, и чтобы более тщательно подготовиться к допросу.

Вызов свидетелей, особенно по делам, по которым предстоит допросить большое число граждан, требует тщательного планирования с тем, чтобы не отрывать свидетелей зря от их занятий, не заставлять ждать, не переносить допрос вызванного свидетеля на другой день.

Помимо перечисленных в законе способов вызова — повестка, телеграмма, телефонограмма — следователь может лично пригласить свидетеля на допрос. Такой вызов может диктоваться тактическими соображениями, в частности, необходимостью в данный момент расследования скрыть от подозреваемого или обвиняемого факт вызова свидетеля на допрос. Личное приглашение свидетельствует об уважении к человеку и располагает к даче полных и обстоятельных показаний [1].

---

[1] Неточно, что все средства вызова на допрос должны указывать на последствия неявки без уважительных причин (см.: «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 256). Даже при вызове свидетеля повесткой не во всех случаях нужно использовать предупреждение об ответственности свидетеля за неявку, ибо в конкретной ситуации это может отрицательно сказаться на установлении психологического контакта с допрашиваемым. С другой стороны, заслуживает порицания кое-где встречающаяся практика, когда должностные лица вызываются на допрос исключительно телефонограммой, а прочие лица — повесткой. Способ вызова на допрос определяется не должностным положением свидетеля, а указанными нами факторами.

Свидетель — не абстрактная фигура, а конкретный человек со свойственными ему чертами характера и темпераментом, состоянием здоровья, с определенным мировоззрением. Он может находиться в определенных отношениях с обвиняемым, потерпевшим или другими свидетелями, может быть заинтересован в исходе дела. Наконец, разные свидетели могу наблюдать одни и те же обстоятельства или одних и тех же людей в разных условиях. Все эти факторы оказывают существенное влияние на показания свидетелей.

Успех допроса во многом зависит от того, насколько следователь сумел проникнуть в ход мыслей свидетеля, его чувства и переживания, его индивидуальные особенности, которые могут отразиться на показаниях, насколько он предвосхитил позицию свидетеля на допросе. Недостаточное знание личности свидетеля, как правило, снижает продуктивность допроса: следователь применяет не те тактические приемы, какие дают наибольший эффект в данном конкретном случае, добивается от свидетеля получения информации, которой он не располагает, и, наборот, упускает возможность выяснить фактическую осведомленность свидетеля. Поэтому в процессе подготовки к допросу следователь или суд должны составить себе представление о личности свидетеля, выяснить особенности его психического склада и собрать другие данные, которые необходимы для того, чтобы при допросе быстро установить психологический контакт и умело использовать собранные данные для получения полных, правдивых и достоверных показаний.

При изучении личности свидетеля может быть рекомендовано выяснение таких вопросов: общественная характеристика свидетеля, характер его трудовой деятельности и отношение к ней, уровень развития, семейное положение, образ жизни, поведение в быту и т. д. Выясняются отношения свидетеля к совершенному преступлению и виновным лицам, психологические особенности личности свидетеля.

Данные о личности свидетеля могут быть получены как из материалов дела, так и из непроцессуальных источников: знакомство с личным делом, характеристиками, оперативные данные и др. Что касается допустимости использования непроцессуальных источников для сбора сведений о личности свидетеля, то Р. Д. Рахунов считает, что «нельзя признать правильной рекоменда-

цию ... знакомиться с личностью свидетеля различными мерами непроцессуального характера»[1]. Собирать сведения о личности свидетеля он считает возможным только «путем допросов лиц, осведомленных в этом отношении, получения официальных справок по месту работы свидетеля или по месту его проживания»[2].

Сведения о личности свидетеля необходимы следователю для того, чтобы объективно оценить его показания, — эти сведения могут быть получены только из установленных законом процессуальных источников. Но сведения о личности свидетеля следователь собирает также с целью установить психологический контакт с ним, наметить правильную тактику допроса. Поэтому для второго случая совершенно справедливо будет замечание А. Р. Ратинова, что «изучение личности в криминалистическом плане выходит за процессуальные рамки, как по объему собираемых сведений, так и по средствам, с помощью которых эти сведения устанавливаются»[3].

Изучение личности свидетеля перед допросом является обязательным правилом по всем делам. Однако объем сведений, собираемых о свидетеле, может быть различным. Исчерпывающая информация о нем необходима по сложным делам, когда от свидетеля ожидаются важные показания, или у следователя имеются данные о заинтересованности в исходе дела и т. п. Так, изучая дело об убийстве двухлетней давности, следователь пришел к выводу, что очевидцем убийства мог быть десятиклассник Лебедев, который ранее допрашивался, но ничего существенного не дал в своих показаниях. Готовясь к допросу этого свидетеля, следователь побеседовал с преподавателями школы, где учился Лебедев, его знакомыми, соседями. На допросе, умело используя сведения о свидетеле, следователь в течение нескольких часов вел с ним беседу и сумел расположить к откровенности. После этого, логически подведя свидетеля ко дню, когда произошло убийство, следователь предложил: «А дальше рассказывай сам». И Лебедев рассказал о том, как стал невольным свидетелем убийства и как

---

[1] Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 73.

[2] Там же.

[3] Ратинов А. Р. Психологические основы расследования преступления. Докторская диссертация, т. II, стр. 494.

долго переживал, боясь рассказывать кому-либо об этом[1].

Итогом работы по изучению личности свидетеля является выработка тактических приемов по установлению контакта с ним на предстоящем допросе.

Изучение личности свидетеля продолжается и во время допроса. Выслушивая его ответы, следователь получает сведения не только о событии преступления и других обстоятельствах дела, но и о личности свидетеля, составляет свое мнение о его душевном состоянии. При этом следователь черпает информацию не только из слов свидетеля, но и из всего его поведения. Способность проникнуть в состояние допрашиваемого посредством наблюдения за ним на допросе вырабатывается у следователя постепенно, в ходе работы с людьми. «Можно и нужно, — писал А. С. Макаренко, — развивать зрение ... Нужно уметь читать на человеческом лице ... Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных волнений»[2]. Это обращение А. С. Макаренко к учителям целиком и полностью можно отнести к работе следователя и судьи.

Большой запас практических наблюдений в сочетании с научно-теоретическими знаниями развивает способность к интуитивному познанию людей. Поведение свидетеля не может иметь доказательственного значения, но опытный следователь или судья по небольшому числу фактов поведения свидетеля определят характер переживаемого им состояния, что дает возможность установить правильный контакт с ним, наметить и корректировать тактику ведения допроса.

При расследовании ряда преступлений исследуются специфические обстоятельства, для уяснения которых требуются знания условий производства соответствующей отрасли народного хозяйства, понимание специальных названий и понятий. Изучение специальных вопросов важно и необходимо при расследовании таких преступлений, как нарушение правил техники безопасности, выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции, нарушение трудовой дисциплины на

---

[1] См.: Васильев В. Л. О значении судебной психологии в работе следственных органов. «Правоведение», 1965, № 2.

[2] Макаренко А. С. Соч., т. V. М., Изд-во АПН РСФСР, 1958, стр. 268.

транспорте и т. п. При допросе свидетелей по таким делам для следователя крайне важно уяснение исследуемых обстоятельств (технологии производства, правил эксплуатации, учета и отчетности и т. п.), овладение специальной терминологией[1]. Знание этих вопросов имеет большое значение для правильного понимания показаний свидетеля. Не изучив сути технологического процесса, который будет предметом показаний свидетеля, не овладев соответствующей терминологией, следователь рискует при допросе не найти «общего языка» со свидетелем, не понять и даже извратить смысл данных им показаний при протоколировании. Недобросовестному свидетелю в этих случаях не составит труда ввести следователя в заблуждение.

Методами овладения специальными знаниями могут быть как самостоятельное изучение соответствующих служебных инструкций, положений, специальной литературы, так и консультации специалистов. Может оказаться полезным лично посетить соответствующее предприятие и на месте ознакомиться с технологией производства. В сложных случаях допрос может быть произведен с участием специалиста, с тем чтобы в ходе допроса воспользоваться его помощью.

По поводу участия специалиста при допросе свидетеля в юридической литературе высказаны две точки зрения. В монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», ч. II, стр. 99. (М., «Юридическая литература», 1967) содержится рекомендация о вызове специалиста для участия в допросе. А. Н. Васильев и Л. М. Карнеева («Тактика допроса при расследовании преступлений». М., «Юридическая литература», 1970, стр. 64) не разделяют это мнение и считают, что «закон предусматривает лишь возможность участия эксперта при допросе обвиняемого по вопросам экспертизы (ст. 82 УПК)».

Поскольку ст. 158 УПК РСФСР, регламентирующая порядок допроса свидетеля, указывает только на одно ограничение в отношении лиц, которые могут присутст-

[1] Специальные знания следователь и суд используют исключительно в пределах, необходимых для успешного проведения допроса и других процессуальных действий, проверки и оценки доказательств. Ни следователь, ни прокурор, ни суд не могут взять на себя функции эксперта, хотя бы они и обладали специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле.

вовать при допросе свидетеля, а именно: «свидетели, вызванные по одному и тому же делу, допрашиваются порознь и в отсутствии других свидетелей», то нет оснований запрещать следователю в необходимых случаях воспользоваться при допросе услугами специалиста.

При подготовке к допросу изучаются материалы дела и выявляются все имеющиеся сведения по обстоятельствам, о которых предполагается допросить свидетеля. В процессе допроса следователь может встретиться с тем, что свидетель запамятовал отдельные факты или симулирует запамятование. На этот случай заранее должны быть подготовлены вещественные и другие доказательства, которые могут понадобиться в процессе допроса, чтобы помочь свидетелю в припоминании, или для изобличения свидетеля в уклонении от дачи показаний или в даче заведомо ложных показаний.

Существенное значение имеет составление плана предстоящего допроса, как завершающей стадии подготовки к допросу свидетеля. План допроса свидетеля — это не что иное, как мыслительная программа действий, которые предстоит совершить для получения свидетельских показаний. «С психологической точки зрения планирование человеком предстоящей деятельности заключается в том, что он умственно намечает пути, способ, средства и сроки выполнения определенных действий, разрешающих частные задачи, приводящие в конечном счете к достижению поставленной цели. Таким образом, в процессе планирования предварительно создается деятельность в представлениях, которая позднее осуществляется в реальных действиях»[1]. При составлении плана окончательно выкристаллизовываются пути и средства достижения цели предстоящего допроса и его детали.

План допроса свидетеля как часть всего плана расследования должен отражать процесс построения версий, пути, средства и результаты их проверки. План не призван предусмотреть все перепитии и детали предстоящего допроса, но он служит руководящим и организующим началом, способствующим успешному проведению этого процессуального действия. Планирование допроса основывается на всестороннем учете имеющихся в деле

---

[1] Архангельский С. Н. Очерки по психологии труда. М., 1958, стр. 126.

данных, которые пополняются и переосмысливаются в ходе допроса.

Принципы планирования и организации следственной работы, техника составления плана довольно подробно разработаны советскими криминалистами [1]. Форма плана во многом зависит от опыта и знаний следователя и сложности предстоящего допроса. При вызове свидетеля для выяснения частного конкретного вопроса может не понадобиться составления письменного плана, почему следователь ограничивается мысленной формулировкой вопроса. При проведении сложного допроса может возникнуть необходимость не только в составлении письменного плана, но и графической схемы допроса.

План допроса должен отличаться гибкостью и подвижностью, максимально возможной для данного конкретного допроса вариантностью, предусматривать возможность его корректировки во время допроса. Собственно работа над планом заканчивается только с окончанием допроса. В учебниках криминастики и работах, посвященных планированию и организации следственной работы, даются примерные формы для составления письменного плана допроса. Эти формы представляют собой таблицы, в которых однородные элементы распределены по графам. В таблицах указывается:

а) обстоятельства, по которым ожидается получить показания от свидетеля;

б) материалы, имеющиеся по этим обстоятельствам;

в) формулируются вопросы, которые предстоит задать свидетелю;

г) отмечается, какие вещественные доказательства, фотографии, документы должны быть предъявлены в случае необходимости свидетелю;

д) фиксируются другие тактические приемы, которые следователь намерен использовать при допросе;

е) в специальной графе отмечается содержание полученных ответов.

---

[1] См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957; Карнеева Л. М. и Ключанский В. И. Организация работы следователя. М., 1961; Карнеева Л. М. и Галкина И. С. Расследование преступлений группой следователей. М., 1965; Порубов Н. И. Научная организация труда следователя. Минск, «Высшая школа», 1970; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование и организация. М., 1970.

Полнота показаний свидетеля во многом определяется поставленной перед ним задачей. Даже добросовестный свидетель, при всем его желании дать исчерпывающие показания, не имея четко поставленной задачи, может опустить какие-то обстоятельства, считая их несущественными для дела. Поэтому важно еще в стадии подготовки к допросу найти четкую и понятную для свидетеля формулировку задачи, очерчивающей предмет свободного рассказа. Закон по этому поводу ограничивается общим указанием, что допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос (ст. 158 УПК РСФСР).

Формулировка вопроса на предстоящем допросе зависит от того, на каком этапе расследования вызывается свидетель на допрос. В начале расследования имеющиеся в распоряжении следователя доказательства, как правило, допускают возможность выдвижения нескольких версий и для их проверки требуется выяснение большого круга обстоятельств. На этой фазе трудно еще определить, какие конкретные обстоятельства известны свидетелю, и задача допроса заключается в получении от свидетеля всей информации, могущей иметь отношение к делу. Поэтому и вопросы на этой стадии готовятся в более общей форме с детализацией их по отдельным версиям.

На следующих этапах, когда в деле имеется достаточно материала и картина преступления более или менее ясна, свидетели вызываются для выяснения определенных обстоятельств, вследствие чего вопросы ставятся в более конкретной форме.

Как и во всякой работе, план во время допроса может изменяться, корректироваться с учетом даваемых свидетелем показаний, но тщательная подготовка к допросу именно в том и заключается, чтобы допрос был проведен целеустремленно и в результате в деле появились новые доказательства по обстоятельствам, для выяснения которых вызывался свидетель.

Готовясь к допросу свидетеля, следователь должен также определить его время и место. Свидетель может быть допрошен на любой части предварительного следствия. Общие тактические рекомендации при этом сводятся к тому, чтобы допрос свидетеля имел место как можно ближе к моменту совершения события, о котором

ему предстоит дать показания, когда образы события еще свежи в памяти. Срочные меры для вызова и допроса должны приниматься в отношении свидетелей, которые могут дать сведения, необходимые для пресечения и предупреждения преступления. Нельзя откладывать допрос и в том случае, когда есть основания опасаться сговора свидетелей или воздействия на них обвиняемого и других лиц.

Оперативность в проведении следственных действий, в том числе допроса свидетелей, способствует быстрому и полному раскрытию преступлений. Так, при расследовании дела о хищении меховых изделий из скорняжной мастерской следователь для производства обыска прибыл на квартиру подозреваемой Т. У Т. оказался ее племянник из Риги. Он был тут же допрошен в качестве свидетеля и дал показание, что Т. приезжала в Ригу и привозила меховые вещи. На основании этих показаний в Ригу было дано поручение по телефону о производстве обыска на квартире у сестры Т., в результате которого было обнаружено три скроя меховых пальто, а также установлено 8 случаев продажи ею дамских шуб и выяснено, что все эти вещи получены от Т.[1].

В других случаях полезно отложить допрос свидетеля до «созревания» показаний. Это особенно касается случаев резкого эмоционального воздействия события преступления на свидетеля. Дан Николае приводит пример из практики прокуратуры г. Бухареста, когда две учительницы были очевидцами столкновения автомашины с трамваем, при котором погиб их коллега и еще два человека. Свидетели сразу же были доставлены в прокуратуру, но, потрясенные случившимся, они в течение трех часов вообще не были способны давать показания. Следователь все же не отпустил их, пока они не дали показаний. Как выяснилось, в этих показаниях были упущены некоторые существенные обстоятельства. Только на следующий день, успокоившись, свидетели в состоянии были дать полные и правильные показания[2].

---

[1] Быховский И. Е. Об использовании фактора внезапности при расследовании преступлений. «Вопросы криминалистики», 1963, № 8—9.

[2] Данные психологии показывают, что отсрочка допроса часто приводит к утрате из памяти воспринятых событий, к образованию пробелов, восполняемых за счет собственного примысливания или постороннего влияния. С другой стороны, отсроченное воспроизве-

При планировании времени вызова свидетелей необходимо исходить из требований ст. 158 УПК РСФСР, которая обязывает следователя принять меры, чтобы свидетели по одному и тому же делу не могли общаться между собой. Поэтому они должны вызываться на разное время и с таким расчетом, чтобы, уходя, свидетель не общался с другим лицом, прибывшим на допрос.

Определяя продолжительность допроса свидетеля, необходимо при длительных допросах предусмотреть паузы для отдыха. При допросе свидетеля по сложному многоэпизодному делу может оказаться целесообразным разработать план допроса на несколько дней по отдельным эпизодам.

Свидетель, как правило, допрашивается в месте производства следствия. В случае необходимости следователь вправе произвести допрос и по месту нахождения свидетеля. Допрос по месту нахождения свидетеля практикуется там, где свидетель не может прибыть на допрос по болезни или какой-либо иной уважительной причине, когда значительное число подлежащих вызову на допрос лиц проживает или работает в одном месте, когда важно обеспечить внезапность допроса, чтобы исключить возможное влияние других лиц на содержание показаний свидетеля или сохранить в тайне сам факт допроса, когда ввиду личных особенностей свидетель не способен дать полные и достоверные показания в кабинете следователя и т. п.

Допрос свидетеля, находящегося на излечении, должен допускаться только в исключительных случаях, когда позволяет состояние здоровья больного или когда интересы расследования дела не позволяют отложить допрос. Допрос больного свидетеля обставляется рядом условий. Прежде всего следователь должен убедиться,

---

дение иногда более полно, систематизированно, осмысленно. Это свойство воспроизведения носит наименование реминисценции. См.: Красильщикова Д. И. Реминисценция в воспроизведении. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, т. XXXIV. Л., 1940, стр. 271 и др. При этом, правильно подмечает М. П. Шаламов, процесс утраты из памяти чаще всего обращен к мелким деталям. В памяти человека более прочно удерживаются сведения о фактах, которые по отношению к предмету доказывания выступают в качестве прямых доказательств, чем сведения о фактах, являющиеся косвенными доказательствами. См.: Шаламов М. П. Теория улик. М., 1960, стр. 118—120.

что состояние больного позволяет произвести допрос без ущерба для его здоровья. При тяжелом состоянии здоровья свидетеля, во избежание вредных последствий для больного допрос его должен обязательно проводиться в присутствии врача. Врач в этом случае необходим как для того, чтобы следить за состоянием здоровья свидетеля, так и для того, чтобы определить, может ли больной давать правильные показания. Эти правила должны также применяться, если больной находится на излечении дома.

§ 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Установленные законом процессуальные правила допроса свидетеля служат целям получения полных и достоверных показаний. Они являются организующим началом работы следователя и суда, воспитывают уважение к закону, подчеркивают важность исполняемой свидетелем функции по участию в отправлении правосудия.

Свидетели, вызванные по одному и тому же делу, допрашиваются порознь и в отсутствие других свидетелей. Следователь принимает меры к тому, чтобы свидетели по одному и тому же делу не могли общаться между собой (ст. 158 УПК РСФСР). В судебном заседании свидетели до начала их допроса удаляются из зала судебного заседания. Председательствующий принимает меры к тому, чтобы допрошенные судом свидетели не общались с недопрошенными свидетелями. В суде свидетели также допрашиваются порознь и в отсутствие еще не допрошенных свидетелей (ст. 270, 282 УПК РСФСР). Эти процессуальные правила направлены на то, чтобы устранить влияние на показания свидетеля со стороны других лиц.

Прежде, чем приступить к допросу, следователь и суд обязаны удостовериться в личности свидетеля (ст. 158, 282 УПК РСФСР), а также выяснить другие необходимые сведения о его личности. Помимо фамилии, имени, отчества к необходимым сведениям относятся год рождения, место жительства, место работы и другие сведения, характеризующие личность свидетеля. В начале допроса устанавливается также отношение свидетеля к обвиняемому и потерпевшему.

Чтобы обеспечить результативность допроса и получение обстоятельных и достоверных показаний, свидете-

лю разъясняются его права и обязанности, а также делается предупреждение об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу ложных показаний (ст. 17, 106, 139, 158, 160, 218, 282—284 УПК РСФСР). Закон не устанавливает, в какой форме разъясняются свидетелю его права, обязанности и ответственность. В одних случаях может оказаться достаточным ознакомить его с нормой закона, в других — может потребоваться подробное объяснение значения его показаний для правильного разрешения дела и осуществления социалистического правосудия, а также ответственности за недобросовестное исполнение свидетельских показаний [1].

Предварительная часть допроса это не только исполнение формальных требований закона, но и важный тактический этап получения свидетельских показаний. Уже на этой стадии следователь должен найти правильный подход к свидетелю, установить с ним психологический контакт.

Допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос. Свидетель начинает свои показания в форме свободного рассказа о том, что и из каких источников ему известно об этих обстоятельствах. Ст. ст. 158, 283 УПК РСФСР устанавливают, что свободный рассказ является необходимым элементом свидетельских показаний. Выслушивая свободный рассказ свидетеля, следователь и суд не только получают сведения по делу, но и составляют впечатление о личности свидетеля.

Одной из гарантий получения полных и объективных показаний в процессе свободного рассказа является правильная постановка вопросов свидетелю. Предложение свидетелю рассказать все ему известное по делу должно быть продумано и сформулировано еще в процессе

---

[1] Права Н. Я. Калашникова, когда говорит, что, хотя закон предписывает органам расследования разъяснить свидетелю лишь его обязанности, в интересах гарантии прав личности свидетелю, как и любому из участвующих в деле лиц, должны быть разъяснены и его права. Это согласуется с задачами уголовного судопроизводства, поскольку права, предоставляемые свидетелю, направлены на точное и полное изложение им своих показаний (см.: Калашникова Н. Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. М., изд-во МГУ, 1966, стр. 9).

подготовки к допросу и окончательно корректируется при знакомстве со свидетелем на предварительной стадии допроса. Определяя цель свободного рассказа свидетеля, следователь должен в разумных пределах информировать его о деле, по которому он вызван на допрос. Иногда имеет смысл подсказать свидетелю методику рассказа: изложить события в их хронологической последовательности и логическом развитии с максимальными подробностями; при рассказе делать ссылки на источник осведомленности; сообщить о дополнительных источниках доказательств, подтверждающих его показания.

Свободный рассказ является органической частью допроса и от него нельзя отказаться, каким бы кратким или пространным он ни был. Даже тогда, когда свидетель сам желает сразу перейти к ответам на вопросы, ему должна быть разъяснена обязанность дать показания в форме свободного изложения сведений.

В этой части допроса неуместна постановка свидетелю вопросов, сколь неуместно после свободного рассказа оглашение показаний уже допрошенных лиц с целью устранения противоречий в его показаниях. По мысли Верховного Суда СССР, оглашение «свидетелю показаний других лиц может побудить его приноравливать свои ответы к тому, что уже добыто по делу, наводить его на определенный ответ» и по существу своему равнозначно постановке запрещенных законом наводящих вопросов [1].

При расследовании уголовного дела закон допускает оглашение только «показаний участников очной ставки, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, когда в их показаниях имеются существенные противоречия, притом лишь после дачи ими показаний на очной ставке и записи их в протокол (ч. 3 ст. 163 УПК РСФСР)» [2]. По той же причине закон обязывает следователя допрашивать свидетелей по одному делу порознь, в отсутствие других свидетелей и принимать меры к тому, чтобы они не могли общаться между собой (ч. 1 ст. 158 УПК РСФСР).

Вопросы свидетелю разрешено задавать не иначе, как после свободного рассказа, причем вопросы эти должны

---

[1] См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 41.

[2] Там же.

быть сформулированы и поставлены так, чтобы свидетель не мог извлечь из них **никакой информации** для своего ответа [1].

Постановка свидетелю вопросов может преследовать цель получения от него сведений об обстоятельствах, которые не были им освещены в свободном рассказе или были освещены недостаточно полно. Свидетель может, например, не придать значения каким-либо известным ему обстоятельствам, не усмотреть связи между ними и расследуемым преступлением и не упомянуть о них в своем рассказе.

Свидетель может допустить те или иные ошибки, неточности в связи с неблагоприятными условиями восприятия или другими причинами. В этих случаях достаточно правильно поставить вопрос, чтобы получить от свидетеля исчерпывающий ответ.

Путем постановки вопросов свидетелю выясняются и устраняются причины фактических и логических противоречий, имеющихся в показаниях или обнаруживающихся при сопоставлении их с другими доказательствами по делу.

Вопросы, задаваемые свидетелю, принято делить на четыре вида: дополняющие, уточняющие, напоминающие и контрольные [2].

Дополняющий вопрос задается с целью восполнения или получения новой информации. Если свидетель, например, не придал значения каким-либо обстоятельствам, не упомянул о них в свободном рассказе, упустил их, не сообщил почему-либо известные ему сведения об интересующих следователя фактах, такому свидетелю ставятся дополняющие вопросы.

Уточняющий вопрос направлен на уточнение полученной от свидетеля информации и связан с конкретизацией показаний, изложенных в общей форме.

Напоминающий вопрос призван помочь допрашиваемому восстановить в памяти забытые факты. Так, если свидетель не может вспомнить, в каком часу он встретил

---

[1] См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 41. Как правильно отмечают психологи, иногда в целях мобилизации памяти и оказания свидетелю помощи в припоминании забытого целесообразно бывает предложить ему повторить часть свободного рассказа.

[2] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, стр. 102—104.

обвиняемого, ему задается вопрос о том, чем он занимался в день встречи. Чаще всего напоминающие вопросы касаются смежных обстоятельств — тех, что предшествовали событию преступления, сопутствовали ему или следовали за ним.

Контрольный вопрос задается для проверки правильности сообщаемой свидетелем информации. Речь может идти о проверке самих сведений, сообщенных свидетелем, о том, из какого источника эти сведения получены, каковы были условия и обстановка, в которых воспринимались обстоятельства дела, кто может подтвердить данные свидетелем показания и т. п.

Вопросы, которые будут заданы свидетелю, необходимо группировать по отдельным эпизодам или обстоятельствам дела, соблюдая при этом определенную последовательность, выяснения моментов — от более общих к частным, касающимся отдельных деталей. Последовательность постановки вопросов должна строиться также с учетом того, чтобы ответы свидетеля раскрывали события в их развитии и последовательности.

Содержание и форма вопроса могут оказывать определенное психическое воздействие на свидетеля. Искусство постановки вопроса заключается в том, чтобы вопрос не наводил свидетеля на ответ, а стимулировал его память на припоминание того или иного обстоятельства. Вопрос должен задаваться так, чтобы исключить возможность фантазирования и вымысла в ответе свидетеля. Известный русский адвокат Ф. Н. Плевако говорил в одной из своих речей: «Свидетель, говорят, сбивался под перекрестным допросом. Еще бы не сбиться! Вместо вопросов о деле, вместо выпуклых фактов, остающихся долго в памяти, его закидали вопросами о мелочах, которые человек не помнит и не считает нужным помнить. Чуть не до подробностей, в каких рубашечках были дети Галича, что говорили при встрече с отцом, доходила пытливая защита Дмитриевой. Путем этих подробностей, путем утомления свидетелей, повторением одного и того же добились неточностей, аномалий в показании» [1].

---

[1] Судебные речи известных русских юристов. М., Госюриздат, 1958, стр. 730—731.

При постановке свидетелю вопросов важно учитывать и другие факторы. Тон формулировки вопроса, отношение вопроса к данным ранее показаниям свидетеля, место вопроса среди других вопросов, излишне настойчивое стремление следователя к выяснению какого-либо обстоятельства и т. д. — все это может оказать влияние на свидетеля и привести к даче неправильных показаний.

Отсюда — вопросы, адресованные допрашиваемому, должны отвечать ряду требований.

— Каждый вопрос должен относиться к делу и касаться какого-либо определенного обстоятельства.

— Вопросы должны быть сформулированы понятно, конкретно и грамотно; языковая форма выражения вопроса должна соответствовать уровню развития и знаний допрашиваемого.

— Вопросы должны ставиться в определенной логической последовательности. Нужно учитывать не только отмеченный выше момент, но и то, что содержание всякого нового вопроса, по общему правилу, должно быть связано с содержанием предыдущего и ответом на него.

— Вопросы не должны заключать в себе бездоказательных утверждений относительно допрашиваемого, как не должны наводить свидетеля на определенный ответ [1].

Выше говорилось о недопустимости постановки наводящих вопросов, то есть таких, которые наталкивают свидетеля на желаемый ответ, внушают его, содержат в себе прямо или косвенно готовый ответ. Ввиду того что наводящий вопрос склоняет свидетеля к даче желаемых показаний, доказательственная ценность последних ничтожна, поскольку неизвестно, соответствуют ли эти показания тому, что свидетель действительно знает, или в них содержатся ответы, подсказанные следователем. Наводящие вопросы представляют особую опасность в тех случаях, когда свидетель твердо не помнит о воспринятых обстоятельствах дела, точно не знает об их существовании, не уверен в том, что они имели место в действительности. Поэтому закон не допускает поста-

---

[1] В криминалистической литературе с достаточной полнотой изложены требования, предъявляемые к вопросам, задаваемым свидетелю, поэтому мы ограничиваемся приведением лишь некоторых из этих требований и делаем это в самом общем виде.

новки наводящих вопросов (ч. 5 ст. 158 УПК РСФСР)[1], а судебная практика остро реагирует на случаи нарушения данных предписаний закона.

Между тем некоторые авторы не исключают возможности отдельных отступлений от общего правила о недопустимости формулирования наводящих вопросов. По мнению Л. М. Карнеевой, С. С. Ордынского и С. Я. Розенблита, постановка наводящего вопроса правомерна после того, как свидетелю задан вопрос в правильной форме и получен ответ на него.

В подтверждение этой точки зрения приводится допрос свидетеля Данилова[2]. На вопрос следователя о том, не присутствовал ли при происшествии кто-либо еще кроме него, Данилова, последний ответил, что присутствовали Борисов и Родин. Поскольку, однако, свидетель Санько утверждал, что он также присутствовал при этом происшествии, для устранения противоречия свидетелю Данилову был задан наводящий вопрос — «Не присутствовал ли при происшествии также и Санько», — на который последовал положительный ответ.

Представляется, что в данном случае был выбран не лучший метод для устранения противоречий в показаниях свидетелей. Правильным было бы допросить свидетеля о деталях обстановки, в которой он наблюдал происшествие, попросить его припомнить, не был ли еще кто-либо при этом, предложить свидетелю нарисовать схему обстановки или же провести допрос на месте происшествия. Это гарантировало бы получение ответа свидетеля, свободного от налета внушения со стороны следователя.

Идея использования наводящих вопросов при допросе свидетеля имела своих сторонников и в дореволюционной России. Один из крупнейших теоретиков в области

---

[1] Кроме УПК РСФСР, задавать свидетелю наводящие вопросы воспрещают уголовно-процессуальные кодексы Азербайджанской, Белорусской, Грузинской, Казахской, Киргизской, Латвийской, Таджикской, Туркменской и Эстонской союзных республик. К сожалению, в большинстве кодексов подобный запрет обращен к органам предварительного расследования, в то время как этот запрет в одинаковой мере сохраняет силу и для судебных органов.

[2] См.: Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., Госюриздат, 1958, стр. 71.

доказательственного права проф. Л. Владимиров, в частности, отмечал, что «наводящие вопросы могут быть допущены при допросе свидетелей, вызванных противной стороной, и являются в этом случае средством испытания твердости памяти свидетеля: его уверенности относительно достоверности своего показания»[1].

В советском уголовном процессе, думается, постановка наводящих вопросов неприемлема ни при каких условиях и ни в какой форме. Их использование противоречит психологическим основам формирования свидетельских показаний, привносит дух внушения в процесс передачи свидетелями информации, не обеспечивает получения объективных показаний.

§ 3. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТАКТА СО СВИДЕТЕЛЕМ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ ПОКАЗАНИЙ И УСТРАНЕНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ СВИДЕТЕЛЯ

Допрос в качестве свидетеля — это, как правило, необычный эпизод в жизни человека, особенно, если он допрашивается впервые. Поэтому вполне понятно волнение, которое испытывает свидетель, особенно в начальной стадии, в непривычной для него роли и обстановке. Это волнение может помешать свидетелю вспомнить воспринятые им обстоятельства и дать о них исчерпывающие показания.

Эта, если так можно сказать, «предварительная часть допроса», не сводима к процедуре исполнения формальных требований закона, а представляет собой необходимое тактическое звено в общей цепи получения свидетельских показаний. Установление психологического контакта со свидетелем есть процесс, берущий свое начало с первого акта общения со свидетелем и завершающийся составлением протокола допроса. С самого начала общения со свидетелем следователь должен найти, выработать ту линию взаимодействия с допрашиваемым, которая способна обеспечить передачу и получение развернутой и правдивой информации. Чтобы «расположить свидетеля к себе, создать нормальные деловые отношения на допросе, следователь должен индивидуально подходить к каждому свидетелю, учитывая

[1] Владимиров Л. Учение об уголовных доказательствах. 1883, стр. 136.

их различия по своему психическому складу, жизненному опыту, интеллектуальному развитию и т. п. На установление психологического контакта влияет не только личность свидетеля, но и личность самого следователя и обстановка допроса»[1].

В том случае, когда свидетель волнуется, чувствует себя стесненно в необычной для него обстановке, когда он психологически не готов к допросу, прежде чем предложить ему давать показания может оказаться полезной предварительная беседа на отвлеченные темы с одновременным использованием в ходе подготовки к допросу данных о свидетеле.

Свой рассказ свидетель строит в наиболее удобной для него форме и последовательности, что позволяет ему сосредоточить свою память на обстоятельствах, являющихся предметом допроса, и сообщить сведения об этих обстоятельствах в полном объеме и точном соответствии с действительностью.

Нельзя упускать из виду и такую психологическую деталь, как умение следователя слушать. Рассказ свидетеля будет наиболее полным и продуктивным, если он не прерывается вопросами, замечаниями и другими отвлекающими репликами. Даже при многословности свидетеля его прерывать можно только в том случае, если он умышленно или непроизвольно уходит от обстоятельств, интересующих следствие, и рассказывает о посторонних, не имеющих отношения к делу фактах. В принципе же на предварительном следствии, особенно при первичном допросе свидетеля не следует убивать словоохотливость свидетеля.

Известно, что заинтересованность слушателя стимулирует рассказчика более подробно, «в картинках» описывать события, свидетелем которых он являлся. При равнодушном же отношении слушателя рассказчик «тушуется», комкает рассказ, стремится скорее довести его до конца. Все поведение следователя должно выражать внимательное отношение к рассказу свидетеля: в необходимых случаях вполне уместными могут оказаться поощрительные замечания типа «Не волнуйтесь», «Не спешите», «Продолжайте, пожалуйста» и т. п.

---

[1] Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971, стр. 70. В своей работе авторы подробно останавливаются на вопросе об элементах и понятии психологического контакта при допросе (стр. 67—72).

Вмешательство следователя в рассказ свидетеля должно осуществляться в тактичной форме и не оказывать давления в смысле получения от допрашиваемого желаемых, но недостоверных сведений.

В процессе свободного рассказа следователь анализирует показания свидетеля, составляет представление о его отношении к событиям и лицам, об информированности свидетеля, отмечает пропуски, неточности, противоречия в его показаниях, сравнивает показания свидетеля с другими доказательствами, имеющимися по делу. Слушая рассказ свидетеля, следователь делает пометки в рабочей тетради, которые необходимы для составления протокола, вносит поправки в план допроса. Он отмечает, какие обстоятельства свидетель осветил и на какие вопросы ответил, вносит поправки в заранее подготовленные вопросы, записывает новые вопросы, которые следует задать свидетелю после окончания свободного рассказа, помечает, какие следственные действия необходимо предпринять для проверки показаний или получения новых доказательств.

Тактика допроса должна строиться с учетом личности свидетеля и его отношения к делу. Если свидетель вызывается для выяснения обстоятельств, не затрагивающих его интересов и близких ему лиц, в большинстве случаев нет оснований ожидать от него ложных показаний. В отношении добросовестного свидетеля усилия следователя должны направляться на создание обстановки, благоприятствующей наиболее полному воспроизведению свидетелем всех известных ему обстоятельств, на оказание (при необходимости) помощи в припоминании забытых фактов, на уточнение и дополнение показаний.

Свидетели в советском уголовном процессе это в большинстве своем честные советские граждане, которые искренне стремятся рассказать все, что им известно по интересующим следствие и суд обстоятельствам. Несмотря на искреннее желание свидетелей помочь правосудию, их показания могут оказаться неполными и недостоверными. Это происходит в результате дефектов и ошибок, которые могут иметь место на любой стадии формирования свидетельских показаний:

— неполного восприятия или заблуждения при восприятии;

— забывания и «наслоений», образовавшихся при сохранении воспринятого в памяти;

— неполноты сообщенных данных и ошибок в речи свидетеля при передаче информации допрашивающему;

— ошибок следователя при восприятии показаний свидетеля и записи их в протокол.

Закон требует, чтобы свидетель указал источник своей осведомленности. Только в этом случае сообщаемые им фактические данные могут служить доказательством (ст. 74 УПК РСФСР). Это требование закона обязывает следователя и суд установить, сам ли свидетель воспринял обстоятельства, о которых дает показания, или рассказывает о них со слов другого лица, выяснить условия восприятия. Во II главе рассмотрены две группы условий, влияющих на формирование свидетельских показаний: объективные и субъективные. Для проверки и оценки показаний свидетеля необходимо выяснить продолжительность восприятия им какого-то факта, обстановку и условия как в момент восприятия, так и в предшествующий и последующий периоды за восприятием; расстояние, на котором свидетель наблюдал определенное событие и другие объективные факторы, которые могли способствовать или, наоборот, затруднить восприятие, внести искажения. Выясняются также субъективные факторы, которые могут оказать влияние на качество восприятия: состояние зрения, слуха или иных органов чувств; психическое состояние свидетеля при восприятии (сосредоточенность или рассеянность, бодрость или усталость, страх и т. д.); характер восприятия (преднамеренное или непроизвольное) и др. Знание условий восприятия поможет выяснить все моменты, связанные с формированием показаний на этой стадии.

В свидетельских показаниях зачастую приходится сталкиваться со сведениями о событиях, с момента протекания которых прошло определенное время и те или иные детали событий уже забыты свидетелем.

В подобных случаях нужно помнить, что психическая деятельность человека «чрезвычайно пластична», способна измениться к лучшему [1] и это ее свойство необходимо использовать в интересах расследования дела:

---

[1] См.: Павлов И. П. Полн. собр. соч., т. V, стр. 428.

Когда свидетель что-либо запамятовал, забыл, не в силах воспроизвести детали воспринятого, ему могут быть заданы вопросы, помогающие вспомнить обстоятельства и факты, тем или иным образом связанные или даже не связанные с происшедшим событием; последние он мог легче запомнить и по ассоциации восстановить в своей памяти то, что интересует следователя (активизация возникновения ассоциаций). В другом случае оживлению в памяти забытого по ассоциации способствует предъявление свидетелю предметов, документов, планов места происшествия, фотографий, схем, связанных с выясняемым обстоятельством, выход со свидетелем на место, где произошло событие (пробуждение ассоциаций). В третьем случае полезным может быть применение методов аналогии и сравнения.

Поясним коротко эту мысль. Если свидетелю ставятся вопросы о фактах, которые им воспринимались одновременно или близко по времени с интересующим событием (ассоциация по времени) или об объектах, которые находились на месте происшествия (ассоциация по месту нахождения), то, естественно, показания об этих фактах и объектах сами по себе могут не иметь никакого отношения к делу, но они ценны тем, что помогают свидетелю вспомнить то забытое им обстоятельство, которое интересует следователя. Ту же цель может выполнить заданный свидетелю вопрос о том, чем отличается ситуация, о которой дается показание, от обычного положения вещей.

Припоминанию может способствовать постановка вопроса о том, чем занимался свидетель в момент происшествия, какова была его реакция, что он говорил, какие чувства возбудило в нем событие.

Если свидетель не помнит, в какое время дня произошло событие, он должен быть допрошен о том, как провел день. Это поможет установить, после какого четко фиксированного момента произошло событие (уход или приход членов семьи или других лиц, время выполнения определенной работы, метеорологического явления и т. д.).

Для установления продолжительности события, скорости движения свидетель допрашивается о том, чем он занимался в период между точками отсчета.

Свидетель иногда может запамятовать точную дату того или иного события, особенно, если оно протекало

давно. В таких случаях необходимо подробно допросить свидетеля о других событиях этого дня и уточнить дату с помощью других доказательств. Так, при допросе по делу об убийстве свидетель — продавец сельпо показал, что когда он вез в машине товары для магазина из города, недалеко от того места, где впоследствии был обнаружен труп, видел обвиняемого, который почему-то прятался за сосной. Дату свидетель не мог вспомнить. Следователь подробно допросил его об обстоятельствах поездки и товарах, которые свидетель доставлял в магазин. Осмотрев накладные, следователь установил точную дату. Это оказался как раз тот день, когда произошло убийство.

Показания свидетелей, связанные с определением веса, количества и другими оценками, часто уточняются по сопутствующим признакам. Свидетелю может быть предложено описать предметы, о которых он дает показания. Например, при допросе о весе похищенных товаров свидетель может не назвать, сколько килограммов похищено, но может рассказать, сколько похищено мешков или ящиков, была ли стандартной тара, указать другие детали, которые позволят подсчитать вес похищенного. Так, при расследовании одного дела о хищении сахарного песка свидетель не мог сказать, сколько килограммов было похищено, но указал, что сахар вывозили в стандартных мешках и назвал количество рядов, составленных из стоящих в машине мешков.

Проверка достоверности сообщенных свидетелем сведений и воспринятых обстоятельствах возможна путем проведения следственного эксперимента. Так, исходя из того, что К. неоднократно меняла показания, Верховный Суд УССР предложил органам расследования провести следственный эксперимент с участием свидетельницы с целью выяснения, можно ли было видеть и слышать преступников на расстоянии, указанном ею. «Без этого, — отметил Верховный Суд, — показания К., в которых она уличала М. и Д. в совершении преступления, лишены необходимой достоверности»[1]. В другом случае, при расследовании уголовного дела о хищении продовольственных сумок и чемоданов были допрошены свидетели, видевшие автомашину, на которой перевозили похищенное. Свидетели не смогли сказать о количест-

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, т. 1, стр. 32.

ве похищенного. Тогда им предложили уложить на автомашину столько сумок и чемоданов, сколько они видели. Свидетели уложили 292 сумки и 170 чемоданов. Результаты следственного эксперимента в дальнейшем были подтверждены другими доказательствами.

Свидетель может испытывать затруднение сформулировать свою мысль о тех или иных признаках или действиях объекта. В этих случаях следователь может предложить ему выразить свою мысль с помощью жестов, рисунка или другим способом. Полезной может оказаться постановка вопроса, который натолкнул бы свидетеля на определение воспринятого объекта по аналогии с привычным ему кругом вещей.

При допросе по делам, где механизм происшествия сложен, целесообразно воспользоваться макетами. Например, при расследовании дорожно-транспортных происшествий целесообразно создать макет обстановки, в которой произошло столкновение машин, наезд на пешехода и т. п. С помощью таких макетов от свидетеля можно получить полные и точные показания.

Как уже отмечалось, наиболее эффективным методом воспоминания является узнавание. На использовании этого свойства памяти основаны допрос на месте происшествия и предъявление свидетелю фотоснимков или иных объектов. Этот прием хорош тем, что свидетель не только узнает представленный ему знакомый предмет, но и вспоминает обстоятельства, при которых происходило его восприятие. Обращая внимание на этот факт, В. А. Артемов пишет: «Чувство знакомости говорит о том, что узнавание предусматривает не только непосредственно воспринимаемое между данным объектом и представлением в памяти, но и соотношение этого объекта к месту, времени, бывшем в опыте лицу, узнающего данный объект» [1].

Демонстрацию свидетелю вещей, документов или лиц с целью побудить его припомнить интересующие следствие обстоятельства следует отличать от предусмотренного законом (ст. 164 УПК РСФСР) процессуального действия, именуемого опознанием. При предъявлении для опознания свидетель сравнивает представленное ему лицо или другой объект с сохранившимся в памяти

---

[1] Артемов В. А. Курс лекций по психологии. Изд. Харьковского университета, 1958, стр. 351.

образом и определяет, является ли он тем самым, который он воспринимал в определенном месте и в определенное время. Чтобы опознание имело доказательственное значение, оно обставляется рядом процессуальных условий (предварительный допрос о признаках и приметах, предъявление в группе сходных объектов). При демонстрации объектов во время допроса свидетеля ставится задача помочь ему восстановить в памяти образ этого объекта и припомнить, где, когда и при каких обстоятельствах воспринимался им этот объект. Поэтому нет необходимости соблюдать правила, установленные для опознания[1]. Конечно, как и все тактические приемы, демонстрация объектов не должна оказывать внушающего воздействия на свидетеля.

Предметом свидетельских показаний нередко являются сложные особенности местности и других элементов расследуемого события, при рассказе о которых свидетель упускает существенные для дела обстоятельства, дает ошибочные оценки, испытывает значительные затруднения в словесном выражении и воспроизведении воспринятого. Эффективным средством устранения подобных трудностей служит допрос свидетелей на месте происшествия. Подчас такой допрос является единственным способом получения информации о расстоянии, положении участников происшествия и других лиц, направлении движения и иных моментах оценочного характера. При допросе в кабинете следователя свидетель иногда лишь приблизительно может указать место нахождения предметов или расстояние между ними, в то время как на месте происшествия он указывает, где они находятся или находились, что дает возможность точно измерить расстояние. При расследовании дела о наезде автомобиля на гражданина И. был допрошен в качестве свидетеля шофер следовавшей сзади машины К. Он показал, что потерпевший вышел на линию движения у электростолба, когда автомобиль, совершивший наезд, находился от него на расстоянии 5—6 метров около одинокого куста у дороги. При допросе на месте происшествия свидетель указал электростолб и

[1] Предъявление предметов и документов невозможно, если они должны быть предъявлены свидетелю для опознания. Цель рассматриваемого приема — в объективном выяснении фактов и обстоятельств, которые могут быть установлены именно допросом, а не предъявлением для опознания.

куст. Однако расстояние между ними оказалось 18 метров. К. показал, что он точно помнит точки отсчета (электростолб и куст), и, следовательно, ошибся при оценке расстояния в метрах.

Допрос на месте происшествия основан на использовании такого свойства памяти как узнавание, которое является наиболее острой формой воспоминания, помогающей свидетелю более полно и точно обрисовать событие и обстоятельства совершенного преступления. С психологической точки зрения такой допрос приводит к оживлению в памяти образов воспринятых предметов и явлений, что облегчает задачу свидетеля в восстановлении в памяти определенного события. Так, по делу о нанесении огнестрельного ранения подростку П. потерпевший показал, что выстрел был произведен, когда он шел по тропинке мимо комбината, справа от сторожа. Судебно-медицинский эксперт дал заключение, что при таком положении потерпевшего по отношению к стрелявшему не могло быть ранения в правую половину грудной клетки. На месте происшествия П. сообщил, как он шел домой и указал место, где остановился. Тут он вспомнил, что после первого выстрела повернулся и был ранен вторым выстрелом. Таким образом, при выезде на место происшествия было устранено противоречие в доказательствах.

Допрос на месте происшествия имеет и еще одно, не менее важное, значение. Он помогает следователю создать в своем воображении картину расследуемых событий.

Допрос на месте происшествия может иметь место как самостоятельное следственное действие. Наряду с этим на месте происшествия свидетель может быть допрошен в ходе выполнения следственного действия, именуемого проверкой показаний на месте. В последнем случае должны быть соблюдены процессуальные правила, предусмотренные для этого следственного действия (предварительный допрос, участие понятых) [1].

Ранее уже указывалось, что психическая деятельность человека осуществляется на двух уровнях: на уровне сознания и на уровне, не контролируемом сознанием. Даже после того, как человек, не добившись ка-

---

[1] О различии между допросом свидетеля на месте происшествия и проверкой свидетельского показания на месте см.: «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 278—282.

кой-то задачи, переключил сознание на решение последующей, его психика подсознательно продолжает работать над разрешением предыдущей. Это позволяет сделать очень важный для тактики допроса вывод. Если свидетель затрудняется в припоминании каких-либо обстоятельств, необходимо отложить допрос или перейти к выяснению других вопросов, предложив ему сообщить об интересующих следствие обстоятельствах, как только он их вспомнит. С течением времени утрата в памяти иногда способна восстанавливаться (реминисценция). Припоминание в этом случае будет идти на уровне подсознания. Настойчивое же стремление к получению показаний может привести лишь к несоответствующим действительности показаниям.

§ 4. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖИ В ПОКАЗАНИЯХ СВИДЕТЕЛЯ

При изучении личности свидетеля[1] в процессе подготовки к допросу выясняется его отношение к делу, определяется возможное поведение и позиция на допросе. При наличии данных, указывающих на то, что свидетель на допросе будет стремиться скрыть правду, избирается такая тактика допроса, которая способна парализовать дачу ложных показаний, а на случай ее безуспешности разрабатываются меры по изобличению свидетеля во лжи.

С психологической точки зрения дача ложных показаний явление довольно сложное. Лжесвидетель по необходимости вынужден выполнять одновременно несколько мыслительных операций: воссоздать в своем воображении истинную картину, решить для себя, что следует скрыть от следователя, построить в своем воображении

[1] По ходу изложения нам приходилось упоминать о некоторых элементах психологической структуры личности. При отборе и изучении информации, характеризующей личность свидетеля, следователь должен исходить из общего учения о личности как существе общественном и помнить, что психологическую структуру личности определяют: а) биологически обусловленные особенности; б) социально обусловленные особенности; в) опыт (объем и качество имеющихся знаний, навыков, умений и привычек); г) особенности отдельных психологических процессов личности (см.: Платонов К. К. Личность и труд. М., 1965, стр. 37—38). Лишь полный учет всех этих элементов создает полное представление о вызываемом на допрос лице.

фиктивную картину и оценить, насколько достоверно она выглядит. Эти операции трудно уживаются друг с другом и держат свидетеля в постоянном напряжении. При словесном оформлении вымысла фиктивная картина, созданная в воображении свидетеля, даже для него самого может показаться недостаточно убедительной. Это также усиливает его неуверенность в возможности обмануть следователя. Шаткость позиции лжесвидетеля усугубляется тем больше, чем яснее он обнаруживает противоречия в своих показаниях или несоответствие их другим данным. К этому нельзя не добавить, что как бы ни был подготовлен свидетель к даче ложных показаний, моральное преимущество всегда на стороне следователя; лжесвидетель сознает, что он не прав и может быть уличен во лжи. Поэтому, учитывая состояние лжесвидетеля, тактические приемы допроса должны прежде всего преследовать цель психического и морального разоружения его. Лжесвидетелю необходимо дать понять, что все его ухищрения ясны и понятны следователю и разоблачение неминуемо.

Свидетелю, решившему умышленно вводить следствие в заблуждение, трудно отойти от намеченного замысла и изменить свои показания. Перед ним возникает проблемная ситуация, разрешение которой требует принятия принципиальных решений. Следователь обязан приложить все усилия к тому, чтобы помочь свидетелю принять правильное решение и прежде всего продумать тактические приемы, которые могли бы предупредить дачу ложных показаний. Примером того, как следователь предотвратил ложные показания, является допрос В. И. Азаровым свидетельницы Чистовой при расследовании уголовного дела о преступной деятельности некоторых должностных лиц городского управления рынками. После того как следователь направил Чистовой вызов для явки на допрос, к нему поступила информация, что заместитель начальника управления рынками, узнав о вызове Чистовой, пригласил ее к себе в кабинет и взял с нее обещание не говорить следователю об известных ей фактах злоупотреблений. Следователь тактически грамотно приготовился к допросу, поставив задачу не допустить ложных показаний. Он внимательно изучил все данные, относящиеся к личности свидетельницы, и допрос начал на отвлеченные темы из ее жизни, не касаясь существа дела. Чистова, видя, что следователь подробно осведом-

лен о ее жизни, стала проявлять беспокойство и, не выдержав, сказала, что ожидала допроса совсем по другому делу. На это следователь заявил, что сомневается получить от нее правдивые показания, поскольку вчера во время обеденного перерыва в кабинете у заместителя начальника управления рынками она дала обещание скрыть от следователя известные ей факты злоупотребления. Это окончательно смутило свидетельницу. Она стала уверять следователя, что она честный человек, и подробно рассказала о всех известных ей фактах злоупотреблений.

При выработке тактических приемов допроса необходимо учитывать личность свидетеля и предвидеть в ряде случаев возможность упорного сопротивления стремлению получить от него полные и правдивые показания. Интересы обвиняемого свидетель иногда ставит выше общественных и своих собственных интересов и настойчиво стремится ввести следствие в заблуждение. К сокрытию правды его толкает нередко то, что возможность наказания близкого лица он расценивает как реальную и непосредственную, а свою ответственность за лжесвидетельство как перспективную и проблематичную. Да и наказание, которое грозит обвиняемому, может оказаться несравнимо более тяжким, нежели ответственность свидетеля за дачу ложных показаний.

Если свидетель умалчивает о каких-либо фактах или дает ложные показания, не следует спешить с фиксацией его показаний в протоколе. После того как свидетель скрепит своей подписью протокол с ложными показаниями, возможность отказа от них значительно уменьшается. Поэтому прежде чем зафиксировать такие показания, надо принять меры для получения правдивых и полных показаний. Какие меры следует принять в этих целях, зависит от выяснения мотивов, которые руководили свидетелем при уклонении от дачи показаний или при даче ложных показаний. Как правило, такими мотивами являются заинтересованность свидетеля в исходе дела, боязнь мести со стороны преступника, его знакомых, данное им обещание, возможность отрицательной оценки его поведения со стороны лиц, с мнением которых он считается. Ложное показание может быть вызвано и посторонними причинами, в частности, стремлением скрыть собственные неблаговидные поступки, желанием похвастать, показать «свою осведомленность».

Подчас свидетели уклоняются от дачи показаний или дают ложные показания ввиду неправильно понятого гуманизма, жалости к обвиняемому и его семье и по другим подобным причинам. В таких случаях обращение к правосознанию свидетеля, другим положительным качествам может пробудить его давать правдивые показания. Необходимо побеседовать с таким свидетелем, разъяснить неправильность его поведения, возможность наступления вредных последствий.

Даже при резко отрицательном отношении свидетеля к рассматриваемому делу, в характере его личности надо найти положительные черты, опираясь на которые можно получить от него правдивые показания.

Давая ложные показания, свидетель рассчитывает прежде всего на неосведомленность следователя, на отсутствие в его распоряжении других данных, которые могут установить обстоятельства, являющиеся предметом допроса. Для изменения такого психического настроя необходимо показать, что следователь располагает данными, отражающими действительные события. С этой целью оправданным бывает предъявление свидетелю соответствующих доказательств, разоблачающих его ложь, обращение внимания свидетеля на противоречия в данных им показаниях, на несоответствие их объективному ходу событий, реальному положению вещей. При этом предъявляться могут как доказательства, о существовании которых свидетель не знает, так и доказательства, которые известны свидетелю и которые следователем отобраны и систематизированы таким образом, что их демонстрация со всей очевидностью показывает несостоятельность избранной свидетелем позиции.

При предъявлении доказательств, разоблачающих свидетельскую ложь, создается непредвиденная для свидетеля ситуация, в которой он должен быстро принять решение относительно своего дальнейшего поведения. Предъявление свидетелю доказательств должно поставить его в безвыходное для дальнейшего запирательства положение и побудить принять правильное решение — дать правдивые показания.

Главное требование, касающееся порядка предъявления доказательств, заключается в том, чтобы сами доказательства были убедительны и не могли быть опорочены свидетелем. Так, прежде чем предъявлять показания другого лица, необходимо допросить свидетеля об этом

лице и, только после того как будет зафиксирована в протоколе положительная характеристика, данная ему свидетелем, предъявлять данное доказательство.

Вскрыть противоречия в показаниях свидетеля можно также путем постановки детализирующих и контрольных вопросов. Для этого необходимо изучение большого количества отдельных деталей, признаков тех объектов, которые являются предметом допроса. Прием эффективен особенно в тех случаях, когда несколько лжесвидетелей дают согласованные показания по одним и тем же обстоятельствам. Эти лица, как правило, согласовывают свои показания по тем вопросам, которые, по их мнению, будут интересовать следствие, и не обращают внимание на посторонние, не имеющие отношения к делу обстоятельства.

Полезным может оказаться проведение повторного детального допроса. При повторном вызове следует допросить свидетеля о других деталях с тем, чтобы вскрыть противоречия и добиться правдивых показаний.

Для получения полноценных показаний от свидетеля, намеревающегося скрыть правду, может быть использован прием, именуемый *делением* темы свободного рассказа. Допрос начинается с выяснения обстоятельств более или менее безразличных для свидетеля, косвенно относящихся к главному событию, близко его касающемуся. После того как свидетель дал правдивые показания по второстепенным обстоятельствам, допрос постепенно переводится к главному событию. При этом каждый последующий вопрос должен логически вытекать из предыдущего. Правдивые ответы, данные свидетелем в начале допроса, связывают его при дальнейшем допросе и ему труднее прибегать к умолчанию и даче неправильных показаний.

Во избежание отказа свидетеля от правдивых показаний протокол следует вести и давать на подпись свидетелю по отдельным этапам.

Вполне правомерным является использование при допросе свидетеля так называемых «психологических хитростей»[1]. Суть их состоит в том, что, допрашивая

[1] Слово «хитрый» употребляется в двух значениях: а) изворотливый, неискренний, идущий непрямым, обманным путем к достижению чего-нибудь и б) изобретательный, искусный в чем-нибудь (*Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1953). Применительно к допросу это слово используется только во втором его значении.

свидетеля, следователь оставляет его в неведении относительно объема данных, собранных по делу, и непосредственной цели допроса. Следователь в этом случае не акцентирует внимание свидетеля на интересующих следствие существенных обстоятельствах дела и маскирует главный вопрос среди других вопросов о второстепенных деталях. Иногда вопросы ставятся о посторонних обстоятельствах с расчетом, что ответы будут касаться обстоятельств, имеющих важное значение для расследования преступления.

При разработке «психологических хитростей» необходимо помнить, что это очень тонкий и деликатный прием. Недостаточно осторожное отношение к разработке таких приемов может привести к провокации, обману, использованию низменных чувств и невежества свидетеля, что ни в коем случае недопустимо в советском уголовном процессе. Никакие ссылки на общественные и благородные цели, которые ставит перед собой следователь при расследовании преступлений, не могут служить оправданием для применения недозволенных приемов допроса.

Главным требованием, предъявляемым к тактическим приемам с использованием «психологических хитростей», как и к другим приемам и действиям при расследовании преступлений, является строгое соответствие их требованиям закона. Ни один тактический прием не должен ущемлять законных прав и интересов свидетеля, чести и достоинства его личности.

С точки зрения тактики допроса эти приемы должны обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и исключать всякую возможность нанести ущерб расследованию.

Добросовестное исполнение свидетелем своих обязанностей обеспечивается не только мерами убеждения, но и принуждения. Мерой принуждения является предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отобрание у него подписки об этом. При упорном нежелании свидетеля давать правдивые показания, особенно когда ложь его по отдельным обстоятельствам уже разоблачена, необходимо напомнить свидетелю о его ответственности, показать ему реальность наказания, которое его ожидает за дачу заведомо ложных показаний.

Следует также учитывать, что граждане, привлекаемые в качестве свидетелей, живут, трудятся в коллективе,

с мнением которого они считаются и дорожат этим мнением. Предупреждение свидетеля о том, что недостойное поведение, нежелание оказать помощь правосудию в борьбе с преступностью будет доведено до сведения общественности, может повлиять на его поведение и заставит изменить свою позицию.

§ 5. ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Допрос несовершеннолетнего свидетеля требует тщательной подготовки. Необходимо собрать подробные сведения о личности свидетеля, ясно представить его облик, среду, в которой он воспитывается, его поведение дома и в школе, отношение к учителям, родителям, сверстникам.

Подлежит выяснению роль несовершеннолетнего свидетеля в расследуемом событии, его отношение к обвиняемому и потерпевшему. Необходимо выяснение условий, в которых несовершеннолетний воспринял событие, какие моменты могли повлиять на качество восприятия, что из воспринимаемого могло быть доступно его пониманию.

Между событием, являющимся предметом допроса несовершеннолетнего свидетеля, и вызовом его на допрос может пройти определенный промежуток времени. Учитывая большую внушаемость детей, следует выяснить, каким влиянием и со стороны кого мог подвергаться несовершеннолетний свидетель в этом промежутке. Эти данные должны устанавливаться как при подготовке, так и при самом допросе несовершеннолетнего свидетеля.

В зависимости от полученных данных о личности свидетеля решается вопрос о времени, месте, обстановке допроса, о лицах, которых необходимо пригласить в соответствии со ст. 159 УПК РСФСР.

Общее тактическое правило о том, что допрос свидетелей следует производить как можно быстрее после событий, являющихся предметом их показаний, особенно важно учитывать при допросе несовершеннолетних свидетелей. Как отмечалось в гл. II, восприятие ребенка, если объект не имеет для него резкого эмоционального значения, поверхностно и образы воспринятого быстро стираются под впечатлением новых восприятий. Своевременность допроса малолетних диктуется и другим об-

стоятельством. Дети, обмениваясь мнениями со своими сверстниками, подвергаясь расспросам взрослых, довольно легко поддаются внушению и могут незаметно для себя подменить собственное восприятие высказываниями других лиц, беседовавших с ними. С другой стороны, дети остро реагируют на эмоциональное воздействие. При восприятии событий, вызвавших у ребенка сильные переживания, может наступить психологическая заторможенность, что мешает правильному воспроизведению. В этих случаях нужно отложить допрос, пока ребенок успокоится.

Планируя продолжительность допроса, необходимо учитывать, что ребенок быстро утомляется. Поэтому момент прибытия ребенка на допрос должен быть определен таким образом, чтобы он был бодрым, отдохнувшим и ни в коем случае нельзя заставлять ожидать допроса, поскольку ожидание утомляет его. Если допрос будет продолжаться длительное время, необходимо предусмотреть перерывы. Экспериментальные исследования показывают, что дети 5—7 лет могут быть внимательными около 15 минут, 7—10 лет — около 20 минут, 10—12 лет — около 25 минут, старше 12 лет — около 30 минут [1].

При подготовке к допросу несовершеннолетнего свидетеля должен быть тщательно продуман вопрос о месте допроса. Подросток в 14—16 лет может быть допрошен в кабинете следователя. Официальная, деловая обстановка в этом случае подчеркивает важность выполняемой им функции. Малолетних же свидетелей незнакомая обстановка, посторонние люди может запугать, затормозить процессы мышления и будет препятствовать даче исчерпывающих показаний. Место допроса должно быть привычным для малолетнего свидетеля: школа, дом, иногда даже улица, где ребенок играл и наблюдал интересующее следствие событие. Допрос на месте происшествия может оказаться особенно полезным и плодотворным. Это объясняется предметным характером мышления ребенка. Место происшествия оживляет воспоминания о воспринятом, ребенок может указать на месте — где, что и как произошло, наглядно продемонстрировать то, что ему трудно воспроизвести в словах.

При подготовке к допросу несовершеннолетнего свидетеля решается также вопрос о лицах, которые должны присутствовать при допросе. Как уже указывалось, при

[1] См.: Арямов А. Особенности детского возраста. М., 1953.

допросе свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя и суда и в возрасте от 14 до 16 лет вызывается педагог. Педагог выступает в данном случае как специалист. Поэтому в качестве такового вызывается лицо, которое занимается воспитанием и обучением несовершеннолетних того же возраста, что и свидетель. Задача педагога помочь следователю или суду установить психологический контакт с несовершеннолетним свидетелем, выработать правильную тактику проведения допроса, сформулировать вопросы с учетом особенностей детской психики. Для этого педагога знакомят с обстоятельствами, имеющими отношение к допросу, с данными о личности несовершеннолетнего свидетеля, о его отношении к обвиняемому и потерпевшему.

В случае необходимости вызываются также законные представители или его близкие родственники. Такая необходимость возникает в том случае, если эти лица пользуются доверием и авторитетом у несовершеннолетнего свидетеля и могут помочь в получении полных и достоверных показаний. Если же есть основания считать, что законные представители или родственники могут помешать несовершеннолетнему свидетелю в даче показаний, их вызов должен быть исключен.

Педагог и родственники несовершеннолетнего свидетеля, вызываемые на допрос, наделены определенными правами и обязанностями. Они могут с разрешения следователя задавать вопросы свидетелю. Следователь вправе отвести заданный вопрос, однако последний должен быть занесен в протокол. Лица, присутствующие при допросе несовершеннолетнего свидетеля, вправе при прочтении протокола делать замечания, подлежащие внесению в протокол, просить об уточнении или дополнении записи показаний. Присутствующим разъясняется их обязанность оказывать содействие в получении правдивых показаний и не разглашать данные предварительного следствия.

Перед допросом несовершеннолетнего свидетеля следователь должен побеседовать с лицами, которые будут при этом присутствовать, чтобы выработать тактику их поведения во время допроса. При этом необходимо иметь в виду, что допрос во всех случаях должен вести сам следователь. Это, конечно, не исключает права следователя поручить педагогу или другим лицам поставить вопросы свидетелю.

Допрос необходимо вести вежливо, на доступном и понятном свидетелю языке, сохраняя во всех случаях спокойствие и ровный тон.

Поскольку внимание у детей не обладает еще достаточной устойчивостью, в помещении, где ведется допрос, не должно быть быть отвлекающих объектов, посторонних людей и т. п.

Свидетели, не достигшие 16-летнего возраста, не предупреждаются об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Следователь (а в суде председательствующий) разъясняет им необходимость правдиво рассказать все известное по делу (ст. 158, 282 УПК РСФСР). Это разъяснение должно быть сделано в выражениях, понятных несовершеннолетнему, применительно к возрасту и уровню его развития. Его необходимо убедить, что правдивые показания очень важны для правильного разрешения дела, заставляя тем самым быть серьезным, внимательным и искренним. Такое разъяснение необходимо, если несовершеннолетний свидетель понимает значение своего долга. Очевидно, что при допросе малолетних свидетелей дошкольного возраста положения ч. 3 ст. 158 УПК РСФСР не должны применяться.

Для установления психологического контакта с несовершеннолетним свидетелем допрос его следует начинать с беседы на темы, близкие ребенку, с переходом к допросу по обстоятельствам, интересующим следствие. В непринужденной беседе следователь изучает характер несовершеннолетнего свидетеля, уровень его развития, интересы.

Требование ст. 158, 283 УПК РСФСР о том, что допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос, относится и к несовершеннолетним. Метод свободного рассказа оказывается особенно полезным при допросе несовершеннолетних свидетелей, поскольку они нестойки к внушению. По предложению следователя или председательствующего в судебном заседании несовершеннолетний свидетель в этом случае без всяких ограничений излагает все, что ему известно по делу. Однако получить от несовершеннолетнего свидетеля развернутые показания в процессе развернутого рассказа дело довольно сложное, поскольку он еще не способен полно и логически стройно рас-

сказывать о воспринятых событиях. Получить в этом случае от несовершеннолетнего свидетеля исчерпывающие показания можно путем детализации допроса постановкой вопросов, чтобы выяснить все обстоятельства восприятия события, являющегося предметом допроса. Так, Строганов, Стефанцев и Дубель были осуждены за разбойное нападение на Рогозина. Суд вынес приговор на основании односторонней оценки показаний несовершеннолетнего свидетеля семиклассника Вячеслава Тумакова и не принял во внимание показания осужденных, что они пытались задержать Рогозина, показавшегося им подозрительным. Судебная коллегия Верховного Суда СССР, отменяя этот приговор, отметила: «...свидетель, увидев в руках обвиняемых пальто..., не разобравшись в происшедшем и добровольно заблуждаясь, мог полагать, что обвиняемые умышленно раздели потерпевшего с тем, чтобы завладеть его вещами. При этом необходимо отметить, что органы предварительного расследования и суд вместо тщательного исследования показаний несовершеннолетнего свидетеля формально подошли к допросу Вячеслава Тумакова, которому не было задано ни одного вопроса, уточняющего фактические обстоятельства происшествия... На каком расстоянии от обвиняемых и потерпевшего находился первоначально этот свидетель и мог ли он отчетливо видеть все происходящее между ними, — осталось невыясненным. Не допрошен Вячеслав Тумаков о том, как был снят пиджак с потерпевшего и видел ли он это»[1].

Постановка вопросов несовершеннолетнему свидетелю требует особенной тщательности, ибо то, что доступно взрослому человеку, не всегда может быть правильно понято несовершеннолетним. Вопрос должен быть кратким, понятным как по форме, так и по содержанию. Главное же требование, предъявляемое к вопросам, заключается в том, чтобы они не носили наводящего, внушающего характера. Здесь необходимо отметить, что внушающим могут быть не только существо и форма вопроса, но и место его среди других вопросов, тон, каким он задан, жесты допрашивающего и т. п.

При допросе несовершеннолетнего свидетеля можно встретиться с таким фактом, что он либо с самого начала

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 2, стр. 24—26.

не хочет говорить, либо доводит свой рассказ до определенных моментов и замолкает. Это объясняется разными причинами, в зависимости от которых и должны применяться соответствующие тактические приемы допроса.

Причиной такого поведения может быть замкнутый характер, стеснительность несовершеннолетнего свидетеля, воздействие на него непривычной, слишком официальной обстановки, непривычность исполняемой им роли. «Разговорить» такого свидетеля можно в процессе беседы на близкие и интересные ему темы. Причем, в беседе могут принять участие и родители или другие лица, присутствующие на допросе.

Молчание свидетеля может быть вызвано воздействием на него заинтересованных лиц, боязнью мести со стороны обвиняемого, нежеланием портить отношения с обвиняемым или его друзьями, ложно понятым чувством товарищества. Положительный результат в этих случаях может быть достигнут при обращении к таким характерным для несовершеннолетнего чувствам, как стремление к самостоятельности, к совершению смелых поступков. Несовершеннолетнему необходимо в доступной форме показать общественное значение добросовестного исполнения функций свидетеля, истинное значение товарищества и т. д.

Такие же тактические приемы используются и для разоблачения заведомой лжи в показаниях несовершеннолетнего свидетеля, и для побуждения его к даче правдивых показаний.

Несовершеннолетние свидетели дают заведомо ложные показания, как правило, под влиянием заинтересованных лиц. Первым признаком, свидетельствующим о преднамеренно подготовленных показаниях, является заученность рассказа, несвойственные детям формулировки и выражения. Разоблачить ложь в показаниях несовершеннолетнего свидетеля можно путем постановки вопросов о сопутствующих обстоятельствах, имеющих косвенное отношение к устанавливаемому событию. Как отмечалось выше, для несовершеннолетнего трудно установить существенные связи между явлениями, поэтому он дает правдивые ответы на вопросы, которые прямо не затрагивают темы, к рассказу о которой он подготовлен.

§ 6. Фиксация показаний свидетеля

Показания свидетеля заносятся в протокол допроса, который составляется следователем с соблюдением правил, установленных ст. 102, 142, 160 УПК РСФСР. Протокол допроса свидетеля должен отвечать всем тем требованиям, которые предъявляются к протоколу любого следственного действия. В нем указывается: место и дата производства допроса, время его начала и окончания, должность и фамилия лица, составившего протокол, фамилия каждого лица, участвующего в допросе, а в необходимых случаях и их адреса.

В протоколе фиксируются ответы свидетеля на вопрос о его отношениях с обвиняемым и потерпевшим. Запись протокола не должна ограничиваться формулировками типа: «сосед», «сослуживец», а показывать суть этих отношений.

При заполнении протокола допроса несовершеннолетнего свидетеля в нем должны быть отражены сведения о родителях, учебе свидетеля, его работе в пионерской или комсомольской организации.

В протоколе делается отметка о том, что свидетелю разъяснены его обязанности и он предупрежден об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Если свидетель предупрежден о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, то об этом у него отбирается подписка. Эта подписка может быть отобрана как в протоколе допроса, так и в виде особого процессуального документа.

Показания свидетеля записываются в первом лице и по возможности дословно. Это означает, что следователь обязан сохранить в протоколе не только смысловое содержание показаний, но и все характерные выражения, обороты речи и другие индивидуальные особенности, присущие показаниям данного свидетеля. «Литературная обработка», «причесывание» показаний неизбежно связаны с искажениями как содержания, так и особенностей стиля, поэтому они недопустимы.

В протоколе допроса со всей полнотой, объективностью и всесторонностью должны быть зафиксированы сообщенные свидетелем данные. Протокол должен максимально отразить не только итог, но и весь процесс допроса, чтобы можно было правильно оценить показания свидетеля,

Записывая показания свидетеля, следователь должен видеть судебную перспективу. Как справедливо отмечает А. Р. Ратинов, «от его (протокола) качества зависит возможность использовать установленные данные в ходе дальнейшего расследования и судебного разбирательства»[1]. Если протокол составлен следователем в несвойственном свидетелю стиле, то разница, обнаружившаяся в суде между устными показаниями и протоколом допроса, может дискредитировать этот документ.

Показания записываются в той последовательности, как их излагал свидетель. Показания, полученные в процессе свободного рассказа и в результате ответов на вопросы, фиксируются в протоколе раздельно. В случае необходимости в протокол записываются заданные свидетелю вопросы и его ответы (ст. 160 УПК РСФСР). Это указание закона следует понимать в том смысле, что если ответы свидетеля не содержат фактических данных, могущих иметь значение для дела, то следователь может не заносить их в протокол.

Протокол допроса предъявляется для прочтения свидетелю или по просьбе последнего прочитывается ему следователем. Свидетель имеет право требования дополнения протокола и внесения в него поправок. В протоколе делается отметка, прочитал ли свидетель протокол лично или он был зачитан ему следователем. Протокол допроса, а также собственноручно написанные свидетелем показания подписываются свидетелем и следователем. Если протокол написан на нескольких страницах, свидетель подписывает каждую страницу. Подписями свидетеля и следователя удостоверяются все дополнения и поправки, сделанные в протоколе. Если допрос проводился с участием переводчика, то он также подписывает протокол в целом и каждую его страницу, а свидетель своей подписью подтверждает, что сделанный ему в устной форме перевод протокола соответствует данным им показаниям. Протокол подписывается также и другими лицами, присутствующими на допросе.

Свидетель во время допроса может начертить схему или сделать зарисовки, чтобы пояснить свои показания. Эти материалы должны быть приложены к протоколу допроса.

---

[1] Ратинов А. Р. Психологические основы расследования преступлений. Докторская диссертация, т. 1. М., 1966, стр. 289.

При фиксации показаний свидетеля необходимо решить два вопроса: во-первых, вести протокол допроса так, чтобы процесс записи показаний не отражался на ходе допроса; во-вторых, записывать показания свидетеля полностью и по возможности дословно. Возможны три варианта записи показаний свидетеля в протокол:

— параллельно с допросом;

— по окончании допроса;

— допрос и фиксация показаний по отдельным эпизодам или узловым вопросам.

Каждый из этих вариантов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Фиксация показаний параллельно с рассказом свидетеля обеспечивает полноту и точность протокола, но сам допрос в этом случае будет хуже. При составлении протокола во время рассказа свидетеля следователю приходится решать одновременно несколько психологических задач: следить за содержанием его рассказа, анализировать показания и сопоставлять с имеющимися в деле данными, отбирать из рассказа свидетеля данные, имеющие (или могущие иметь) значение для дела, вести запись протокола в выражениях, характерных для свидетеля. Нельзя также забывать, что следователь в ходе допроса должен наблюдать за поведением свидетеля. Одновременное выполнение всех этих задач — дело чрезвычайно трудное, поэтому при записи показаний в процессе рассказа следователь вынужден прерывать свидетеля, что тормозит процесс активизации ассоциативных связей, нарушает свободное изложение показаний, нарушает психологический контакт со свидетелем.

Второй вариант составления протокола хорош тем, что позволяет следователю целиком и полностью сосредоточиться на ведении допроса. Но он связан с риском упустить при внесении показаний в протокол отдельные существенные моменты из рассказа свидетеля.

Первые два варианта фиксации показаний целесообразно использовать при допросе, касающемся небольшого круга конкретных обстоятельств малой информационной емкости. При вызове свидетеля для допроса по большому кругу обстоятельств, допрос и запись показаний следует вести по отдельным эпизодам, что позволяет использовать достоинство первых двух способов фиксации показаний и избежать свойственных им недостатков, хотя и требует более тщательной подготовки к допросу.

В ходе записи показаний следователь может предложить свидетелю повторить отдельные положения или фразы.

Наряду с протоколом, являющимся основным и обязательным средством фиксации свидетельских показаний, все большее применение находят стенографирование и звукозапись. Эти средства фиксации показаний дают возможность точно, полно и объективно закрепить показания свидетеля. Они дисциплинируют свидетеля, заставляют его более ответственно относиться к своим показаниям. Применение этих средств облегчает труд следователя. Вообще, как показывают эксперименты, освобождение следователя от технической работы позволяет ему целиком и полностью сосредоточиться на ведении допроса, что значительно повышает качество этого следственного действия [1].

Стенографическая запись не приобщается к делу. После расшифровки она может использоваться как черновая запись для составления протокола. Стенограмма может быть и полностью включена в состав протокола, если она оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к протоколу.

Наиболее полное представление о содержании, обстановке и методах получения показаний, которые применял следователь, дает звукозапись. Вопрос о применении звукозаписи как дополнительного средства фиксации показаний в настоящее время нашел решение в уголовно-процессуальном кодексе (ст. 141[1] УПК РСФСР). Звукозапись может применяться следователем как по собственной инициативе, так и по просьбе свидетеля. Закон не требует согласия свидетеля на применение звукозаписи, но он должен быть уведомлен до начала допроса о решении следователя записать допрос на магнитофонную ленту. Наш закон не допускает тайной записи показаний.

Звукозапись должна с исчерпывающей полнотой зафиксировать весь допрос свидетеля: место, дату, время начала и окончания допроса свидетеля, сведения о свидетеле и допрашивающем и другие данные, которые в соответствии со ст. 141 УПК РСФСР заносятся в протокол, показания свидетеля, задаваемые ему вопросы. Звукозапись должна отражать весь ход допроса без каких-либо изъятий, включая заявление свидетеля после

---

[1] См.: Михайлов А., Соя-Серко Л., Григорьев В. Эксперимент в Пушкино. «Социалистическая законность», 1971, № 3, стр. 20—23.

прослушивания пленки, удостоверяющее правильность записи. Если после прослушивания записи у свидетеля имеются дополнения, то они также заносятся на фонограмму.

Закон запрещает частичную запись показаний, а также звукозапись повторных, специально для этого подготовленных при допросе показаний. Допрос должен вестись как обычно, с соблюдением установленных законом процессуальных правил. Весь смысл звукозаписи в том, что она фиксирует показания свидетеля во всех деталях и позволяет их воспроизвести без какого-либо корректирования и редактирования при составлении протокола следователем [1].

В протоколе допроса, когда допрос велся с записью на магнитофонную ленту, делается отметка о применении звукозаписи, об уведомлении свидетеля и его заявлениях по этому поводу. В протокол заносятся сведения о технических средствах и условиях звукозаписи, удостоверение правильности протокола и звукозаписи свидетелем и следователем. Фонограмма хранится при деле и по окончании предварительного следствия опечатывается.

Звукозапись допроса свидетеля дает дополнительные возможности для проверки и оценки показаний, полученных в ходе предварительного следствия. Используя фонограммы, суд может проверить условия и методы получения показаний, составить представление о позиции, которую занимал свидетель на предварительном следствии.

Особенно полезной является звукозапись показаний несовершеннолетних свидетелей, чьи речевые особенности чрезвычайно трудно передать в протоколе допроса. Целесообразно также применение звукозаписи при допросе свидетелей, в отношении которых имеются опасения, что они могут не явиться в суд, при допросе свидетеля с переводчиком, при расследовании дела группой следователей, при допросе свидетеля на очной ставке [2].

---

[1] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, стр. 112.

[2] См.: Порубов Н. И. Научная организация труда следователя. Минск, «Высшая школа», 1970, стр. 242.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Иванович СМЫСЛОВ

Свидетель в советском уголовном процессе

Редактор Н. И. Соловьев
Художественный редактор Н. Е. Ильенко
Технический редактор Г. Г. Киселева
Корректор В. В. Краснов

А-08622 Сдано в набор 20/X—72 г. Подп. к печати 9/II—73 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Объем 5 печ. л. Усл. п. л. 8,40 Уч.-изд. л. 8,97
Изд. № УМО-5520 Тираж 29 000 экз. Зак. 1677. Цена 31 коп.
План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1973 г. Позиция № 42

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 32 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-51, Цветной бульвар, д. 26.

31 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА
1973 ГОД